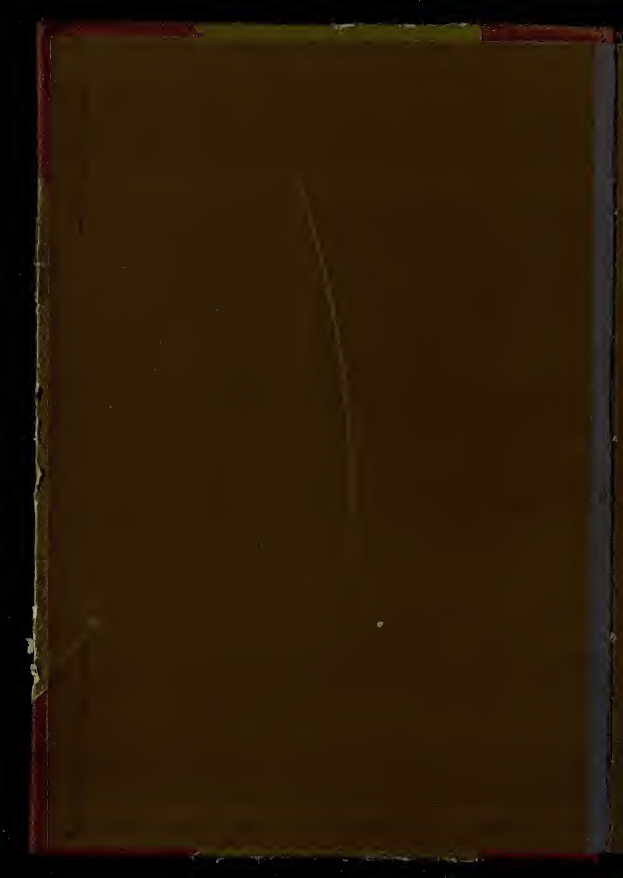
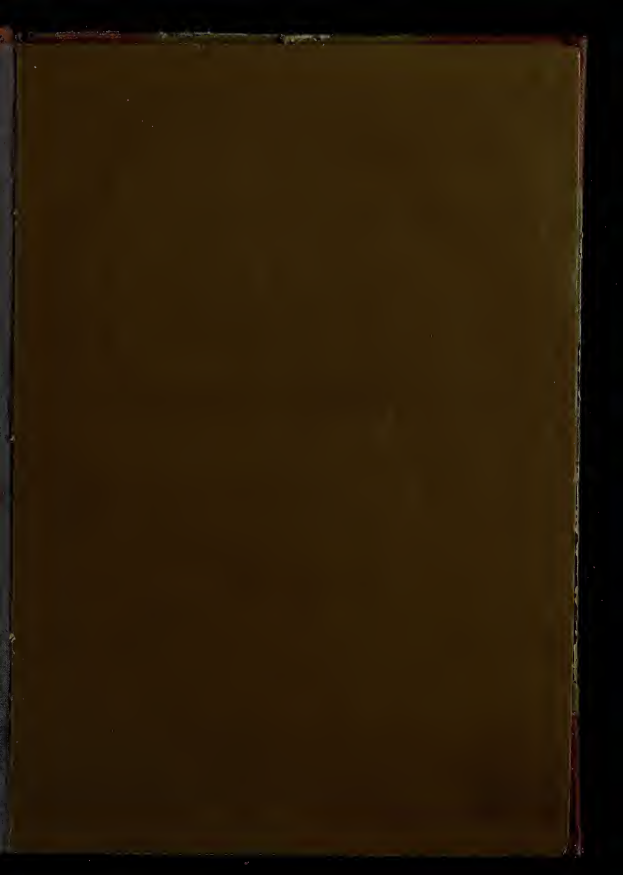
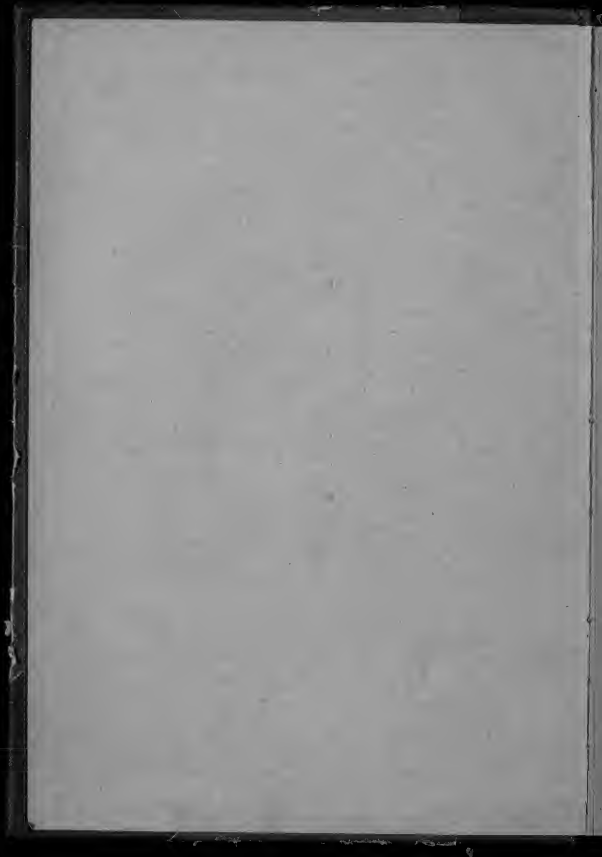

МИЛЮКОВ
ИСТОРИЯ
ВТОРОЙ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
Т. I В. I

ЦР
М 551

П. Н. Миллюковъ

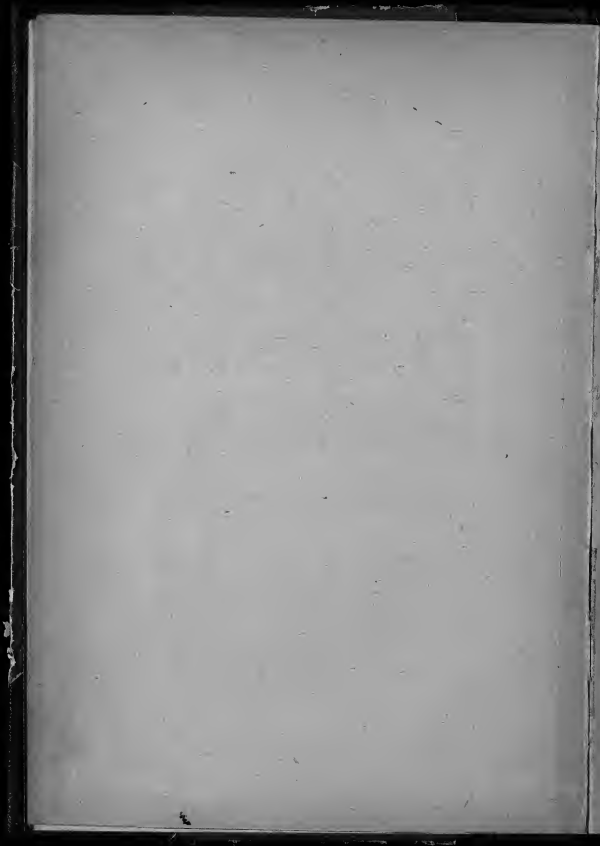
ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМЪ 1.

ВЫПУСКЪ 1.

КІЕВЪ
1919

ЦР
М 551

П. Милюковъ.

X

Исторія

второй русской революціи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Борьба буржуазной и социалистической
революціи.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПРОТИВОРѢЧІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

КІЕВЪ.

Книгоиздательство „ЛІТОПИСЬ“.

1919.

Б

ЦР
М551

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

195-1984 21658

сф
22214

91658

КИЕВЪ.

Тип. „Культура и Знание“, Александровская, 45.

1919.

2012

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Четвертая Г. Дума низлагаетъ монархію.
(27 февраля—3 марта).

THE HISTORY OF THE

REIGN OF THE EMPEROR
OF THE ROMAN EMPIRE

I. Корни второй революции.

Корни в историческом прошлом.—Слабость государственности.—Слабость социальных прослоек.—Максимализм интеллигенции.—Незаконченность культурного типа.—Неподготовленность масс.—Упорство старого режима.—Неискренность его уступок.

Съ чего начинать историю второй революции? Тотъ, кто будетъ писать философію русской революции, долженъ будетъ, конечно, искать ея корней глубоко въ прошломъ, въ исторіи русской культуры. Ибо, при всемъ ультра-модерномъ содержаніи выставленныхъ въ этой революціи программъ, этикетокъ и лозунговъ, дѣйствительность русской революции вскрываетъ ея тѣсную и неразрывную связь со всемъ русскимъ прошлымъ. Какъ могучій геологическій переворотъ шуга сбрасываетъ тонкій покровъ повѣтвѣвшихъ культурныхъ наслоеній и выводитъ на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминая о сѣдой старинѣ, о давно-минувшихъ эпохахъ исторіи земан, такъ русская революція обнажила передъ нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностнымъ слоемъ недавнихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Изученіе русской исторіи пріобрѣтаетъ въ наши дни новый своеобразный интересъ, ибо по социальнымъ и культурнымъ пластамъ, оказавшимся на поверхности русского переворота, внимательный наблюдатель можетъ наглядно прослѣдить исторію нашего прошлого. То, что поражаетъ, въ современныхъ событіяхъ посторонняго зрителя, что впервые является для него загадкой вѣкового молчанія „сфинкса“, русского народа, то давно было извѣстно социологу и изслѣдователю русской исторической эволюціи. Ленинъ и Троцкий для него возглавляютъ движеніе, гораздо болѣе близкое къ Пугачеву, къ Разину, къ Болотникову, — къ 18-му и 17-му вѣкамъ нашей исторіи, — чѣмъ къ послѣднимъ словамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Въ самомъ дѣлѣ, основная черта, продленная нашимъ революціоннымъ процессомъ, составляющая и основную причину его печальнаго исхода, есть слабость русской государственности и преобладаніе въ странѣ безгосударственныхъ и анархическихъ элементовъ. Но развѣ не является эта черта неизбежнымъ послѣдствіемъ такого хода историческаго процесса, въ которомъ пришлашая извнѣ государственность постоянно, при Рюрикѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, какъ и въ нашемъ „империализмѣ“ XIX и XX вѣка, — опережала внутренній органическій ростъ государственности? А другая характерная черта, — слабость верхнихъ социальныхъ слоевъ, такъ легко уступившихъ ибѣ, а потомъ и отброшенныхъ въ сторону народнымъ потокомъ? Развѣ не вытекаютъ эти слабость изъ всей исторіи нашего „первенствующаго сословія“, созданнаго властью для государственныхъ нуждъ, какъ это практиковалось въ деспотіяхъ востока, и сохранившаго до самого послѣдняго момента черты стараго „служилаго“ класса? Развѣ не связанъ съ этимъ прошлымъ, перешедшимъ въ настоящее, и традиціонный взглядъ русскаго крестьянства

на землю, сохранившую в самом названии „помещичьей“ память о своем историческом предназначении? А полное почти отсутствие „буржуазии“ в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие, при всем широком применении революционной клички „буржуй“ ко всякому, кто носит крахмальный воротничек и ходит в котелке? Не напоминает ли оно нам о глубокой разнице в истории всей борьбы за политическую свободу между нами и европейским западом, о громадном хронологическом расстоянии между началом этой борьбы там и у нас, о неизбежном последствии этой разницы, — о слиянии у нас политического переворота с социальным, а в социальном перевороте — о смешении борьбы против непрочно сложившегося и быстро разрушившегося крепостничества с борьбой против совсем не успевшего сложиться „капитализма“? Читайте историю французской революции Тена, — и вы увидите, как до мелочей повторяется с употреблением лозунга „буржуазии“ в нашей революции все то, что в гражданской войне великой революции применялось к „дворянству“. Переменяешь у нас, конечно, только лозунг; содержание гражданской войны осталось то же. Да и как могло быть иначе, когда и развитие русской промышленности, и развитие городов явилось, во сколько-нибудь серьезных размерах, плодом последних десятилетий, и когда еще 30 лет назад серьезные писатели глубокомысленно обсуждали вопрос о том, не может ли Россия вообще миновать „стадию капитализма“? Тесно связана с двумя отрицательными чертами, слабостью русской государственности и с примитивностью русской социальной структуры, и третья характерная черта нашего революционного процесса, идеяная безощность и утопичность стремлений, „максимализм“ русской интеллигенции. Когда-то я взял эту интеллигенцию под защиту против П. Б. Струве и его „Вѣхъ“; но я защищал ее только в одном смысле: я защищал ее право не искать корней в нашем прошлом, где, как уже сказано, заложены лишь корни нашей слабости и нашего бессилия. Неорганичность нашего культурного развития есть неизбежное последствие его запазданости. Как может быть иначе, когда вся наша новая культурная традиция (с Петра) создана всего лишь в осьмью поколений и наших предшественников, и когда эта работа резко и безвозвратно отбита от бытовой культуры данного периода национальной бессознательности: того периода, который у других культурных народов составляет его доисторическую эпоху? Стоя на плечах всего лишь восьми поколений, мы могли усвоить культурные приобретения запада — и усвоили их с гибкостью и тонкостью восприимчивости, которая поражает иностранцев. Мы обогатили эти заимствования и нашими собственными национальными чертами, тоже поражающими иностранцев, как странная прививка утонченности к примитиву. Но мы не могли сделать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть „ограниченностью“, и мы продолжаем предпочитать ту безграничную свободу славянской природы, „самой свободной в мире“, о которой не то с умилением, не то с сокрушением говорил гениальный наблюдатель Герцен. В других своих произведениях я проследил, как на почве этой незаконченности культурного типа у нас легко прививался западный идеализм в его наиболее крайних и индивидуальных проявлениях и как туго и медленно выростала серьезная государственная мысль. И пытался проследить также и то, какие усилия сдвигали, в направлении взаимного сближения и

постепенного освобождения, съ одной стороны, отъ утопическихъ, съ другой, отъ классовыхъ элементовъ, два главныхъ теченія нашей общественной мысли: течение социалистическое и течение либеральное при первыхъ столкновенияхъ съ жизнью *). Мнѣ казалось (въ 1904), что дальнейшій ходъ политической борьбы долженъ привести къ устраненію цѣлаго ряда рвзгнослій, называвшихся принципиальными, и установить возможность совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ теченій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, со старымъ режимомъ. Полтора десятка лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, показали мнѣ, что я оценивалъ возможность этого сближенія слишкомъ оптимистически. Съ тѣхъ поръ сформировались дѣйствующія нынѣ политическія партіи и, вмѣсто сотрудничества, началась непримиримая взаимная борьба. Въ процессъ этой борьбы воскресли многія изъ утопій, которыя я считалъ похороненными; и политическіе круги, которые, по моимъ предположеніямъ, должны были бороться съ этими утопіями, оказались нужными имъ идейно и неспособными къ стойкому сопротивленію. За это неполное приспособленіе русскихъ политическихъ партій къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности Россія поплатилась неудачей двухъ своихъ революцій и безплодной растратой національныхъ цѣнностей, особенно дорогихъ въ небогатой таковыми цѣнностями странѣ.

Конечно, несовершенство и незрѣлость политической мысли, на почвѣ безгосударственности и слабости социальныхъ прослоекъ, не могутъ явиться единственнымъ объясненіемъ неудачъ, постигшихъ до сихъ поръ наше политическое движеніе. Другимъ факторомъ является безсознательность и темнота русской народной массы, которая, собственно, и сдѣлала утопичнымъ примѣненіе къ нашей дѣйствительности даже такихъ идей, которыя являются вполне современными, а частью даже и осуществленными среди народовъ, болѣе подготовленныхъ къ непосредственному участію въ государственной дѣятельности. Народныя массы, — „народная душа“, — сами являлись объектомъ интеллигентскихъ утопій въ прошломъ — и едва-ли перестали имъ быть въ настоящемъ. Я лично былъ всегда далекъ отъ тѣхъ, которые готовы были возмечивать русский народъ, какъ народъ избранный, „народъ богоносецъ“, и, преклоняясь передъ нимъ, всячески принижать русскую интеллигенцію и новую русскую культурную традицію. На борьбу съ этими тенденціями, въ разныхъ ихъ проявленіяхъ, я употребилъ немало усилій въ теченіе первой половины моей общественной дѣятельности, когда эти тенденціи выступали сильнѣй и казались болѣе опасными, чѣмъ теперь. Но я тѣмъ же далекъ и отъ тѣхъ, кто теперь, подъ вліяніемъ пережитого ужаснаго опыта и тяжелыхъ переживаній послѣднихъ мѣсяцевъ, склоненъ говорить о „явродѣ-зифу“. Да, конечно, этотъ народъ, сохранившій мировоззрѣніе иныхъ столѣтій, чѣмъ намъ, а въ послѣднее время стараго режима, умышленно удерживавшійся въ темнотѣ и невѣжествѣ сторонниками этого ре-

*) Изложенныя въ текстѣ идеи о связи нашего прошлаго съ настоящимъ развиты мной подробно какъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“, такъ и въ изданной въ Чикаго и въ Парижѣ книгѣ моей *The Russian Crisis* (Ja crisis Russe), написанной въ 1903—1904 г.г. и представляющей первую часть трилогіи, вторая часть которой не написана и сливается съ моей публицистической и парламентской дѣятельностью (1905—1916), а третья представляется здѣсь вниманію читателя. Моя полемика съ „Вѣхами“ напечатана въ сборникѣ о „Русской интеллигенціи“, а идея о восьми поколѣніяхъ подробно развита въ двухъ лекціяхъ прочитанныхъ осенью 1916 года въ университетѣ въ Христианіи, и напечатана въ норвежскомъ журналѣ „Samtiden“.

жизни, — этот народ, действительно, предстаёт передь наблюдателями его психоза, почти как кака-то другая низшая раса. Интернационалистическому социализму было легко, на почве культурной розни, провести глубокую социальную грань и раздуть в яркое пламя социальную вражду народа к „Варягам“, „сеицины“ к „дружинѣ“, выражаясь славянофильскими терминами. Но элементы истинного здорового интернационализма при этом оказались не внизу, а наверху, — в культурных слоях, идеях и учреждениях. И рост интернациональной культуры с разрушением этих верхов оказался задержанным — не будем утверждать, что надолго. Как бы то ни было, исправление последствий нашей истории и ошибок переворота идет в том же направлении, как раньше: в направлении восстановления нашего культурного слоя, так безжалостно уничтожавшагося революцией. В этом смысле должны быть пересмотрены все демократическая программа, которая, ничего еще не давши народу, хотѣла „все“ создавать „через народ“. Неосновательное разочарование в народѣ, послѣ столь же неосновательного преклонения передь ним, не должно, конечно, возвращать нас к той системѣ „недовѣрія к народу, ограниченнаго страхомъ“, которое, по мѣткому опредѣленію Гладстона, лежитъ въ основѣ реакціонной политики. Суть правильной политики, приспособленной къ действительному уровню массы, должна, пользуясь выраженіемъ того же Гладстона, заключаться въ „довѣріи къ народу, ограниченномъ благоразуміемъ“. Эта формула, разумеется, не мирится съ формулой полнаго и неограниченнаго народоустройства. Это надо ясно усвоить, опредѣленно сказать себѣ и сдѣлать отсюда надлежащіе политическіе выводы. Въ политикѣ не существуетъ абсолютныхъ рецептовъ, годныхъ для всѣхъ временъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Пора понять, что и демократическая политика не составляетъ исключенія изъ этого правила. Пора усвоить себѣ мысль, что и въ ея лозунгахъ не заключается панцеи и лекарь отъ всѣхъ болѣзней.

Еще одна отговорка въ предѣлахъ того же вопроса о народныхъ массахъ, какъ политическомъ факторѣ. Вотъ люди, которые готовы были бы искать въ физиономіи этихъ массъ не только тѣхъ извѣстнѣйшихъ чертъ, въ которыхъ отпечатѣлся ходъ нашей исторической эволюціи, но и того неизмѣннаго истинческаго ядра, которое германскіе метафизики, такъ же, какъ и новѣйшіе социологи типа „Gustave Lebon“, называли „душой народа“, l'âme ancestrale. Наблюдая французскую пониху времени войны, Lebon искалъ въ этой „душѣ предковъ“ объясненія, почему недавняя „упадочная“ Франція вдругъ превратилась передь лицомъ врага во Францію героическую. Увы, ходъ и исходъ русской революціи до сихъ поръ не уполномочиваетъ насъ искать подобныхъ параллелей. Традиціонное сравненіе 1613 и 1813 г.г. напоминаетъ, правда, о моментахъ просвѣтленія національнаго сознанія и о чрезвычайныхъ народныхъ усиліяхъ, на которыя способенъ былъ русскій народъ, когда въ его сознаніи отпечатѣвалось представление объ опасности, грозившей самому его существованію. Быть можетъ, можно надѣяться, что въ 1919 году такое просвѣтленіе передь лицомъ великой національной катастрофы приметъ болѣе культурную форму — чего либо вродѣ германскаго возрожденія начала XIX-го вѣка. Можетъ быть, эта катастрофа послужитъ толчкомъ, которымъ закончится доисторическое, подсознательное, такъ сказать, этнографическое существованіе народа, и начнется историческій періодъ связнаго самосознанія и непрерывной социальной памяти. Съ очень большимъ опозданіемъ, мы и въ этомъ случаѣ пойдемъ по пути, давно уже пройденному культурными народами. Но, въ ожиданіи, пока всѣ эти надежды осуще-

ствятся, мы должны признать, что самая надежда этого рода служить, такъ сказать, хронологической вѣхой. Наша русская *âme ancestrale* продолжаетъ, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлѣлись отбѣтки исторіи. Основнымъ свойствомъ ея еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, въ которой Достоевскій призналъ основное свойство русской души,—идеализировать его, какъ „всечеловѣчность“. Въ политическомъ же прииженіи, безформенность этой души проявляется какъ тотъ натуральный, догосударственный „анархизмъ“, то „естественное состояніе человѣка“, по выраженію старой политической доктрины, которое такъ ярко и сильно выразилъ „великій писатель землей русской“, отразившій, какъ въ зеркалѣ, на удивленіе цивилизованному міру, это состояніе народной души.

Повторяемъ, философъ исторіи русской революціи не сможетъ обойти всѣхъ этихъ глубокихъ корней и нитей, связывающихъ вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ русскаго историческаго процесса. Но наша задача гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью—возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ. Тѣ недостатки описанія, которые усмотритъ въ немъ послѣдующій историкъ, отчасти вознаграждаются чертами, для будущаго историка этой революціи уже недоступными: элементомъ личнаго свидѣтельства очевидца-наблюдателя и отчасти близкаго участника совершившихся событій. Эта болѣе близкая къ наблюдаемымъ явленіямъ позиція обуславливаетъ, конечно, и иной характеръ объясненій причинъ и мотивовъ. Въ этомъ порядкѣ мыслей, прежде всего, мы должны коснуться тѣхъ, болѣе детальнѣе объясненій второй русской революціи, которыя, какъ они ни важны, сами по себѣ, тоже останутся за предѣлами настоящаго изложенія.

Мы разумѣемъ громадное вліяніе фактора, до сихъ поръ не упомянутого, но имѣвшаго первостепенное отрицательное значеніе. Если общая физиономія русской революціи опредѣлилась, въ значительной степени, нашимъ прошлымъ, то ея характеръ именно, какъ революціи, какъ насильственнаго переворота, опредѣлился наличиемъ фактора, противодействовавшаго мирному разрешенію конфликтовъ и внутреннихъ противорѣчій между старыми формами политической жизни и не вмѣщавшимся болѣе въ эти формы содержаніемъ. Инстинктъ самосохраненія стараго режима и его защитниковъ: таковъ этотъ отрицательный факторъ.

Въ упомянутой выше работѣ 1903—1904 года я объяснилъ подробно, какъ этотъ инстинктъ самосохраненія съ неизбежностью привелъ къ политикѣ все усиливавшихся репрессій и къ раздѣленію Россіи на два лагеря: Россію официальную и всю остальную Россію, въ которой культурные и народные элементы были одинаково непримиримо настроены по отношенію къ дореформенной государственности. Не только въ эти годы, но уже гораздо раньше, съ шестидесятыхъ, съ сороковыхъ годовъ, съ конца XVIII столѣтія, было очевидно, что конфликтъ старой государственности съ новыми требованіями есть лишь вопросъ времени. Подъ угломъ этого грядущаго конфликта складывалось все мировоззрѣніе русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, шести послѣднихъ поколѣній. Немудрено, что это мировоззрѣніе и вышло такимъ одностороннимъ. Описывать всю эту исторію борьбы—значило бы, въ сущности, пересказывать всю исторію русской культуры двухъ послѣднихъ столѣтій. Естественно, что эта задача не можетъ быть цѣлью настоящаго изложенія. Мы достаточно сослаться на приведенныя уже мои прегія

сочинения, которыя, въ предвидѣніи грядущаго конфликта, усиленно готовили къ его пониманію русское и иностранное общественное мнѣніе.

Можетъ быть, сдѣлало бы здѣсь остановиться лишь на послѣдней стадіи этого конфликта между старой государственностью и новой общественностью: на томъ послѣднемъ десятилѣтіи, когда хроническій конфликтъ перешелъ въ стадію неискреннихъ уступокъ власти общественнымъ теченіямъ. Это десятилѣтіе знаменуется открытымъ началомъ политической жизни въ Россіи, подъ знаменемъ перваго политическаго народнаго представительства. Германскіе публицисты придумали уже для этого періода мѣткое названіе: эпоха „мнимаго конституціонализма“ (Scheinkonstitutionalismus). Если можно въ одномъ словѣ сформулировать причину того, почему съ первыми уступками власти конфликтъ не прекратился, а принялъ затяжной характеръ и, въ концѣ концовъ, привелъ къ настоящей катастрофѣ,—то это объясненіе дано въ томъ же словѣ: Scheinkonstitutionalismus. Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что они были недостаточны и неполны. Они были неискренни и лживы, и давшая имъ власть сама ни минутой не смотрѣла на нихъ, какъ на уступленныя навсегда и окончательно. Я помню моментъ, когда графъ Витте, въ ноябрѣ 1905 года, послѣ октябрьскаго манифеста, пригласилъ меня для политической бесѣды. Я сказалъ ему, что никакое общественное сотрудничество съ правительствомъ невозможно до тѣхъ поръ, пока власть не произнесетъ открыто слова: конституція. Пусть, говорилъ я, это будетъ конституція октроированная, но нужно, чтобы она была дана окончательно. Гр. Витте не скрылъ отъ меня, что онъ ее не можетъ исполнить этого условія, ибо этого „не хочетъ царь“. Довольно извѣстно, что даже манифестъ 17 октября императоръ Николай II считалъ данымъ „въ лихорадкѣ“ и никогда не мирился даже съ этими болѣе чѣмъ скромными уступками. Не хотѣлъ, конечно, конституціи и гр. Витте, исходя изъ своихъ старыхъ славянофильскихъ взглядовъ; не хотѣлъ конституціи даже такіе общественные дѣтели, какъ Дм. Ник. Шиповъ. Для защиты создавшейся, такимъ образомъ, двусмысленности была создана специальная партія, „союзъ 17 октября“, и все послѣдующее десятилѣтіе прошло подъ знакомъ политическаго лицемерія. Такъ какъ страна не могла этимъ удовлетвориться, то и самое существованіе представительныхъ учреждений послужило лишь въ расширенію базиса для дѣлѣйшей борьбы общественности съ защитниками стараго порядка. Если опорой для общественности служила при этомъ оппозиція Государственной Думѣ, не смолкавшая даже въ самыя трудныя минуты существованія этого учрежденія, то опорой для власти служилъ Государственный Совѣтъ, приваженный къ себѣ всѣ силы и сосредоточившій все усердіе саванниковъ стараго режима. Въ результатъ борьбы вѣтъ двухъ центровъ въ Россіи, за десять лѣтъ, въ сущности, не было вовсе законодательства. Всѣ проекты реформъ, даже самыхъ умѣренныхъ, застревали подъ „пробкой“ Государственнаго Совѣта, превращавшагося съ годами въ настоящее кладбище благихъ начинаній Государственной Думы. Проходили черезъ законодательныя учрежденія лишь тѣ мѣры, которыхъ хотѣла власть въ союзѣ съ правящимъ сословіемъ. Такъ прошла аграрная реформа Столыпина, такъ прошли постыдные для русскаго имени законы о Финляндіи. Гибкость и услужливость октябристовъ казались власти уже недостаточными. Курсъ политики поворачивался все болѣе вправо. „Конституціонализмъ“ становился все болѣе призракнымъ, и на очередь для становился самый беззастѣнчивый „націонализмъ“. Старая формула Уварова „православіе, самодержавіе и народность“ бы-

да выкопана из архивов, слегка подновлена и серьезно пушена в ход, как платформа для выборов и как программа очередного политического курса. Желание императора Николая II — сохранить самодержавие таким, каковы оно было „встарь“, было принято не только „союзом русского народа“, вызвавшим это возмущение царя; оно было принято к исполнению и политическими деятелями, выдававшими себя за государственных мужей и, čím дальше, čím откровеннее, предлагавшими себя на перебой в организаторы государственного переворота. Здесь нет надобности упоминать имена арийских памятны; многія изъ лицъ, ихъ носившихъ, заплатили трагической коачиной за свою аину передъ родиной и передъ русскими народами. Это — и ихъ работа, и связи съ все усиливавшимся ализмомъ при дворѣ случайныхъ людей и проходимцевъ, создала въ странѣ то состояніе полнѣйшей аевѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которое собственно и подготовило психологію переворота, изолировавъ дворъ и власть отъ нѣхъ слоевъ населенія и отъ арийскихъ аародностей россійскаго государства.

Для самыхъ умныхъ изъ этихъ прислужниковъ стараго режима было ясно, что при подобной напряженности общаго настроенія, при такомъ состояніи неустойчиваго равновѣсія, съ трудомъ поддерживаемаго политикою репрессій и опирающагося на искусственно организованное ничтожное меньшинство, Россія не выдержитъ никакого серьезнаго азийскаго толчка или анутренняго потрясенія. Опытъ 1905 года, казалось, долженъ былъ служить урокомъ. Тогда съ большимъ трудомъ удалось ликвидировать послѣдствія неудачной войны и спасти власть отъ аснѣбжающаго ея результата; аутренней революціи. Гр. Витте былъ призванъ спеціально для выполнения этой миссіи. Ошибки первой русской революціи, поддержка Европы дали ему возможность выполнить ее блестяще. Но беззоркая власть относилась съ подозрѣніемъ къ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ своимъ защитникамъ. Гр. Витте едва ахлопоталъ себѣ право спасти эту власть, оставшись на своемъ посту до заключенія займа во Франціи и до аозвращенія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Далѣе его услуги были не аужны. Его соперникамъ поручили ликвидацию уступокъ, сдѣланныхъ „въ лихорадкѣ“, — уступокъ, которыхъ никогда не могли простить графу Витте. И началась борьба съ молодымъ народнымъ представительствомъ, приведшая къ пераому нарушенію „мнимой конституціи“, къ изданію избирательнаго закона 3-го іюня 1906 года, окончательно изолировавшему власть отъ населенія и передавшему народное представительство въ руки случайныхъ людей и случайныхъ партій. Какъ-какъ сколоченный государственный аовъ скрѣпился — до пераго толчка.

Можно-ли было его предупредить? Сторонники стараго режима считали, что можно и нужно — въ союзъ съ Германіей. А живыъ повела русскую политику по аному направиленію, въ сторону державъ „согласія“, и новорожденное русское представительство сыграло тутъ известную роль. Такъ или иначе, при раздѣленіи Европы на два лагеря, Россія не могла не быть атянута въ международные конфликты. Она могла лишь избѣгать созданія конфликтовъ по собственной аина; но для этого ея балканская политика была недостаточно ума и провидательна. Общая безтолковость управленія привела къ тому, что, ида болѣе или менѣе сознательно на аозможный конфликтъ, Россія оказывалась къ нему не подготовленной въ асовномъ смыслѣ. Какъ во аѣншей политикѣ, такъ и въ вопросѣ объ усиленіи военной мощи, Государственная Дума имѣла известное аліансіе — и тѣмъ связала себя съ политическими кругами, патріотически настроенными. Этими она впервые приобрѣла известную независимость отъ аліансій въ

, сферах", и, на случай внешнего конфликта, приготовила себя к роли серьезного политического фактора,—серьезного тем более, чем слабее, растерявше и неподготовленнее оказалось бы самое правительство. К Государственной Думе в этом случае неизбежно должна была перейти роль идеального руководства наций.

И вот она наступила, эта война: наступила в форш громадного мирового конфликта. В ряду факторов, определивших собой особую физиономию второй революции, войн 1914—1918 г.г. принадлежит, конечно, первое место. Многие и многие из явлений, которые принято считать специфически-революционными, фактически предшествовали революции и созданы именно обстоятельствами военного времени. В виду этого, на влиянии войны на революцию надо остановиться несколько подробнее.

II. Война и революция.

Общее действие войны на внутренний порядок.—1915 год.—Конфликт между законодательными учреждениями и правительством на почве военной неподготовленности.—Уступки в частности и расхождение в главном.—Мнимый конституционализм распадается на свои противоречия: большинство Думы идет к парламентаризму, власть идет к восстановлению самодержавия.—1916 год.—Разрыв и позиционная война.—Накопление противоречий и взрыв 1 ноября.—Начало открытой революции.—Убийство Распутина и планы дворцового переворота.—Тайные источники рабочего движения.—Уличное движение переходит в революцию.

Прежде всего, конечно, при этом напрашивается параллель между 1905 и 1917 годами. Тогда, как и теперь, война произвела все те разрушения во внутренней жизни страны, во строе чувств и мысли, которые она всегда производит. Изменения народной психологии в моменты войны станут понятны, если принять во внимание, что война поощряет как раз те качества и создает те привычки, которые во всем противном положении привычкам и качествам, одобряемым в нормальной жизни. Все обычные понятия при этом оказываются перевернутыми. Нечего и говорить уже о сохранении политических прав и свобод, которые даже в странах глубоко-демократических, как Англия, в значительной степени были принесены в жертву сильной, почти диктаторской власти правительства военного времени. Но и элементарные понятия—о собственности, даже о человеческой жизни, оказываются натыканными. Военное законодательство воюющих стран само идет навстречу этим явлениям и помогает создавать их, вовлекая в государственный оборот и подчиняя государственному руководству такие стороны жизни, которые обычно остаются предоставленными свободной частной инициативе. В условиях русской жизни этот „военный социализм“ сперху встретил не менее пренебрежений и сопротивлений, чем на западе,—тем более, что на ряду с ограничениями для одних общественных групп, он сопровождался значительными материальными преимуществами для других. Свободный торговый оборот был почти разрушен расширением сферы государственной монополии; зато расцвела спекуляция и создались хищнические дыны на предметы военного производства. Нормальное функционирование капиталов прекратилось, но рабочая плата росла безпредельно. При огромных чрезвычайных государственных расходах на войну, обычный бюджет настолько отстал, что на него вообще перестали обращать внимание. Как неплатный должник, который, все равно, не может свести концов с концами, государство стало расточительною на чужой счет. Неограниченный внешний кредит и печатный ста-

покъ, выпускавшій каждый день бумажекъ на десятки миллионъ, изъ которыхъ складывались миллиарды, совершенно устранили всякое понятіе о необходимости быть бережливыми. Однѣмъ на другіе, широкіе общественные слои переходили на содержаніе государства. Деревни не платили налоговъ и получала папки. Рабочіе не работали и получали быстро возростающіе оклады заработной платы. Фабрикантамъ эта плата возмѣщалась въ столь же быстро возростающей цѣнѣ казенныхъ заказовъ. Громадная армія тѣла, содержавшаяся на казенный счетъ, приучала народъ къ праздности и къ извлеченію чрезвычайныхъ доходовъ изъ народныхъ бѣдствій, расстройствъ торговли и транспорта.

Среди этого показного благополучія страдали какъ разъ тѣ элементы, противъ которыхъ направлялась вся ненависть „революціонной демократіи“: служащая „буржуазная“ интеллигенція и чиновничество. Но и въ средѣ послѣдняго могущественные соумы, какъ желѣзнодорожный, почтово-телеграфный и т. д., умѣли извлекать изъ казначейства многіе сотни миллионъ добавочнаго вознагражденія.

Чтобы справиться со всѣми этими явленіями ненормального времени, нужна была дѣйствительно военная диктатура, въ какую и превратилось мало-по-малу управленіе такихъ демократическихъ странъ, какъ Англія и Франція. У насъ, наоборотъ, эти же самыя явленія создали для власти и закона—обстановку полного бессилія. Это бессиліе власти чувствовалось уже при монархіи. Оно и было причиной того, что умѣренныя элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ. Переворотъ вѣдь, въ сущности, былъ поставленъ на очередь тогда, когда, весной 1915 года, стало общеизвѣстно то, что уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны русскія войска терпятъ неудачи—и обречены на нихъ впередъ—вслѣдствіе полнѣйшей нашей неподготовленности, вслѣдствіе отсутствія въ арміи достаточнаго количества ружей, патроновъ, снарядовъ. Не одна Россія очутилась въ вѣтомъ положеніи. Но въ другихъ странахъ, какъ ея союзниковъ, такъ и ея противниковъ, недостатки были скоро замѣчены, и, въ согласіи съ народнымъ представительствомъ, приняты были энергичныя мѣры къ усиленію военной производительности и къ поднятю военной техники. Въ то время, какъ тамъ, на западѣ, получались поистинѣ чудотворительные результаты этого дружнаго сотрудничества всей страны съ властью, у насъ весь пылъ и энтузіазмъ народнаго представительства, проявленный съ самаго начала войны, пропалъ даромъ. Послѣ однопневной сессіи 26-го іюля 1914 года, обнаружившей общее патристическое единодушіе партій въ дѣлѣ обороны страны, правительство рѣшило было не собирать Государственной Думы до ноября слѣдующаго года. И только настойчивыя заявленія депутатовъ привели къ тому, что правительство согласилось созвать Государственную Думу „не позже 1-го февраля“. Въ промежуткѣ разнеслись слухи о запискѣ правыхъ, которая настаивала на скорѣйшемъ заключеніи мира съ Германіей, для убѣжденія внутреннихъ осложненій. Правительство явно не хотѣло соблюдать условій молчаливаго „перемирія“, на которое шли партіи въ своемъ стремленіи къ единенію. При такомъ, уже испортившемся настроеніи состоялось открытое совѣщаніе членовъ Государственной Думы съ правительствомъ (25-го января 1915 года), въ которомъ впервые народные представители отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что правительство или скрываетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ странѣ и арміи—и слѣдовательно, „обманываетъ Государственную Думу“, или само не понимаетъ серьезности этого положенія—и, слѣдовательно, органически неспособно его улучшить.

Съ этого дня начался конфликтъ между законодательными учреждениями и правительствомъ. Въ засѣданіи 27 января Государственная Дума возобновила обѣтъ „святю хранить духовное единство, залогъ побѣды“. Но, во-первыхъ, правительство само себя исключило изъ этого единства, а во-вторыхъ, въ рѣчахъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, профессора Левашова и Керенскаго, уже появились ноты, существенно нарушавшія это духовное единство. Ораторъ лѣвыхъ уже сталъ на точку зрѣнія социалистовъ-интернаціоналистовъ и требовалъ скораго мира.

Отступленіе русскихъ войскъ изъ Галиціи во второй половинѣ апрѣля 1915 года подтвердило худшія опасенія Государственной Думы и заставило правительство пойти на нѣкоторыя уступки. Члены Государственной Думы были введены въ особый правительственный комитетъ, которому были поручены дѣла по распредѣленію и выполненію военныхъ заказовъ. Общественные круги добивались большаго. Они требовали привлеченія общественныхъ силъ къ обслуживанію нуждъ войны и сосредоточенія этихъ дѣлъ въ особомъ министерствѣ „снабжения“, съ извѣстнымъ и пользующимся довѣріемъ арміи дѣятелемъ во главѣ, по примѣру Англіи и Франціи. Они требовали дагѣ созыва Государственной Думы не на короткую одхводевную, а на длительную сессію и, наконецъ, созданія правительства, которое могло бы пользоваться общественнымъ довѣріемъ. 5-го іюня 1915 года эти пожеланія были высказаны княземъ Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ отъ губернскихъ земствъ и Н. И. Астровымъ въ совѣщаніи городскихъ головъ, болѣе радикально настроенныхъ. Земскій и городской союзы выдѣляли изъ себя отдѣлы, преобразованные въ іюлѣ въ „главный комитетъ по снабженію арміи“.

Послѣ упорныхъ настояній общественныхъ круговъ и столь же упорнаго сопротивленія правительства, Государственная Дума, наконецъ, была созвана 19 іюля на длительную сессію. Правительство понимало, что, послѣ всего случившагося, оно не можетъ астрѣтиться съ Государственной Думой въ прежнемъ составѣ. Правительство „почистилось“. Ушелъ военный министръ, котораго вся страна обвиняла въ военныхъ неудачахъ; ушелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго обвиняли въ возбужденіи внутренней розни. Мѣсто Сухомилова и Маклакова заняли выдвинутые думскими кругами А. А. Поливановъ и доброжелательный, но слабый князь Щербатовъ. Ушли передъ самымъ открытіемъ сессіи Щегловитовъ и Саблеръ, замѣненные кандидатами правыхъ А. А. Хвостовымъ и А. Д. Самаринымъ. Но Горемыкинъ остался въ качествѣ довѣреннаго лица государя,—а съ нимъ осталась и недовѣріе общества къ власти.

При открытіи Государственной Думы въ рѣчахъ ораторовъ посылались новые тона. Даже націоналистъ гр. В. А. Бобринскій требовалъ проявленія „патріотическаго скептицизма ко всему, что предъявляетъ правительство“. Внесенная имъ формула перехода требовала „единенія со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ“. То же требованіе варьировалось въ рѣчахъ В. Н. Львова и Н. В. Савича. А Н. И. Ефремовъ отъ имени прогрессистовъ уже выставилъ лозунгъ „отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ“ министерства. Пишущій эти строки настоялъ на сохраненіи болѣе скромной, но зато объединившей болѣе широкий фронтъ формулы: „министерства, пользующагося довѣріемъ страны“, и перечислялъ тѣ реформы, которыя необходимо было ввести немедленно, вопреки заявленію Н. А. Горемыкина, желавшаго ограничить дѣятельность Государственной Думы „только законопроектными, вызванными потребностями войны“, въ узкомъ смыслѣ.

Въ первой половинѣ августа всё эти стремленія, одновременно въ Москвѣ и въ Петроградѣ, принявъ опредѣленную форму. Въ Петроградѣ высказанныя думскими ораторами мнѣнія легли въ основу платформы „прогрессивнаго блока“. Четвертая Дума, — Дума безъ опредѣленнаго большинства, была игралищемъ власти. Война дала Государственной Думѣ большинство, — и тѣмъ самымъ поставленъ былъ на твердую почву вопросъ объ „отвѣтственности“ правительства передъ этимъ большинствомъ. Вотъ почему когда программа „прогрессивнаго блока“ послѣ долгихъ обсуждений и споровъ, была, наконецъ, опубликована 21 августа, болѣе прогрессивные члены правительства сразу поняли, что самое меньшее, что нужно, это стать съ вновь образовавшимся большинствомъ въ опредѣленные отношенія.

Моментъ былъ рѣшительный. Если бы власть сумѣла воспользоваться предоставленнымъ ей шансомъ, то дальнѣйшаго раздѣленія между правительствомъ и обществомъ можно было бы надолго избѣгнуть. Понявъ это даже и Н. Л. Горемыкинъ и поспѣшилъ забѣжать впередъ, пригласивъ къ себѣ 15 августа лидеров правой части блока, чтобы съ ихъ помощью перехватить идею созданія большинства и использовать эту идею для поддержки существующаго правительства.

Неловкій экспериментъ не удался. Послѣ этого въ засѣданіи совѣта министровъ мнѣнія раздѣлились. Правое меньшинство поддерживало Горемыкина въ мнѣніи, что Государственную Думу надо поскорѣе распустить. Большинство опасалось осложненій въ случаѣ роспуска и рѣшило войти въ сношенія съ представителями блока. Обсудивъ съ ними 27 августа программу прогрессивнаго блока, эти министры, во главѣ съ Харитоновымъ, пришли къ заключенію, что „программа не встрѣчаетъ возраженій, но совѣтъ министровъ въ выѣздѣмъ составѣ не можетъ ее проводить“. Намѣтъ былъ достаточно ясенъ. Черезъ день, 29 августа, Н. Л. Горемыкинъ выѣхалъ въ ставку къ государю. Еще черезъ день (31 августа) онъ вернулся и... сообщилъ коллегамъ, что Государственная Дума 3-го сентября должна быть распущена...

Противъ эту руку оттолкнули. Конфликтъ власти съ народнымъ представительствомъ и съ обществомъ превращался отнынѣ въ открытый разрывъ. Испытывъ безрезультатно всё мирные пути, общественная мысль получила толчокъ въ иномъ направленіи. Вначалѣ тайно, а потомъ все болѣе открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революціоннаго исхода.

Съ своей стороны не молчали и противники „мнимаго конституціонализма“ съ правой стороны. Съ роспускомъ Думы они подняли голову и начали тоже дѣйствовать открыто. На засѣданіи совѣта министровъ въ ставкѣ, 17-го сентября, подъ председательствомъ государя были приняты рѣшенія въ духѣ праваго курса. Министра Щерба-това смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, кандидатъ крайнихъ правыхъ организаций. Въ тотъ же день былъ уволенъ въ очень рѣзкой формѣ оберъ-прокуроръ А. Д. Самаринъ, не подавившій съ придворными фаворитами нѣтъ духовныхъ и не соглашавшійся, въ угоду имъ, нарушить церковные каноны. Черезъ мѣсяць ушелъ А. В. Кривошеинъ, противникъ спѣшнаго роспуска Государственной Думы. Намѣчены были къ отставкѣ и другіе сторонники сближенія съ прогрессивнымъ блокомъ. Напротивъ, снова выдвинулся Щегловитовъ, открыто заявившій на съѣздѣ крайнихъ правыхъ (21 ноября) о своихъ симпатіяхъ къ самодержавію и объявившій манифестъ 17 октября, „потерянной грамотой“. Обломки провинціальнаго отдѣловъ „союза русскаго народа“ были восстановлены и

принялись за ту же работу, которой занимались в 1905—1907 г.г.: они резко нападали на прогрессивный блок, на городскую и земскую союзы, видя в оживившейся деятельности общественных организаций—подготовку революционного выступления. Под влиянием напавшей на них 15 ноября сессия Государственной Думы была оторочена без точного указания срока созыва: первый случай за время существования законодательных учреждений. Съезды городского и земского союзов, назначенные на 5-е декабря, были запрещены. Депутация этих союзов, с жалобами на роспуск Думы и с требованиями „министерства доверия“, не была принята государем.

Настроение Николая Второго характеризуется тем, что еще 23-го августа он принял на себя командование всеми сухопутными и морскими силами. Все попытки (в том числе письмо, подписанное восьмью министрами), отговорить царя указанием на опасность и риск занятия этой должности не помогли. Распутный убийца императрицы и императора, что принятие командования в момент, „когда враг углубился в пределы империи“, есть религиозный долг самодержца. Мистический взгляд на свое призвание, поддерживаемый сплотившимся придворным кружком, окончательно парализовал все другие влечения. Отвык все попытки извне указать царю на возрастающую опасность народного недовольства наталкивались на пассивное сопротивление человека, подчинившегося чужой воле и потерявшего способность и желание прислушиваться к новым доводам. Ходили слухи, что это состояние умственной и моральной апатии поддерживается в царя усиленным употреблением алкоголя. Отъезд царя на жительство в ставку выдвинул оставшуюся в Петрограде императрицу, посредницу и средоточие всех „безответственных“ влияний. Министры, желавшие укрепить свое положение, начали входить к императрице с докладами. Шайка крупных и мелких мошенников и аферистов окружила царницу и пользовалась своим влиянием, чтобы за денежную мзду обходить закон и доставлять частным изъятия и льготы: назначение на должности, освобождение от суда, от воинской повинности и т. д. Слухи об этих сделках распространились в обществе и совершенно уродили уважение ко двору. Постоянно слышалось историческое сравнение с „ожерельем королевы Марии Антуанеты“.

1916-й год, последний перед революцией, не представлял того драматизма политической борьбы, как 1915-й год. Но это только потому, что парламентская борьба уже использовала все свои возможности и остановилась перед тупиком, из которого не было выхода. Позиции были заняты окончательно, и для обеих сторон стало ясно, что примирение невозможно. Общественные круги, которые сдерживались в 1915 году, в ожидании возможного компромисса, теперь окончательно потеряли надежду на мирный исход. Вместе с тем, и основное требование „министерства доверия“ уступало место более решительному требованию „ответственного министерства“, т. е. требованию парламентаризма. Мы видели, что в это же время придворным кругам даже „мнимый конституционализм“ начинал казаться опасным опытом, от которого надо отказаться и вернуться к самодержавию.

Все у кого при дворе, однако, сохранились преблески понимания, что с Государственной Думой нельзя просто расстаться во время войны, без опасения взрыва и ослабления боеспособности армии. Настроение высшего командования, несомненно, склонялось в пользу умиранных уступок, которых требовало большинство Государственной Думы в программе прогрессивного блока. И, под влиянием этих факторов, в течение

года было сделано несколько попыток как-нибудь владеть хотя бы внешне приличными отношениями с Государственной Думой. И. Л. Горемыкин, после своего разрыва с министрами, поддерживавшими блок, в послѣднее время и противоконституціоннаго акта отсрочки сессии Государственной Думы стал невозможным. Поэтому, когда вопрос о созывѣ Государственной Думы былъ вновь поднятъ послѣ Рождественскихъ каникулъ—и когда Горемыкинъ вновь повелъ борьбу противъ ея созыва, на этомъ сыграли поныне любимцы двора. Преемникомъ Горемыкина оказался... Б. В. Штурмеръ. Одного этого назначенія было достаточно, чтобы охарактеризовать пропасть, существовавшую между дворомъ и общественными кругами. Для двора Штурмеръ былъ пріемлемъ, потому что его лично знали и ему лично вѣрили; кромѣ того, онъ получилъ необходимую «спаску»: поддержку Распутина и императрицы. Для общественныхъ круговъ Штурмеръ былъ тѣмъ же старымъ губернаторомъ, усмирителемъ Тверского земства. Его личной особенностью была его любовь къ деньгамъ, и изъ провинціи слѣдомъ за нимъ тащился длинный хвостъ пикантныхъ анекдотовъ о его темныхъ и скандальныхъ способахъ стяжанія. Но... Штурмеръ явился въ неожиданной роли защитника законодательныхъ учреждений. Черезъ А. Н. Хвостова, новаго министра внутреннихъ дѣлъ, онъ повелъ въ переговоры съ отдѣльными членами Государственной Думы (въ томъ числѣ и съ инициаторами этихъ строкъ). Въ переговорахъ этихъ для созыва Думы ставилось одно условіе: не говорить о Распутинѣ! Конечно, Штурмеръ получилъ отвѣтъ, что Государственная Дума интересуется не придворными сплетнями, а политическимъ курсомъ правительства, что въ Государственной Думѣ есть хозяинъ—ея большинство, что у этого хозяина есть определенное мнѣніе о томъ, что нужно дѣлать для пользы Россіи, и что, вѣсто тайныхъ переговоровъ, которые ничего гарантировать не могутъ, нужно прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ „прогрессивному блоку“ и къ его программѣ.

Но это какъ разъ и было то, чего правительство не хотѣло. Сессія Думы открылась безъ всякаго соглашенія между большинствомъ и правительствомъ. Первое выступленіе Штурмера съ невнятной, никому неслышной и никого неинтересовавшей рѣчью было и его окончательнымъ политическимъ проваломъ. Единственный планъ примиренія съ Думой, выдвинутый бывшимъ церемоніймейстеромъ,—устройство раута у премьеръ—провалился еще раньше этого выступленія: Штурмеру дали знать, что къ нему не пойдутъ. А другихъ политическихъ средствъ въ распоряженіи этихъ людей не имѣлось. Единственное, что могло подбавить—ихъ уходъ—конечно, не входило въ ихъ виды. Штурмеръ не ушелъ; онъ остался. Но онъ сократилъ до минимума свои отношенія съ Государственной Думой. Обѣ стороны засѣли въ своихъ окопахъ и перешли къ позиціонной войнѣ.

Въ роли политическаго протагониста фигурировалъ нѣкоторое время ставленникъ союза русскаго народа, А. Н. Хвостовъ, рѣчистый и шумный депутатъ, не лишенный житейской ловкости и проявившій вкусъ къ демагогіи. Но и эта политическая карьера скоро померкла; Хвостовъ сдѣлался жертвой не своего политическаго курса—за это не отставляли,—а той невольности, съ которой онъ исполнялъ придворныя порученія. Посылка имъ извѣстнаго проходившаго, Манасевича-Мануплова, въ Христіанію къ Іліодору для покупки рукописи его книги, содержащей скандальныя разоблаченія объ отношеніи Распутина къ царской семьѣ, кончилась неудачей. Зато стала извѣстна посылка имъ туда же другого проходившаго, нѣкоего газетнаго сотрудника Ржевскаго, предлагавшаго

15916

Бухаринъ В. И. Доклад

89715

18
22244

Николю устроить убийство Распутина. Николу испугался появления темных людей в своей близости и бѣжалъ отъ русскихъ агентовъ въ Америку, гдѣ и издалъ свою книгу. А о „продѣлкѣ со Ржевскимъ“ стало извѣстно, когда министръ поссорился со своими товарищами, опытнымъ полицейскимъ Бѣленкинымъ, и когда оба стали наперерывъ обличать другъ друга печатно въ прикосновенности къ мисси Ржевскаго. Вотъ та „политика“, которая теперь велась въ Россіи ея руководящими кругами, возбуждая негодованіе во всѣхъ остальныхъ.

Съ уходомъ Горемыкина и Хвостова министерскія назначенія все болѣе теряли политическое значеніе въ широкомъ смыслѣ. Началась, по мѣткому выраженію Пуриш-кевича, „политическая чехарда“. Одинъ за другимъ появлялись, пробѣдя черезъ переднюю Распутина, или „бывшіе“, или никому невѣдомые политически люди, проходили, какъ гѣни на своихъ постахъ... и уступали мѣсто такимъ же, какъ они, очереднымъ фаворитамъ придворной шайки. При этихъ смѣнахъ, прежде всего, конечно, были удалены послѣдніе министры, подписавшіе коллективное письмо государю о непринятіи нѣмъ должности главнокомандующаго. Ушелъ (17 марта) А. А. Поливановъ, замѣняемый честнымъ, но необразованнымъ и совершенно непригоднымъ для этого поста рамоликомъ Д. С. Шуваловымъ. А. И. Хвостова замѣнилъ самъ Штюермеръ; но 10 іюля, къ общему изумленію, Штюермеръ замѣнилъ министра иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова, къ великому ущербу для вліянія Россіи въ союзныхъ странахъ. Должность „церемоніймейстера“, которую онъ занималъ когда-то, при полномъ невѣжествѣ не только въ дипломатіи, но даже и въ географіи воюющихъ странъ, была его единственнымъ правомъ на занятіе этой должности. Не владея ни предметомъ, ни дипломатическимъ языкомъ, онъ ограничилъ свою дипломатическую роль молчаливымъ присутствіемъ при бесѣдахъ своего товарища Нератова съ иностранными послами. Послѣ такого назначенія—не оставалось ничего невозможнаго. Въ публикѣ вспоминали про назначеніе Калитудой своего любимаго кока—сенаторомъ.

Хуже было то, что, кромѣ смѣшной стороны, тутъ была и трагическая. Пишущему эти строки пришлось услышать осенью того же 1916 года отъ покойнаго гр. Бенкендорфа, нашего посла въ Лондонѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Штюермеръ сталъ во главѣ вѣдомства, англичане стали съ нами гораздо сдержаннѣе и перестали дѣлать его участникомъ своихъ секретовъ. Ходили слухи о германофильскихъ связяхъ Штюермера, и какъ-то тайныхъ сношеній его агентовъ, помимо пословъ, за границей. Все это, при общезвѣстной склонности правыхъ круговъ къ сближенію съ Германіей и къ возможно скорому выходу изъ войны, изъ страха передъ грядущей революціей, сообщало правдоподобіе слухамъ и вызывало усиленное вниманіе къ нимъ въ кругахъ общества, все болѣе широкихъ. Слово „измѣна“ стало передаваться изъ устъ въ уста,—и объ этомъ было громко заявлено съ кафедры Г. Думи. Новую пищу эти слухи получили, когда возвращавшійся въ Россію председатель русской парламентской делегаціи, посѣтившей лѣтомъ этого года союзныя страны, октябристъ Протопоповъ, свидѣлся въ Стокгольмѣ съ представителемъ банкирскаго дома „Варбургъ и К.“, обслуживавшаго германскіе интересы, вѣлъ съ нимъ разговоры о мирѣ и завелъ потомъ черезъ Стокгольмъ шифрованную переписку. Какъ-то такъ случилось, что именно посѣтъ этого обстоятельства на Протопопова было обращено вниманіе двора. Черезъ тибетскаго знахаря Бадмаева онъ нашелъ путь къ Распутину и къ императрицѣ; въ то же время онъ основывалъ болѣ-

шую либерально-буржуазную газету „Русская Воля“. Вотъ былъ самый желательный кандидатъ въ министры, апробованный общественными кругами и Думой и въ то же время дававший двору всяческія гарантіи вѣрности и благонадежности, „полюбившій государя“, по его словамъ, съ перваго же свиданія. Онъ-то зналъ кулисы Гос. Думы и импонировалъ двору своими личными связями съ ея вліятельными членами. Дума была, такъ сказать, у него въ карманѣ. А что касается народнаго недовольства, его утѣрилъ Бѣлецкій, что оно не такъ страшно, какъ кажется, и что даже, въ случай возстанія въ столицѣ, нетрудно будетъ съ нимъ справиться, раздѣливъ Петроградъ на кварталы, обучивъ полицію пулеметной стрѣльбѣ и разставивъ пулемѣты на крышахъ зданій, расположенныхъ въ стратегически-важныхъ мѣстахъ.

Думскіе круги были поражены состоявшимся въ сентябрѣ назначеніемъ Протопова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это былъ обходъ съ тыла и измѣна въ собственной средѣ. Конечно, вліянія въ этихъ кругахъ Протоповъ никогда не имѣлъ и личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ не пользовался. Подворянски ласковый и обходительный, подворянски задолженный, потомъ получившій на руки большое промышленное дѣло, онъ привыкъ вести мелкую политику личныхъ услугъ и постоянно становился въ положенія, при которыхъ правдивость была бы серьезнымъ недостаткомъ и помѣхой. На вторыхъ роляхъ и при хорошемъ руководствѣ онъ могъ прилично играть роль вѣшняго представительства: такъ это и было въ заграничной парламентской делегаціи.

Предоставленный же самому себѣ и брошенный друзьями, которые отъ него отшатнулись, онъ скоро обнаружилъ всѣ свои отрицательныя стороны: свой карьеризмъ, свое легкомысліе, жинность и умственную ограниченность.

Назначеніе Протопова имѣло, очевидно, цѣлью перебросить мостикъ между дворянствомъ и Г. Думой. На дѣлѣ оно лишь рѣзче подчеркнуло существовавшую между властью и обществомъ пропасть и еще болѣе обострило и отравило взаимныя отношенія. На мѣсто ничтожества и открытыхъ враговъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ и совершенно чуждыхъ общественнымъ кругамъ по всему своему мировоззрѣнію, тутъ явился ренегатъ, понимавшій языкъ обществѣности, но готовый воспользоваться этимъ пониманіемъ во вредъ ей. Естественно, что пренебреженіе и презрѣніе къ бывшему товарищу быстро перешло въ неависть, а то, къ чему уже привыкли отъ другихъ, возбуждало особое негодованіе, когда исходило отъ своего.

Всѣ элементы взрыва были теперь готовы. Общественное напряженіе и нервность достигли крайней степени, когда 1-го ноябрю собралась Госуд. Дума. Лѣтняя сессія Госуд. Думы носила дѣловой характеръ: Дума обсуждала въ комиссіяхъ и въ пленумѣ самые невинные изъ законопроектовъ, введенныхъ въ программу блока. Обществу эта „органическая работа“ не безъ основанія казалась толченіемъ воды въ ступѣ. И было совершенно ясно, что зимняя сессія Г. Думы будетъ носить совершенно иной, интенсивно-политическій характеръ. Но Дума и правительство уже настолько разошлись, что на этотъ разъ не было сдѣлано никакихъ приготовленій, чтобы Дума и правительство могли встрѣтиться сколько-нибудь миролюбиво. Штурмера не убрали до Думы, какъ въ январѣ убрали Горемыкина. Такимъ образомъ, Дума получила мишень, въ которую могла направлять свои удары.

Но теперь бить только по Штурмеру представлялось уже совершенно недостаточнымъ. Штурмеръ былъ лишь жалкій фигурантъ, приспособившійся, какъ и остальные

субъекты „министерской чехарды“, къ тому, что дѣлалось и диктовалось за кулисами. Туда, за эти кулисы, и долженъ былъ быть направленъ очередной ударъ. Это было то, чего не понимали ни императоръ, ни Протопоповъ.

Имена членовъ придворнаго кружка, съ именемъ императрицы во главѣ, были произнесены 1 ноября съ думской трибуны пишущими эти строки. Перечисляя, одинъ за другимъ, всѣ главнѣйшіе шаги правительства, возбуждавшие общественное недовольство, ораторъ при каждомъ случаѣ спрашивалъ аудиторію: „глупость это или нѣмѣна?“ И хотя ораторъ скорѣе склонялся къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую. В. В. Шульгинъ, въ яркой и ядовитой, по обычаю, рѣчи, поддерживалъ П. Н. Милюкова и сдѣлалъ практическій выводъ изъ его обвиненій. Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, и это устроило имъ самую широкую рекламу. Не было министерства и штаба въ тылу и на фронтѣ, въ которомъ не переписывались бы эти рѣчи, разлетѣвшіяся по странѣ въ миллионныхъ экземплярахъ. Этотъ громадный отзвукъ самъ по себѣ превращалъ парламентское слово въ штурмовой сигналъ и являлся краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну. Теперь у этого настроенія былъ дозвукъ, и общественное мнѣніе единодушно признало 1-е ноября 1916 г. началомъ русской революціи.

Какъ будто правительство начало, наконецъ, кое-что понимать. Штурмиръ послѣ второго засѣданія Думы, въ которомъ окончились выступленія фракціонныхъ ораторовъ, былъ уволенъ послѣ назначенія ему преемника. Засѣданія Думы были приостановлены на недѣлю, для того, чтобы новое правительство могло осмотрѣться и сдѣлать выводы изъ сложившагося положенія. Наученное опытомъ, общество уже ничего не ожидало, — и было право. Преемникомъ Штурмера явился А. Ф. Треповъ, и этотъ выборъ подтверждалъ, что власть не хочетъ искать своихъ представителей внѣ тѣсной среды старыхъ сапожниковъ, надежныхъ для нея, но неспособныхъ вызвать къ себѣ никакого общественнаго довѣрія. Вслѣдъ за другими, Треповъ дѣлалъ попытки найти себѣ поддержку въ Думѣ и въ печати. Но, не располагая, подобно другимъ, ничѣмъ, что могло бы гарантировать серьезную переиѣну курса, онъ скоро увидалъ, что не можетъ расчитывать на хорошій пріемъ. Его даже предостерегала вообще противъ появленія въ Думѣ при этихъ условіяхъ. Треповъ, все-таки, пришелъ. Онъ наткнулся со стороны социалистическихъ депутатовъ на пріемъ, который вся Дума готовила Протопопову, въ случаѣ его появленія. Три раза онъ пытался начать свою рѣчь, и трижды она была заглушена криками со скамей социалистовъ и трудовиковъ (19 ноября). Не помогъ Трепову даже и такой козырь, какъ оглашеніе факта, что союзники по договору обязались уступать Россіи Константинополь и проливы.

Правительство давно перестало внушать къ себѣ уваженіе. Но встрѣча Трепова показала всей странѣ, что оно перестало внушать и страхъ. Не могли внушить страха и новыхъ репрессій Протопопова. Общество притаилось и чего то ждало. Въ день окончанія сессіи, 17 декабря, предостерегая въ послѣдній разъ правительство, пишущій эти строки говорилъ, что „атмосфера насыщена электричествомъ, всѣ чувствуютъ приближеніе грозы и никто не знаетъ, куда упадетъ ударъ“.

Въ тотъ же день, 17 декабря, ударъ разразился. Онъ упалъ на лицо, которое всѣ считали однимъ изъ главныхъ виновниковъ мараша, раздѣвавшего дворъ. Страннымъ образомъ, когда это лицо было устраниено, всѣ сразу почувствовали, что совѣтъ

не въ этомъ дѣло, что устранивъ лишь яркій показате́ль положенія, тогда какъ это вовсе не въ немъ,—и вообще не въ отдѣльныхъ лицахъ. Былъ убитъ Григорій Распутинъ. Это убійство, несомнѣнно, скорѣе смутило, чѣмъ удовлетворило общество. Публика не знала тогда по нѣмъ подробностяхъ кошмарной сцены въ особнякѣ кн. Юсупова, рассказанной потомъ Пуришкевичемъ, однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ убійства. Но она какъ бы предчувствовала, что здѣсь случилось нѣчто принижающее, а не возвышающее,—нѣчто такое, что стояло внѣ всякой пропорціи съ величіемъ задачъ текущаго момента. И убійцы не принадлежали къ числу представителей русской общественности. Напротивъ, они вышли изъ среды, создавшей ту самую атмосферу, въ какой расцвѣтали Распутинъ. Это были скорѣй протестъ лучшей части этой среды противъ самихъ себя, выраженіе охватившаго эту среду страха, что вмѣстѣ съ собой Распутинъ погубитъ и ихъ. Вся царская семья давно уже порывалась объединиться и объяснить царю, что онъ ведетъ Россію и нѣмъ своихъ къ гибели. Увы, отдѣльныя объясненія и тутъ не принесли ни къ чему, кромѣ личнаго разрыва. Тѣми же пустыми, ничего не говорящими глазами царь встрѣчалъ августѣйшихъ, какъ и простыхъ совѣтниковъ...

По крайней мѣрѣ, этотъ ударъ разбудить ли спящихъ? Поймутъ ли они, что это, послѣ 1-го ноября, уже второе предостереженіе и что третьяго, быть можетъ, не будетъ? Общество задавало себѣ эти вопросы и, съ возраставшимъ нетерпѣніемъ, ждало. Оно ничего не дождалось. Рождественскіе праздники прошли, начался 1917 годъ, и всѣ съ недоумѣніемъ спрашивали себя: что же дальше? Неужели все этимъ и ограничится? И что же нужно болѣе сильное, чѣмъ то, что уже было? Впечатлѣніе, что страна живетъ на вулканѣ, было у всѣхъ. Но кто же возьметъ на себя починъ, кто поднесетъ фитиль и взорветъ опасную мину?

Въ обществѣ широко распространилось убѣжденіе, что слѣдующимъ шагомъ, который предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ, будетъ дворцовый переворотъ при содѣйствіи офицеровъ и войска. Мало-по-малу сложилось представленіе и о томъ, въ чью пользу будетъ произведенъ этотъ переворотъ. Наслѣдникомъ Николая II называли его сына Алексѣя, а регентомъ на время его малолѣтства—н. к. Михаила Александровича. Изъ сообщенія М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова стало извѣстно, что этотъ „сподвижникъ Корнилова“ былъ самоотверженнымъ патріотомъ, который въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоящаго переворота. Въ февралѣ уже начиналось его осуществленіе. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составили нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно осведомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ переворота Госуд. Дума. Обсудивъ различныя возможности, этотъ кружокъ также остановился на регентствѣ в. к. Михаила Александровича, какъ на лучшемъ способѣ осуществити въ Россіи конституціонную монархію. Значительная часть членовъ перваго состава временнаго правительства участвовала въ совѣщаніяхъ этого втораго кружка; нѣкоторые, какъ сказано выше, знали и о существованіи перваго...

Однако, перевороту не суждено было совершиться такъ, какъ онъ ожидался довольно широкими кругами. Раньше, чѣмъ осуществлялся планъ кружка, въ которомъ участвовалъ ген. Крымовъ, переворотъ произошелъ не сверху, а снизу, не планомерно, а стихійно. Нѣкоторымъ предвѣстіемъ переворота было глухое броженіе въ рабочихъ

массах, источник которого остается неясен, хотя этим источником, навѣрное, не были вожди социалистическихъ партій, представленныхъ въ Г. Думѣ. Здѣсь мы касаемся самого темнаго момента въ исторіи русской революціи. Будущій историкъ, навѣрное, прольетъ свѣтъ и на эту сторону дѣла; но современнику, далекому отъ этого фокуса общественнаго движенія, остаются только догадки.

Мы видѣли, какими побужденіями руководились парламентскіе круги, дѣлавшіе оппозицію правительству. Ихъ главнымъ мотивомъ было желаніе довести войну до успешнаго конца въ согласіи съ союзниками, а причиной ихъ оппозиціи, — все возраставшая увѣренность, что съ даннѣмъ правительствомъ и при данномъ режимѣ эта дѣль достигнута быть не могла. Эти круги начали съ утвержденія, что „во время переправы не перепрыгиваютъ лошадей“. Мало-по-малу, упирались и сдерживая болѣе нетерпѣливыхъ, они пришли къ сознанію необходимости требовать введенія общественныхъ элементовъ въ правительство „общественнаго довірія“. Неуступчивость власти дала перевѣсъ надъ ними тѣмъ теченіямъ въ обществѣ, которыя требовали формальной „отвѣтственности“ правительства передъ народными представительствомъ. Противъ идеи достигнуть этой дѣли революціоннымъ путемъ — парламентское большинство боролось до самаго конца. Но видя, что насильственный путь будетъ, все равно, избранъ и поимено Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху.

Но рядомъ съ парламентскими теченіемъ общественной мысли было и другое, социалистическое. На социалистическіе круги, уже съ самаго начала войны, воздѣйствовали извѣстны представители социалистическаго интернаціонализма за границей. Уже съ ноября 1914 года жертвой этихъ воздѣйствій сдѣлалась социалъ-демократическая фракція Гос. Думы, въ лицѣ своихъ членовъ — „большевиковъ“, Петровскаго, Вадаева, Мурапова, Самоѣлова и Шагова. Въ серединѣ февраля 1915 г. происходилъ открытый судъ надъ ними: въ числѣ матеріаловъ для обвиненія фигурировалъ присланный изъ за границы проектъ резолюціи, въ которомъ была формулирована „пораженческая“ точка зрѣнія Ленина. Правда, Петровский замѣнилъ рѣзкую фразу Ленинскаго проекта („съ точки зрѣнія рабочего класса и трудовыхъ массъ всѣхъ народовъ Россіи, наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ“) болѣе мягкими выраженіями („съ точки зрѣнія“ и т. д. „особенно опасно усиленіе побѣдоносной царской монархіи“). Затѣмъ Петровский исключилъ изъ революціи центральную мысль всей большевистской тактики (о пропагандѣ въ войскахъ „социалистической революціи“ и о направленіи оружія „не противъ своихъ братьевъ, наемныхъ рабовъ другихъ странъ, а противъ реакціи буржуазныхъ правительствъ“). Для перваго года войны эти идеи были еще слишкомъ преждевременны. Они привились только значительно позже. Но, тѣмъ не менѣе, прививались среди русскихъ рабочихъ именно эти идеи. „Соціалъ-патріотическое“ направленіе большинства европейскаго социализма пользовалось симпатіей среди старшаго поколѣнія русскихъ эмигрантовъ, — такихъ, какъ Плехановъ, Дейчъ, Вурцель и другіе. Но среди рабочихъ массъ, а затѣмъ и среди войскъ несравненно больше успѣха имѣли сторонники Ленина.

Какъ проникли пораженческія вліянія на русскую фабрику и въ русскую армію? Для отвѣта на этотъ вопросъ весьма поучителенъ одинъ документъ отъ 23 февраля 1915 г., напечатанный въ началѣ 1918 г. въ русскихъ газетахъ и представляющій изъ себя

циркулярное обращение отдела печати при германском министерстве иностр. делъ всемъ посланцѣмъ, посланникамъ и консульскимъ чинамъ въ нейтральныхъ государствахъ. Вотъ текстъ этого документа: „Доводится до вашего свѣдѣнія, что на территоріи страны, въ которой вы аккредитованы, основаны спеціальныя конторы для организаціи пропаганды въ государствахъ, воюющихъ съ германской коалиціей. Пропаганда коснется возбужденія социальнаго движенія и связанныхъ съ послѣднимъ забастовокъ, революціонныхъ выступленій, сепаратизма составныхъ частей государства и гражданской войны, а также агитаціи въ пользу разоруженія и прекращенія кровавой бойни. Предлагаемъ вамъ оказывать всестороннее покровительство и содѣйствіе руководителямъ означенныхъ пропагандистскихъ конторъ“. Этотъ документъ—одинъ въ ряду многихъ подобныхъ—лишь подтверждаетъ тотъ германскій планъ воздѣйствія на общественныя движенія враждебныхъ странъ, который былъ составленъ еще до войны и опубликованъ во французской „Желтой Книжкѣ“.

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ общественномъ мнѣніи болѣе распространено было другое объясненіе тайна источника, изъ котораго шло руководство рабочимъ движеніемъ. Этотъ источникъ считалась полиція—и притомъ, спеціально полиція. А. Д. Протопопова. Общество было убѣждено, что, вмѣсто того, чтобы ожидать революціи, правительство предпочтетъ, какъ это сдѣлалъ министръ внутр. дѣлъ Дурново въ декабрѣ 1905 года въ Москвѣ, вызвать ее искусственно и разстрѣлять ее на улицѣ. Рукa департамента полиціи несомнѣнно замѣчалась въ забастовкахъ, не прекращавшихся на петроградскихъ фабрикахъ, и даже въ студенческихъ волненіяхъ.)

Какъ бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извѣе или изнутри,—изъ объективныхъ фактовъ съ безспорностью вытекаетъ, что подготовка къ революціонной вспышкѣ весьма дѣлательно велась—особенно съ начала 1917 года,—въ рабочихъ средѣхъ и въ казармахъ петроградскаго гарнизона. Застрѣльщиками должны были выступить рабочіе. Вѣдшимъ поводомъ для выступленія рабочихъ на улицу былъ намѣченъ день предполагавшагося открытія Гос. Думы, 14 февраля. Подойдя процессіей къ Государственной Думѣ, рабочіе должны были выставить опредѣленные требованія, въ томъ числѣ и требованіе отвѣстнаго министерства. Въ одномъ частномъ совѣщаніи общественныхъ дѣлителей этотъ проектъ обсуждался подробно, причемъ самымъ горячимъ его сторонникомъ оказалась рабочій Абросимовъ, оказавшійся провокаторомъ на службѣ охраны. На провокацію указывалось и въ предостерегающемъ письмѣ къ рабочимъ П. Н. Милокова.

Предостереженіе рабочихъ относительно возможной провокаціи на первый разъ достигло своей цѣли. Въ назначенный первоначально день (14 февраля) выступленіе рабочихъ не состоялось. Однако, оно оказалось отложеннымъ не надолго. Уже 23 февраля появились первые признаки народныхъ волненій. 24-го мирные митинги уступили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновеніямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились; весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновеніе народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновеніи, казаки приваля сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа приветствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанья. 26 февраля, въ воскресенье, правительство приготовилось къ рѣшительному бою. Центръ столицы былъ отпущенъ патрулями, установлены были пулеметы, проведены провода военныхъ телефоновъ. Это, однако, не устрасило толпу. Въ громадномъ количествѣ, со знаменами, она ходила

по улицамъ, собиравалась на митинги, вызвала столкновѣнія, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы. Чтобы усилить полицію, часть солдатъ была переодѣта въ полицейскія шинели, что вызвало въ полкахъ гарнизона чрезвычайное негодованіе и дало толчокъ къ переходу ихъ на сторону народа. Но движеніе продолжало быть безформеннымъ и беспредметнымъ. Вѣдѣтельство Гос. Думы дало уличному и восстательному движенію центръ, дало ему знамя и лозунгъ, и тѣмъ превратило восстаніе въ революцію, которая кончилась сверженіемъ стараго режима и династій.

III. Пять дней революціи (27 февраля — 3 марта).

Распускъ Г. Думы.—Восстаніе солдатъ и образованіе временнаго комитета членовъ Г. Думы.—Комитетъ беретъ въ руки власть.—Советъ рабочихъ депутатовъ и его лозунги.—Врем. комитетъ назначаетъ министерство.—Переговоры совета раб. депутатовъ съ врем. комитетомъ объ условіяхъ поддержки кабинета.—Декларация врем. правительства и совета.—Поѣздка Гучкова и Шульгина къ царю и его отреченіе отъ престола.—Рѣчь П. Н. Миллюкова и агитація противъ монархизма.—Вліяніе назначенія Михаила вмѣсто Алексѣя.—Врем. правительство и комитетъ Думы за отреченіе Михаила.—Послѣщеніе а. к. Михаила Александровича.—Позиція П. Н. Миллюкова.—Текстъ отреченія.—Первая капитуляція и дальнѣйшій ходъ революціи.

Сигналъ къ началу революціи дало, опять таки, само правительство. Вечеромъ, 26-го февраля, председатель Г. Думы получилъ указъ объ отсрочкѣ сессіи, которая должна была открыться 27-го. Члены Гос. Думы, собравшіеся утромъ этого дня на заобѣданіе, узнали, что они распущены. Въ непосредственной близости отъ Таврическаго дворца въ то же время уже начиналось форменное восстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ воспротивиться движенію привели къ кровавымъ жертвамъ. Солдаты въ беспорядкѣ пошли къ Таврическому дворцу. Одновременно съ этимъ, смѣшанные толпы отправились къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросались къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ—не только политическихъ, но и уголовныхъ, подожгли Литовскій замокъ, окружный судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д. Правительство пыталось направить на восставшихъ войска, оставшіяся вѣрными ему, и на улицахъ столицы дѣло грозило дойти до настоящихъ сраженій. Таково было положеніе, когда, около полудня, сдѣлана была двоякая попытка ввести движеніе въ опредѣленное русло. Съ одной стороны, социалистическія партіи, подготовлявшія революціонные кружки среди солдатъ, попытались взять на себя руководство движеніемъ. Съ другой стороны, рѣшились стать во главѣ движенія члены Гос. Думы. Дума, какъ таковая, какъ законодательное учрежденіе стараго порядка, координированная „основными законами“ съ остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на сломъ, была этой старой властью распущена. Она и не пыталась, не смотря на требованіе М. А. Караулова, открыть формальное засѣданіе. Вмѣсто залы засѣданій Таврическаго дворца, члены Гос. Думы перешли въ сосѣднюю полуциркульную залу (за предѣлательской трибуной) и тамъ обсудили сохранившееся положеніе. Тамъ было вынесено, послѣ ряда горячихъ рѣчей, постановленіе не разбѣгаться изъ Петрограда (а не постановленіе „не расходиться“ Г. Думѣ, какъ учрежденію, какъ о томъ сложилась легенда). Частное созваніе членовъ Думы поручило выѣсть съ тѣмъ своему совету старѣйшинѣ выбрать временный ком.

тесть членовъ Думы и опредѣлять дальнѣйшую роль Гос. Думы въ начавшихся событіяхъ. Въ третій же часу дня совѣтъ старѣйшинъ выполнялъ это порученіе, выбравъ въ составъ Временнаго Комитета М. В. Родзянко, В. В. Шульгина (націоналиста), В. Н. Львова („центр“), И. И. Дмитріюкова (октябристъ), С. И. Шидловскаго (Совѣтъ 17 окт.), М. А. Караулова, А. И. Козовалова (труд. гр.), В. А. Ржевскаго (прогр.), П. Н. Миллюкова (к.-д.), Н. В. Некрасова (к.-д.), А. Ф. Керенскаго (труд.) и Н. С. Чхеидзе (с.-д.). Въ основу этого выбора, предопредѣлившаго отчасти и составъ будущаго министерства, положено было представительство партій, объединенныхъ въ прогрессивномъ блокѣ. Къ нему были прибавлены представители лѣвыхъ партій, частью вышедшихъ изъ блока (прогрессысты), частью вовсе въ немъ не участвовавшихъ (трудовики и с.-д.), а также президіумъ Гос. Думы. Ближайшей задачей комитета было поставлено „восстановленіе порядка и сношеніе съ учрежденіями и лицами“, вышедшими отношеніе къ движению. Рѣшеніе совѣта старѣйшинъ было затѣмъ обсуждено по фракціямъ и утверждено новымъ совѣщаніемъ членовъ Думы въ полудиректорномъ залѣ. Предложенія, шедшія дальше этого, — какъ-то: немедленно взять всю власть въ свои руки и организовать министерство изъ членовъ Гос. Думы, или даже объявить Думу Учредительнымъ Собраніемъ, — были отвергнуты, отчасти какъ несвоевременныя, отчасти какъ принципиально неправильныя. Изъ намѣченного состава Временнаго Комитета отказался участвовать въ немъ Н. С. Чхеидзе и съ оговорками согласился А. Ф. Керенскій. Дѣло въ томъ, что параллельно съ рѣшеніями совѣта старѣйшинъ было рѣшено социалистическими партіями немедленно возродить въ дѣятельности совѣтъ рабочихъ депутатовъ, памятный по событіямъ 1905 года. Первое засѣданіе совѣта было назначено въ тотъ же вечеръ, въ 7 часовъ, 27 февраля, причемъ помѣщеніемъ выбрана, безъ предварительныхъ сношеній съ президіумомъ Г. Думы, зала засѣданій Таврическаго дворца. Помѣщеніе Таврическаго дворца вообще послѣ полудня было уже занято солдатами, рабочими и случайной публикой, и въ воззваніи 27 февраля, приглашавшемъ на первое засѣданіе, „временный исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ“ (анонимный) говорилъ отъ имени „засѣдающихъ въ Думѣ представителей рабочихъ, солдатъ и населявшаго Петрограда“. Чтобы урегулировать свой составъ, то же воззваніе предлагало „всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей, по одному на каждую роту; заводцамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу“.

Къ вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размахъ революціоннаго движенія, Временный Комитетъ Г. Думы рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ и взять въ свои руки власть, выпадавшую изъ рукъ правительства. Рѣшеніе это было принято послѣ продолжительнаго обсужденія, въ полномъ сознаніи ответственности, которую оно налагало на принявшихъ его. Всѣ ясно сознавали, что отъ участія или неучастія Думы въ руководствѣ движеніемъ зависитъ его успѣхъ или неудача. До успѣха было еще далеко: позиція войскъ не только вѣдъ Петрограда и на фронтѣ, но даже и внутри Петрограда и въ ближайшихъ его окрестностяхъ далеко еще не выяснилась. Но была уже ясна вся глубина и серьезность перелома, неизбежности, котораго сознавалась, какъ мы вѣдали, и ранѣе; и сознавалось, что для успѣха этого движенія Гос. Дума много уже сдѣлала своей дѣятельностью во время войны — и специально со времени образованія прогрессивнаго блока. Никто изъ руководителей Думы не думалъ отрицать большой доли ея участія въ подготовкѣ переворота. Выводъ отсюда былъ тѣмъ болѣе ясенъ, что, какъ упомянуто

выше, кружок руководителей уже заранее обсудил меры, которые должны были быть приняты на случай переворота. Намечен был даже и состав будущего правительства. Из этого намеченного состава кн. Г. Е. Львов не находился в Петроград, и на нем было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести в состав первого революционного правительства руководителя общественного движения, происходившего вне Думы, сделала невозможным образование министерства в первый же день переворота. В ожидании, когда наступит момент образования правительства, Временный Комитет ограничился лишь немедленным назначением комиссаров из членов Г. Думы во все высшие правительственные учреждения для того, чтобы немедленно восстановить правильный ход административного аппарата. Необходимые меры по обеспечению столицы продовольствием были приняты особой комиссией, организованной исполнительным комитетом совета рабочих депутатов, но под председательством приглашенного Врем. Комитета Гос. Думы А. И. Шингарева. Руководство военным отделом также взял на себя член Гос. Думы, введенный в состав Врем. Комитета ночью 27 февраля, при окончательном выяснении его функций, полк. Б. Энгельгардт. Личный состав министров старого порядка был ликвидирован арестом их, по мере обнаружения их местонахождения. Собранные в министерском павильоне Гос. Думы, они были в следующие дни перевезены в Петропавловскую крепость.

Формальный переход власти к Временному Комитету Г. Думы, с ее председателем во главе, и ликвидация старого правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнейший ход переворота. Одна за другой, вопреки части, расположенным в Петроград и в его ближайших окрестностях, уже в полном своем составе, с офицерами, и в должном порядке переходили на сторону Гос. Думы. Члены Гос. Думы разъезжали по казармам, осведомля гарнизон о совершившемся, и части войск в течение следующих дней непрерывно подходили к Гос. Думе, приветствуемая председателем и членами Временного Комитета. Гос. Дума стала центром паломничества. Она сохранила эту роль и после того, как правительство, через несколько дней, перенесло свои заседания в Маринский дворец, предоставив Таврический дворец в распоряжение совета рабочих и солдатских депутатов.

Первые четыре-пять дней работа вновь созданной власти велась день и ночь среди суматохи и толкотни Таврического дворца. Ближайшей задачей Временного Комитета и образуемого им правительства было — выяснить свои отношения к образовавшемуся рядом с ним представителю социалистических партий, заявивших с самого начала претензию представлять демократические классы населения, рабочих, солдат, а затем и крестьянство. С самого же начала „совет рабочих и солдатских депутатов“ поставил и свои особые задачи совершившемуся перевороту. Уже в позвании 28 февраля он заявил, что „борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца; старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению“; „для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию“. В то время, как Временный Комитет Г. Думы овладевал аппаратом высшего управления государством, „совет раб. и солд. депутатов“ более интересовался тем, чтобы взять в свои руки управление столицей. Тем же позванием назначались „рабочие комитеты для установления народной власти в районах Петрограда“, и население приглаша-

лось „немедленно сплотиться вокруг совета, организовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами“. Так было положено начало осуществлению „основной задачи“ совета: организации народных сил для борьбы „за окончательное упреждение политической свободы и народного правления в России“. Воззвание упоминало также о „созыве Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права“.

Брошенные таким образом, независимо от Г. Думы, лозунги были быстро усвоены рабочими и солдатскими массами столицы. Только левая часть Временного Комитета, начиная от к.-д., могла примкнуть к ним, оставаясь верной своим партийным взглядам. Однако же, и со стороны представителей более правых партий возражений не последовало. Скоро оказалось, что они даже готовы были быстрее и дальше идти на уступки, требовавшиеся моментом, чем некоторые представители к.-д. Как бы то ни было, нельзя было медлить с выяснением отношения Временного Комитета к демократическим лозунгам. Необходимо было ускорить и окончательное формирование власти. В виду этого, уже 1 марта Временный Комитет наметил состав министерства, которому должен был передать свою власть. Во главе первого революционного правительства, согласно состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этот пост своим положением в российском земстве: кн. Г. Е. Львовъ, мало известный лично большинству членов Временного Комитета. И. Н. Милковъ и А. И. Гучевъ, в соответствии с их прежней деятельностью в Г. Думе, были выдвинуты на посты министров иностранных дел и военного (а также морского министерства, для которого в ту минуту не нашлось подходящего кандидата). Два портфеля, министерства юстиции и труда, были наметены для представителей социалистических партий. Но из них лишь А. Ф. Керенский дал 2 марта свое согласие на первый пост. И. С. Чхеидзе, предполагавшийся для министерства труда, предпочел остаться председателем совета раб. депутатов (он фактически не принимал с самого начала участия и во Временном Комитете). Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, два министра, которым суждено было потом играть особую роль в революционных кабинетах, как по их непосредственной личной близости с А. Ф. Керенским, так и по их особой близости к конспиративным кружкам, готовившим революцию, получили министерства путей сообщения и финансов. Выбор этот остался непонятным для широких кругов. А. И. Шингарев, только что облеченный тяжелой обязанностью обеспечения столицы продовольствием, получил министерство земледелия, а в нем не менее тяжелую задачу — столкнуться с дикими течениями в аграрном вопросе. А. И. Коновалов и А. А. Мануилов получили посты, соответствующие социальному положению первого и профессиональным знаниям второго — министерство торговли и министерство народного просвещения. Наконец, участие правых фракций прогрессивного блока в правительстве было обеспечено введением И. В. Годнева и В. И. Львова, думских выступлений которых сдвигали их безспорными кандидатами на посты государственного контролера и обер-прокурора синода. Самый правый из блока, В. В. Шульгин, мог бы войти в правительство, если бы захотел; но он отказался и предпочел остаться в трудную для родины минуту при своей профессии публициста.

Вечером 1 марта в соединенное заседание Временного Комитета Думы и временного правительства явились представители исполнительного комитета совета раб. депу-

татовъ, Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стекловъ (Нахамкесъ), Н. Сухановъ (Гинимеръ), Н. Д. Соловьевъ, Филипповскій и др., съ предложеніемъ обсудить тѣ условія, принятіе которыхъ могло бы обезпечить вновь образовавшемуся правительству поддержку демократическихъ организацій. Временное правительство охотно приняло это предложеніе и вошло въ обсужденіе прочтенныхъ делегатами пунктовъ. Пренія затянулись далеко за полночь. По настоянію П. Н. Милюкова, делегаты совѣта согласились отказаться отъ пункта, согласно которому „вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ“ (въ ту минуту въ этой скромной формѣ обезпечивалась возможность разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ республики, тогда какъ временное правительство принимало мѣры къ обезпеченію регентства Миханла). По его же требованію, послѣ продолжительныхъ споровъ, они согласились вычеркнуть требованіе о выборности офицеровъ, т. е. отказались отъ введенія въ число условій своей поддержки того самого принципа, который уже утромъ 2 марта они положили въ основу знаменитаго „приказа № 14“. Послѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій и дополненій, предложенный делегатами совѣта текстъ принялъ слѣдующую форму: „Въ своей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями: 1) Полная и немедленная амністія по всемъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ восстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраний и стачекъ, съ расширеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями. 3) Отмена всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національных ограниченій. 4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны. 5) Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправления. 6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправления на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. 7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. 8) При сохраненіи строгой военной дисциплины въ строю и при несеніи военной службы—устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всемъ остальнымъ гражданамъ“. За исключеніемъ п. 7, мнѣшаго, очевидно, временный характеръ, и принятія начала выбора къ начальству милиціи въ п. 5, все остальное въ этомъ проектѣ заявленій не только было исполнено или допускало приемлемое толкованіе, но и прямо вытекало изъ собственныхъ взглядовъ вновь сформированнаго правительства на его задачи. Съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что здѣсь не заключалось ничего такого, что въ послѣдствіи было внесено социалистическими партіями въ пониманіе задачъ революціонной власти—и что послужило предметомъ долгихъ преній и неоднократныхъ разрывовъ между социалистической и не-социалистической частью „коалиціонныхъ“ кабинетовъ слѣдующихъ составовъ.

Съ своей стороны, П. Н. Милюковъ вѣствовалъ, чтобы и делегаты совѣта приняли на себя извѣстные обязательства, а именно, чтобы они осудили уже обнаружившееся тогда враждебное отношеніе солдатъ къ офицерству и всѣ виды саботажа революціи, вродѣ незаконныхъ обысковъ въ частныхъ квартирахъ, грабежа имущества и т. д., и чтобы это осужденіе было изложено въ деклараціи совѣта вмѣстѣ съ обѣщаніемъ поддержать правительство въ восстановленіи порядка и въ проведеніи началъ новаго строя.

Оба заявления, правительства и совета, должны были быть напечатаны рядом, второе после первого, чтобы тем рельефнее подчеркнуть их взаимную связь. Исполняя это желание Временного Комитета, Н. Д. Соколов написал проект заявления. Этот проект, однако, мог быть истолкован в смысле обратного условленному, и поэтому не удовлетворил комитета. П. Н. Милюков написал тогда другой проект, который, с некоторыми изменениями, и был принят в следующих словах окончательной декларации совета: „... Нельзя допускать разъединения и анархии. Нужно немедленно пресекать всякое безчинство, грабежи, врывание в частные квартиры, расхищение и порчу всякого рода имущества, безцельные захваты общественных учреждений. Уподоки дисциплины и анархии губят революцию и народную свободу. Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдатах его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. С своей стороны, солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицеров, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию“.

Когда все эти переговоры были уже закончены, поздно ночью на 2-е марта в Комитет приехал А. И. Гучков, проводивший весь день в сношениях с военными частями и в подготовке обороны столицы, на случай ожидавшегося еще прихода войск, посланных в Петроград по приказанию Николая II. Возражения Гучкова по поводу уже состоявшегося соглашения побудили оставить весь вопрос открытым. Только утром следующего дня, по настоянию М. В. Родзянко, П. Н. Милюков возобновил переговоры. В течение дня соглашение было обсуждено и принято в совете, и вечером 2-го марта делегация совета вновь явилась к П. Н. Милюкову с предложением выработать окончательный текст. Кроме уже припавших пунктов, делегаты настояли на включении фразы: „Временное правительство считает своим долгом присвокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий“. Подозрительность, проявленная в этих словах, сказалась также и в тех более тем сдержанных выражениях, в которых декларация совета давала правительству обещанную поддержку. К приведенной выше части декларации была с этой целью присоединена следующая вступительная часть: „Товарищи и граждане, новая власть, создавшаяся из общественно-умиренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязана осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ и которые должны приветствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той и в той, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью,—демократия должна оказывать ей свою поддержку“. Здесь, как видно, не только не отрицался тот факт, что текст правительственных „обязательств“ в основе своей составлен самими делегатами со-

віта, а текст їх декларацій—Временнымъ Комитетомъ Гос. Думы, но и принята впервые та знаменитая формула „постольку—поскольку“, которая заранее ослабляла авторитетъ первой революціонной власти среди населенія. Хотя совѣтъ и санкціонировалъ, *post factum*, вступленіе А. Ф. Керенскаго въ правительство, но онъ и тутъ продолжалъ подчеркивать, что правительство принадлежитъ къ „общественно-умѣреннымъ“ слоямъ, т. е. заранее набрасывалъ на него подозрѣніе въ классовой односторонности. Зародыши будущихъ затрудненій и осложненій уже сказались въ этой исходной формулировкѣ взаимныхъ отношеній правительства и первой изъ организацій „революціонной демократіи“.

Еще не покончивъ съ этими переговорами, Временный Комитетъ принялся за свою главнѣйшую очередную задачу, ликвидацію старой власти. Ни у кого не было сомнѣнія, что Николай II болѣе царствовать не можетъ. Еще 26 февраля, въ своей телеграммѣ къ царю, М. В. Родзянко требовалъ только „немедленнаго порученія лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство“, т. е. употреблялъ прежнюю формулу прогрессивнаго блока. Онъ прибавлялъ при этомъ, что „медлить нельзя“, и что „всякое промедленіе смерти подобно“, и „молилъ Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣщеносца“. Но уже 27-го утромъ тонъ второй телеграммы былъ иной: „Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи“. На просьбы, обращенныя къ главнокомандующимъ фронтами—поддержать переходъ царемъ обращеніе председателя Думы—Родзянко получилъ отъ генераловъ Брусилова и Рузскаго отвѣтныя телеграммы, что его просьба исполнена. Генер. Алексѣевъ также наставлялъ, вмѣстѣ съ в. к. Николаемъ Николаевичемъ, на „принятіи рѣшенія, признаваемого нами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условіяхъ“, т. е. на составленіи отвѣтственнаго министерства. Въ томъ же смыслѣ составлено было заявленіе, подписанное великими князьями и доставленное во Временный Комитетъ Гос. Думы. Но, дѣйствительно, было уже поздно думать только объ отвѣтственномъ министерствѣ. Нужно было полное и немедленное отреченіе царя. Съ цѣлью настоять на немъ, Временный Комитетъ въ ту же ночь, съ 1 на 2-е марта, рѣшилъ отправить къ Николаю II делегацію изъ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Царь, правда, вызывалъ М. В. Родзянко, но отъѣздъ изъ Петрограда председателя Думы въ то время, когда только что формировалась новая революціонная власть, признанъ былъ небезопаснымъ. По мысли Комитета, отказъ Николая II долженъ былъ послѣдовать въ пользу наследника, при регентствѣ Михаила.

Выѣхавъ въ 3 часа двѣмъ 2 марта, А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ въ 10 час. вечера были въ Скопѣ и немедленно были приглашены въ салонъ-вагонъ Николая II. Здѣсь, посадивъ рѣши А. И. Гучкова о необходимости отреченія въ пользу сына (сидѣвшій рядомъ съ Шульгинымъ ген. Рузскій сказалъ ему при этомъ: „это уже дѣло рѣшенное“), бывший государь отъѣхалъ спокойно и не волнуясь, со своимъ обычнымъ видомъ вѣжливой непроницаемости: „Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принималъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3 час. дня я былъ готовъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына. Но затѣмъ я понялъ, что растаться съ моимъ сыномъ я неспособенъ. Вы это, я надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата“. Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатамъ, хотя позво-

лено думать, что въ рѣшеніи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыномъ, предпочиталъ рисковать братомъ и Россіей, въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Думая, какъ всегда, прежде всего о себѣ и о своихъ, даже и въ эту критическую минуту, и отказываясь отъ рѣшенія, хотя и труднаго, по до извѣстной степени подготовленнаго, онъ вновь открывалъ весь вопросъ о монархіи въ такую минуту, когда этотъ вопросъ только и могъ быть рѣшенъ отрицательно. Такова была послѣдняя услуга Николая II родинѣ.

Спросивъ делегатовъ, думаютъ ли они, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ осложненій,—и не получивъ утвердительнаго отвѣта, Николай II удалился и въ 11¼ вечера возвратился въ вагонъ съ готовымъ документомъ. В. В. Шульгинъ попросилъ царя внести въ текстъ фразу о „принесеніи всенародной присяги“ Михайломъ Александровичемъ въ томъ, что онъ будетъ править „въ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа“, какъ это было уже сказано въ документѣ. Царь тотчасъ же согласился, записавъ лишь слово „всенародная“ словомъ „ненарушная“. Безъ 10-ти минутъ въ полночь на 3-е марта отреченіе было подписано.

За этотъ день, 2 марта, однако же, политическое положеніе въ Петроградѣ еще разъ успѣло измѣниться. Измѣненіе это впервые сказалось, когда около 3-хъ часовъ дня П. Н. Миллюковъ произнесъ свою рѣчь о вновь образовавшемся правительствѣ въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца. Рѣчь эта была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнившими залъ, съ энтузіазмомъ, и ораторъ вынесенъ на рукахъ по ея окончаніи. Но среди шумныхъ приговоровъ одобренія слышались и ноты недовольства и даже протеста. „Кто васъ выбралъ?“—спрашивали оратора. Отвѣтъ былъ: „Насъ выбрала русская революція“; но „мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія“. Такъ устанавливалась идея преимущества власти, созданной революціей, до Учредительнаго Собранія. При словахъ оратора: „во главѣ мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ организованную русскую общественность, такъ непримиримо преслѣдовавшуюся старымъ правительствомъ“, тѣ же голоса дважды прерывали рѣчь криками: „цензуру“. П. Н. Миллюковъ отвѣтилъ имъ: „да, но единственно-организованную, которая дастъ потомъ возможность организоваться и другимъ слоямъ русской общественности“. Наконецъ, на самый существенный вопросъ—о судьбѣ династіи—ораторъ отвѣтилъ: „я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ. Но я скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту, в. к. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексій (шумъ и крики: „это старая династія“). Да, г. г., это старая династія, которую, можете быть, не любите вы, я, можете быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ разрѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы представляемъ его себѣ, какъ парламентарную и конституціонную монархію. Быть, можетъ, другіе представляютъ иначе. Но если мы будемъ спорить объ этомъ сейчасъ, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить вопросъ, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого сдѣлать мы не имѣемъ права... Но, какъ только пройдетъ опасность и установится прочный миръ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учреди-

тельного Собрания, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшить, кто вѣрнѣе выразилъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники“.

Въ концѣ дня волненіе, вызванное сообщеніемъ П. Н. Милюкова о регентствѣ в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось. Поздво вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа, чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявляли, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе въ той формѣ, что „его слова о временномъ регентствѣ в. к. Михаила Александровича и о наследованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ“. Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообще въ томъ явномъ смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но напуганный нарастающей волной возбужденія, Временный Комитетъ молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія.

Какъ разъ въ то время, когда происходилъ этотъ сдвигъ въ Петроградѣ, въ Псковѣ Николай II измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе отречься въ пользу сына и „рѣшалъ отречься въ пользу брата“. Такая переиѣна дѣлала защиту конституціонной монархіи еще болѣе трудной, ибо отпадалъ расчетъ на малолѣтство новаго государя, составлявшее естественный переходъ къ укрѣпленію строго-конституціоннаго строя. Тѣ, кто уже согласился на Алексѣя, вовсе не были обязаны соглашаться на Михаила. И когда, около 3 часовъ ночи на 3-е марта, до членовъ правительства, остававшихся въ Таврическомъ дворцѣ, дошли первые слухи объ отреченіи Николая II въ пользу Михаила, всѣ почувствовали, что этимъ снова открытъ вопросъ о династіи. Немедленно были осведомлены М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львовъ. Оба они отправились къ прямому проводу въ военное министерство, чтобы узнать тотчасъ по расшифрованіи точный текстъ акта объ отреченіи и выяснить возможность его измѣненія. Въ то же время были приняты мѣры, чтобы до окончательнаго рѣшенія вопроса актъ объ отреченіи Николая II не былъ опубликованъ. На разсвѣтѣ министры уведомили в. к. Михаила Александровича, ничего не подозревавшаго и крайне удивленнаго случившейся перемѣной, что черезъ нѣсколько часовъ они его посѣтятъ. Отсутствие Родзянко и Львова, съ одной стороны, и ожиданіе возвращенія Гучкова и Шульгина, съ другой, задержали эту встрѣчу. Возвратившагося Шульгина пашущій эти строки успѣлъ на станціи уведомиль по телефону о совершившейся въ Петроградѣ перемѣнѣ настроенія. Но А. И. Гучковъ уже сообщалъ жѣлзнодорожнымъ рабочимъ о назначеніи Михаила и лично сдѣлался свидѣтелемъ возбужденія, вызваннаго этимъ извѣстіемъ.

Подъ этимъ прекраснѣйшимъ впечатлѣніемъ состоялось предварительное совѣщаніе членовъ правительства и Временнаго Комитета о томъ, что и какъ говорить великому князю. А. Ф. Керенскій еще наканунѣ вечеромъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ объявилъ себя республиканцемъ и сообщалъ о своихъ особомъ положеніи въ министерствѣ, какъ представителя демократіи, и объ особенномъ вѣстѣ своихъ мнѣній. Правда, принятая на конференціи петроградскихъ социалистовъ-революционеровъ 2 марта резолюція говорила еще только о „подготовкѣ Учредительнаго Собранія пропаяндой республиканскаго образа правленія“ и санкціонировала вступленіе Керенскаго, какъ способъ „необходимаго контроля надъ дѣятельностью временнаго правительства со стороны трудящихся

массы". Но въ утреннемъ совѣщаніи 3 марта его мнѣніе о необходимости убѣдить в. к. отречься возмѣло рѣшающее вліяніе. Н. В. Некрасовъ уже успѣлъ набросать и проесть отреченія. На сторонѣ обратнаго мнѣнія, что надо сохранить конституціонную монархію до Учредительнаго Собранія, оказался одинъ П. Н. Миллюковъ. Послѣ страстныхъ споровъ было рѣшено, что обѣ стороны мотивируютъ переходъ в. к. свои противоположныя мнѣнія и, не входи въ дальнѣйшія пренія, предоставятъ рѣшеніе самому в. князю. Около полудня у в. к. на Милліонной собрались члены правительства: кн. Г. В. Львовъ, П. Н. Миллюковъ, А. Ф. Керенскій, Н. В. Некрасовъ, М. И. Терещенко, П. В. Голдштейн, В. Н. Львовъ и нѣсколько позже пріѣхавшій А. И. Гучковъ, а также члены Временнаго Комитета, М. В. Родзянко, В. В. Шульгинъ, И. И. Ефремовъ и М. А. Карауловъ. Необходимость отказа пространно мотивировалъ М. В. Родзянко и, послѣ него, А. Ф. Керенскій. Послѣ нихъ П. Н. Миллюковъ развилъ свое мнѣніе, что сильная власть, необходимая для укрѣпленія новаго порядка, нуждается въ опорѣ привычнаго для массы символа власти. Временное правительство одно, безъ монарха, говорилъ онъ, является „утюгой ладлей“, которая можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій, стравъ при этихъ условіяхъ можетъ грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣмъ соберется Учредительное Собраніе; временное правительство одно до него не доживетъ, и т. д. За этой рѣчью, вопреки соглашенію, послѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей въ полемическомъ тогѣ. Тогда П. Н. Миллюковъ просилъ и получилъ, вопреки страстному противодействию Керенскаго, слово для второй рѣчи. Въ ней онъ указывалъ, что хотя и правы утверждающіе, что принятіе власти грозитъ рискомъ для личной безопасности великаго князя и самихъ министровъ, но на рискъ этотъ надо идти въ интересахъ родины, ибо только такимъ образомъ можетъ быть снята съ даннаго состава лицъ отвѣтственность за будущее. Къ тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты в. князя. Поддержалъ П. Н. Миллюкова одинъ А. И. Гучковъ. Обѣ стороны заявляли, что въ случаѣ рѣшенія, несогласнаго съ ихъ мнѣніемъ, они не будутъ оказывать препятствія и поддержать правительство, хотя участвовать въ немъ не будутъ.

По окончаніи рѣчей великій князь, все время молчавшій, попросилъ себѣ нѣкоторое время для размышленія. Выйдя въ другую комнату, онъ пригласилъ къ себѣ М. В. Родзянко, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Выйдя послѣ этой бесѣды въ ожидавшімъ его депутатамъ, онъ сообщилъ имъ довольно твердо, что его окончательный выборъ склонился на сторону мнѣнія, защищаемаго председателемъ Гос. Думы. Тогда А. Ф. Керенскій патетически заявилъ: „Ваше Высочество, Вы—благородный человѣкъ!“ Онъ прибавилъ, что отнынѣ будетъ всюду заявлять это. Павелъ Керенскаго плохо гармонировалъ съ провой принятаго рѣшенія. За нимъ не чувствовалось любви и бодя за Россію, а только страхъ за себя...

Проектъ отреченія, набросанный Н. В. Некрасовымъ, былъ очень слабъ и неулаченъ. Рѣшено было пригласить юристовъ-государствовѣдцовъ, В. Д. Набокова и В. Э. Нольде, которые и внесли въ текстъ отреченія измѣненія, возможныя въ рамкахъ состоявшагося рѣшенія. Главное мѣсто отреченія гласило: „принявъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всавароднымъ голосованіемъ своимъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи устаканить образъ правленія и во-

вые основные законы государства российскаго. Призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своими рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа". Чтобы легче понять, что новаго внесено этимъ актомъ, приведемъ главное мѣсто отреченія имп. Николая. „Заповѣдую брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ согласіи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ имъ установлены, принося въ томъ ненарушиму присягу во имя горячо любимой родины. Призывая всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повинновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помогу ему выѣсть съ представителями народа вывести государство российское на путь победы, благоденствія и славы“.

Такъ совершилась первая капитуляція русской революціи. Представители Г. Думы, „Думы третьяго іюня“, въ сущности, рѣшили вопросъ о судьбѣ монархіи. Они создали положеніе, дефектное въ самомъ источникѣ, — положеніе, изъ котораго должны были развиться всѣ послѣдующія ошибки революціи. Въ общемъ сознаніи современниковъ этого перваго момента новая власть, созданная революціей, вела свое преемство не отъ актовъ 2 и 3 марта, а отъ событій 27 февраля. Въ этомъ была ея сила, чувствовался тогда, — и ея слабость, обнаружившаяся впоследствии.

Были ли тяжелыя послѣдствія революціи 27 февраля, развернувшіяся въ дальнѣйшемъ, неизбежны? Или, напротивъ, ихъ можно было бы избѣжать, если бы тактика новаго правительства оказалась кпал? Будущему историку предстоитъ выяснить неизбежный характеръ послѣдовавшихъ событій, вывести его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости социальныхъ и національных реформъ, изъ малокультурности и неорганизованности населенія и т. п. Ближайшій участникъ событій, развертывавшихся въ центрѣ, естественно будетъ смотрѣть на событія и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія менѣе фаталистической. Въ рядъ факторовъ неизмѣнныхъ, дѣйствовавшихъ съ неизбежными послѣдствіями, онъ введетъ факторъ, измѣняющійся въ зависимости отъ степени сознательности и волевой силы непосредственныхъ руководителей. Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, если бы степень сознательности и степень волевого напряженія у руководителей были иныя. Русская революція была „мирной и безкровной“ въ своемъ началѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе двухъ причинъ: безспорнаго для всѣхъ слоевъ и для всѣхъ политическихъ теченій отрицательнаго отношенія къ старой самодержавной власти, не нашедшей въ рѣшительную минуту ни одного защитника, — и столь же безспорнаго въ тѣ первыя минуты положительнаго отношенія къ Гос. Думѣ и къ ея дѣтелямъ, взявшимъ въ свои руки руководство переворотомъ. Но безсиліе старой власти передъ недисциплинированностью и отсталостью страны перешло по наслѣдству и къ новой власти. Данная этой властью свобода была использована крайними элементами для систематической организаціи острой классовой борьбы, перешедшей мало-по-малу въ открытую гражданскую войну подъ лозунгомъ немедленнаго мира и немедленнаго введенія социализма. Въ результатѣ,

разрушительным началом революция легко было получить перевес над сознательными, стихий—получить перевес над сознательностью, распаду—над единством. Среди постепенно прогрессировавшего хаоса и анархии, два элемента сохранили и усилили свой характер плановых волевых факторов: во-первых, утопия всемирной социалистической революции, долженствовавшей из Петрограда перекинуться на Берлин, Париж, Лондон и т. д.,—утопия, уже погубившая нашу первую революцию 1905 г.—и отчасти при посредствъ тѣхъ же самыхъ идеологовъ-фанатиковъ; во-вторыхъ, искусство германскаго генеральнаго штаба, сумѣвшаго организовать измѣну внутри неприязельской страны и заставить русскихъ сражаться за Германію въ Петроградѣ, Москвѣ и многочисленныхъ другихъ городахъ Россіи.

Стихийный ходъ русской революціи велъ ее отъ переворота къ перевороту, причѣмъ каждый новый переворотъ ослаблялъ революціонную власть и все шире открывалъ путь явленіямъ распада. Можно даже подмѣтить извѣстную ритичность въ этомъ повтореніи новыхъ и новыхъ крушеній власти. Два мѣсяца—вотъ почти точное то же время, на который каждому вновь организовавшемуся правительству удавалось удержать надъ страной власть, становившуюся все болѣе и болѣе номинальной и фиктивной. Самый переходъ отъ власти низвергаемой къ власти, ее замѣнявшей, становился съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе длительнымъ и болѣзненнымъ.

Сообразно этому общему ритму событій русской революціи, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: 1) Первое революціонное правительство (2 марта—2 мая). 2) Первое правительство коалиціоннаго состава (2 мая—2 іюля). 3) Первый кризисъ власти и вторая коалиція (3 іюля—28 августа). 4) Второй кризисъ власти и третья коалиція (28 августа—25 октября). Такого дѣленія по вѣншему признаку—последовательности ивняющихся кабинетовъ. Но есть въ немъ и внутренній признакъ—постоянное прогрессирующее распаденіе власти. За первымъ внутреннимъ противорѣчіемъ революціи, которое мы уже отмѣтили, слѣдуетъ при первомъ революціонномъ правительствѣ второе. Г. Дума сдала революціи идею монархіи. Кабинетъ князя Г. Е. Львова сдалъ позицію буржуазной революціи, подчинившись требованіямъ и формуламъ социалистическихъ партій. Третье противорѣчіе развернулось при слѣдующемъ кабинетѣ, первомъ коалиціонномъ. Вынужденный „буржуазіей“ изъ рукъ принять буржуазной революціи принять подъ свою защиту умѣренныхъ социалистовъ. Какъ и можно было ожидать, эта двусмысленная позиція погубила ихъ въ мнѣніи рабочаго класса и чрезвычайно усилила лѣвый флангъ русскаго социализма, „большевизмъ“. Во второмъ коалиціонномъ кабинету уже пришлось стать передъ фактомъ безсилія социалистическаго центра лицомъ къ лицу съ двумя бо-роющимися флангами: буржуазной диктатурой, стремившейся спасти, что можно, для достиженія вѣншей побѣды и для сохраненія внутренняго мира,—и социалистической утопій, увѣкавшей массы чисто-демагогическими лозунгами. Двусмысленное положеніе, занятое Керенскимъ въ борьбѣ между этими двумя флангами—между Корниловымъ и Ленинымъ,—лишило его союзниковъ и выдало его противникамъ. Въ выясненіи этого послѣдняго обстоятельства—одиночества власти—и заключается политическій смыслъ періода третьей коалиціи: того, который мы назвали „агоніей буржуазной республики“. Исходомъ агоніи явилась побѣда большевиковъ, составляющая хронологическую грань, на которой останавливается первый томъ исторіи второй революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Буржуазная власть подчиняется цѣлямъ
соціализма. (2 марта—6 мая).

THE HISTORY OF

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON
FROM THE FIRST SETTLEMENT
TO THE PRESENT TIME

I. Мѣропріятія врем. правительства и намѣренія совѣта р. и с. д.

Первое временное правительство.—Его программа.—Первыя мѣропріятія.—Гражданское равноправіе.—Манифестъ о Финляндіи.—Воззваніе къ полякамъ.—Желанія другихъ національностей.—Взглядъ кн. Г. Е. Львова на управленіе Россіей.—Законопроекты по управленію.—Подготовка Учредительнаго Собранія.—„Демократическія“ организации.—Совѣтъ р. и с. д.—„Контактная комиссія“.—„Контроль“ надъ правительствомъ—или участіе социалистовъ во власти?

6 марта временное правительство опубликовало воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ излагалась программа его дѣятельности. Необходимость государственнаго переворота объяснялась въ этомъ воззваніи не одними только обстоятельствами военнаго времени, но и всей той десятилѣтней борьбой противъ народныхъ правъ, которая систематически велась верховной властью со времени роспуска первыхъ Гос. Думъ и нарушенія конституціи положеніемъ о выборахъ 3 іюня 1907 г. Въ отпачіе отъ послѣдующихъ декларацій, воззваніе 6 марта первой своей задачей ставило „доведеніе войны до побѣднаго конца“ и заявляло при этомъ, что оно „будетъ свято хранить связывающіе насъ съ другими державами союзы и неукосно исполнитъ заключенныя съ союзниками соглашенія“. Союзникамъ и эта фраза показалась тогда слишкомъ сухой. Далѣе, правительство обязывалось: 1) „созвать въ возможно кратчайшій срокъ Учредительное Собраніе... обезпечивъ участіе въ выборахъ и доблестнымъ защитникамъ родины“; 2) „немедленно обезпечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство“; 3) „ослаботиться установленіемъ нормъ, обезпечивающихъ всѣмъ гражданамъ равное, на основіи всеобщаго избирательнаго права, участіе въ выборахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія“; 4) „вернуть съ почетомъ изъ мѣстъ ссылки и заточенія всѣхъ страдальцевъ за благо родины“.

Заявленіе временнаго правительства объ отношеніи его къ войнѣ и къ союзникамъ все же закрѣпило за границей то благоприятное впечатлѣніе, которое было создано руководящей ролью Гос. Думы въ переворотѣ. Послы и посланники союзныхъ державъ, въ ожиданіи оффиціальнаго признанія переворота ихъ правительствами, немедленно вошли въ сношенія съ образовавшимся временнымъ правительствомъ. Первымъ государствомъ, посѣпшавшимъ и оффиціально признать новую власть, была Америка, посоль которой Френсисъ уже 9 марта былъ принятъ временнымъ правительствомъ въ торжественной аудіенціи. За нимъ послѣдовали, 11 марта, оффиціальныя заявленія перахъ временнымъ правительствомъ Франціи, Англіи и Италіи; потомъ, 22 марта, Бельгіи, Сербіи, Румыніи, Японіи и Португаліи.

Въ ближайшіе же дни послѣ принятія власти правительство энергично принялось за осуществленіе объявленной имъ программы. Шестымъ марта датированъ указъ о самой полной амнистіи, исключавшей лишь должностныя преступленія стараго порядка, и немедленно же сдѣланы распоряженія о возвращеніи на государственный счетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и эмигрантовъ. 12-мъ марта датировано постановленіе (опубли-

ковано 18 марта) объ отиѣнъ смертной казни. Труднѣе оказалось формулировать отиѣну вѣроисповѣднѣхъ и національныхъ ограниченій,—необходимый шагъ къ установленію гражданскаго равенства и свободы. Можно было опубликовать общее постановленіе, но оно имѣло бы только декларативный характеръ. Можно было опубликовать перечень отиѣненныхъ статей дѣйствующаго законодательства, но это потребовало бы долгой и кропотливой работы. Временное правительство избрало средній путь, перечисливъ главныя категоріи отиѣняемыхъ ограниченій и указавъ важнѣйшія отиѣняемыя статьи. Такимъ образомъ, закономъ, подписаннымъ 20 марта (изданъ 22 марта) отиѣнялись: національныя и вѣроисповѣдныя ограниченія, связанныя съ 1) свободой передвиженія и жительства, 2) приобрѣтеніемъ правъ собственности, 3) занятіемъ ремесломъ, торговлей и промышленностью, 4) участіемъ въ торгово-промышленныхъ обществахъ, 5) наймомъ прислуги, 6) поступленіемъ на государственную и общественную службу и участіемъ въ выборахъ, 7) поступленіемъ въ учебныя заведенія, 8) исполненіемъ обязанностей опекуновъ, попечителей, присяжныхъ повѣренныхъ и 9) употребленіемъ языковъ въ частныхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, было снято темное пятно, лежавшее на русской общественности по отношенію къ евреямъ, которые получили по этому закону полное гражданское равноправіе. Еще раньше временное правительство постѣшило исправить грѣхъ старой власти по отношенію къ двумъ народностямъ, особенно страдавшимъ отъ капризовъ самодержавной политики: финляндцамъ и полякамъ. Манифестъ о Финляндіи былъ подписанъ уже 6 марта: имъ отиѣнялись всѣ нарушенія финляндской конституціи, совершенныя съ самаго начала руссификаторской политики Бобринкова (т. е. съ 1892 г.), даровалась полная амнистія лицамъ, борющимся съ русскими правительствами за права Финляндіи, и давалось обѣщаніе въ возможно краткій срокъ созвать сейтъ, которому „будутъ переданы проекты новой формы правленія для В. К. Финляндскаго и, если того потребуютъ обстоятельства, предварительно будутъ переданы проекты отдѣльныхъ основныхъ законоположеній въ развитіе конституціи Финляндіи“, а именно: въ нихъ „будутъ выяснены и расширены права сейма въ отношеніи права обложенія и опредѣленія доходовъ и расходовъ казны; а также и въ томъ смыслѣ, чтобы исконное право самообложенія финляндскаго народа было распространено и на таможенное обложеніе и чтобы обезпечено было своевременное движеніе подлежащихъ утвержденію законовъ, принятыхъ сеймомъ“. Далѣе, будутъ внесены проекты „о предоставленіи сейму права повѣрять служебныя распоряженія членовъ финляндскаго правительства“, „о независимомъ высшемъ судѣ, о свободѣ печати и о союзахъ“. Финляндскому народу торжественно подтверждалось, „на основѣ его конституціи, сохраненіе его внутренней самостоятельности, правъ его національныхъ—культуры и языковъ“, и высказывалась „твердая увѣренность, что Россія и Финляндія будутъ отиѣны связаны уваженіемъ къ закону, ради взаимной дружбы и благоденствія обоихъ свободныхъ народовъ“. Увѣренность эта основывалась, какъ на самомъ существѣ манифеста, которымъ исполніи осуществлялись стремленія финляндскихъ конституціоналистовъ-патріотовъ, составлявшія предметъ борьбы въ теченіе многихъ десятилѣтій, такъ и то обстоятельство, что актъ былъ изданъ по предварительному соглашенію съ представителями финляндскихъ политическихъ партій. Архаическій, полныи пробѣловъ и умолчаній, государственный строй Финляндіи превращался манифестомъ въ конституціонное государство новѣйшаго типа, связанное съ Россіей единствомъ высшей власти и важнѣйшими общенародными дѣлами. Съ сожалѣніемъ, уже

во время первого временного правительства, желанія финляндцев пошли дальше. Даже съ нарушеніемъ строго-конституціонныхъ 'отношеній между сеймомъ и сенатомъ, они стали добиваться расширенія власти послѣдняго учрежденія, хотябъственное отдѣленіе котораго замѣняло въ Финляндіи министерство. При этомъ они очень тонко подмѣчали всѣ моменты колебаній или слабости революціонной власти, чтобы то выдвигать впередъ свои требованія, то вновь переходить къ тактикѣ выжиданія. Созывъ сейма былъ назначенъ на 22 марта, и появленіе его, какъ увидимъ, еще болѣе осложнило ходъ разрѣшенія финляндскаго вопроса.

Въ польскомъ вопросѣ, по почину П. Н. Миллюкова, временное правительство сразу стало на опредѣленную точку зрѣнія полной независимости объединенной изъ трехъ частей этнографической Польши. Въ виду германско-австрійской оккупанціи русской Польши, революціонная власть не могла, конечно, осуществить свое намѣреніе непосредственно. Вмѣсто манифеста о независимости Польши пришлось издать воззваніе къ полякамъ, которое говорило не точнымъ юридическимъ языкомъ финляндскаго документа, а словами охушеннаго и горячаго призыва—бороться за общее дѣло, „плечомъ къ плечу и рукою, за нашу и вашу свободу“, какъ гласили старыя польскія знамена 30-хъ годовъ. Временное правительство оговаривало лишь право руссійскаго Учредительнаго Собранія. Основное мѣсто воззванія гласило такъ: „Сбросившій его русскій народъ признаетъ и за братскимъ польскимъ народомъ всю полноту права собственною волею опредѣлить судьбу свою. Вѣрное соглашеніямъ съ союзниками, вѣрное общему съ ними плану борьбы съ истребующимъ германизмомъ, временное правительство считаетъ созданіе независимаго польскаго государства, образованнаго изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ, надежнымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей—обновленной—Европѣ. Соединенное съ Россіей свободнымъ военнымъ союзомъ, польское государство будетъ твердить оплотомъ противъ напора срединныхъ державъ на славянство. Освобожденный и объединенный, польскій народъ самъ опредѣлитъ государственнй строй свой, высказавъ волю свою черезъ Учредительное Собраніе, созданное въ столицѣ Польши и избранное всеобщимъ голосованіемъ. Россія вѣритъ, что связанныя съ Польшей вѣками совиѣстной жизни народы получаютъ при этомъ прочное обезпеченіе своего гражданскаго и національнаго существованія. Россійскому Учредительному Собранію предстоитъ скрѣпить окончательно новый братскій союзъ и дать свое согласіе на тѣ измѣненія государственной территоріи Россіи, которыя необходимы для образованія свободной Польши изъ всѣхъ трехъ, нынѣ разрозненныхъ, частей ея“.

Вѣтузлавамъ, вываанный опубликованіемъ финляндскаго и польскаго актовъ, временнаго правительства, отозвался повышеніемъ ожиданій среди другихъ національностей Россіи, въ особенности народностей, пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Мадавая оба документа до Учредительнаго Собранія, временное правительство руководилось какъ идейнымъ ихъ значеніемъ и бесспорностью притязаній обѣихъ народностей въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя ввело ихъ правительство, такъ и совершенно особымъ положеніемъ Финляндіи и Польши,—и вообще, и въ особенности въ связи съ военными операціями. Въ частности, въ оккупированной Польшѣ воззваніе революціоннаго правительства укрѣ-

пьяло надежды поляков и помогло им оказать противодействие германо-австрийцам в попытках последних создать полумиллионную польскую армию и захватить за собой Польшу узамі нової государственности, полученной из рук срединных имперій. Распространение тѣх же прав на другія народности Россіи не вызывалось такими же настоятельными причинами, предрѣшало бы будущее устройство Россіи и уже поэтому должно было быть отложено до Учредительнаго Собранія. Однако, уже въ то время и эти народности предъявили временному правительству свои притязанія: 18 марта князя Г. Е. Львова посетила литовская депутація въ составѣ М. М. Ичаса, П. С. Янушкевича и В. М. Вильскаго и вручила ему постановление вновь образованнаго изъ представителей политическихъ партій „литовскаго національнаго совѣта“, что „въ этнографическомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ Литва представляетъ единое политическое дѣло“, что „при устроеніи жизни Литвы всѣ населяющія ея народности должны пользоваться равными правами, и всѣмъ имъ должно быть гарантировано свободное развитіе и участіе въ управленіи Литвой“ и что „Литва должна быть выдѣлена въ самостоятельную административную единицу, причемъ управленіе Литвой должно быть поручено органамъ и лицамъ изъ среды самого населенія Литвы“. Смыслъ этихъ заявленій, очевидно, шелъ дальше тѣхъ осторожныхъ выраженій, въ которыхъ они были на первый разъ облечены. Тогда же князь Г. Е. Львовъ принялъ и украинскую депутацію въ лицѣ петроградскихъ представителей, А. И. Лотоцкаго, М. А. Корчинскаго, М. А. Славинскаго, Гогеля, Т. Гайдара и Лободы. Требования депутаціи были еще сравнительно умеренны и ограничивались мѣрпріятіями, необходимыми до созыва Учредительнаго Собранія. Такими мѣрами депутація считала: назначеніе въ украинскія губерніи лицъ, знакомыхъ съ краемъ и съ его языкомъ, назначеніе губернскихъ украинскихъ комиссаровъ и учрежденіе при временномъ правительствѣ комиссара по украинскимъ дѣламъ, немедленное введеніе украинскаго языка въ практику и дѣлопроизводство судебныхъ установленій, въ начальную и среднюю школу, украинизація и открытіе новыхъ учительскихъ семинарій съ особой мѣстной программой и т. д. Въ результатѣ пріема, въ Петроградѣ образовался 19 марта „Украинскій національный совѣтъ“. Временное правительство приняло мѣры для удовлетворенія украинскихъ стремленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Кроме того, временное правительство рѣшительно перело съ политической старой власти въ Галицію, поетепенно освободило и вернуло т.-наз. „заложниковъ“ и арестованныхъ за украинскую національную пропаганду и, въ концѣ существованія перваго министерства, назначило особаго комиссара, Д. И. Дорошенку, для управленія оккупированными мѣстностями Галиціи въ строгомъ согласіи съ предписаніями Гаагской конвенціи, при помощи имѣющаго быть восстановленнымъ на расширенныхъ началахъ мѣстнаго самоуправленія. Въ томъ же духѣ и въ то же время были приняты мѣры для организаціи управленія оккупированными областями Малой Азіи (Арменіи).

Гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ революціи, былъ вопросъ о переустройствѣ всего управленія Россіи. Мирный и быстрый успѣхъ революціи въ Петроградѣ отразился на такомъ же мирномъ и быстромъ усвоеніи ея результатовъ всей страной. Вещи въ провинціи представители старой власти устранились сами или были устранены безъ всякаго сопротивленія. На мѣсто администраціи стараго порядка явились повсюду въ первые же дни революціи мѣстные „комитеты“, „совѣты“ и другія организаціи изъ представителей обще-

ственных элементов. Никакого единообразия и никакой иерархической связи между этими местными организациями и центром не существовало. В первые же дни существования временного правительства функции губернаторов и уездных представителей власти переданы были председателям губернских и уездных управ. Так как по своему составу эти председатели часто не соответствовали настроению момента, то эта суммарная мера на местах вызвала трения и недовольство. Когда из провинции приехали в Петроград старые и новые представители администрации и требовали от министерства внутренних дел, они неизменно получали от кн. Г. Е. Львова тот же отказ, который он дал представителям печати в своем интервью 8 марта: «Это—вопрос старой психологии. Временное правительство сбило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны решаться не из центра, а самим населением... Мы все безусловно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь народа—не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни». В интервью 19 марта кн. Львов говорил: «В области местного самоуправления программа временного правительства составлена властью указанными самой жизнью. В лиц местных общественных комитетов и других подобных организаций она создала уже зародыш местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущим реформам. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания новых его органов. Комиссары временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления». Кн. Львов провез сказавшийся здесь оптимизм на идеалистической подкладке неприкосновенным через все испытания первых месяцев революции, как видно из его речи 27 апреля в торжественном юбилейном заседании четырех Дум. «Мы можем считать себя счастливейшими людьми; покойные наше попало в несчастливший период русской истории»; так начиналась эта речь, а кончилась она стихами американского поэта: «свобода, пусть отчаятся другие, я никогда не тебе не усомнюсь».

Такое мировоззрение руководителя нашей внутренней политики практически привело к систематическому бездействию его ведомства и к самоограничению центральной власти одной задачей—санкционированию плодов того, что на языке «революционной демократии» называлось «революционным правотворчеством». Предоставленное самому себе и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти, население, по необходимости, должно было подчиниться управлению партийных организаций, которые приобрели в новых местных комитетах могучее средство влияния и пропаганды определенных идей, лившихся интересам и инстинктам массы, а потому и наиболее для них приемлемых.

Однако же, мысль о необходимости ввести местное «правотворчество» в какие-нибудь единообразные рамки закона не вовсе исчезла. Подобравшие кн. Львовым сотрудники, во главе с Н. Н. Авинювым, занялись разработкой соответствующих законопроектов. Влияние их на жизнь не могло сказаться уже потому, что разработка эта

требовала довольно сложного труда и значительного времени. Однако же, к концу своего существования, подводя итог своей деятельности в воззвании 26 апреля, временное правительство уже имело возможность сообщить о ходе этой работы следующие сведения: „Начата коренная реорганизация местного управления и самоуправления на самых широких демократических началах. Из необходимых для этих целей законоположений изданы уже постановления о выборах в городские думы и в милиции. Выработаны и будут изданы в самом непродолжительном времени постановления о волостном земстве, о реформах губернских и уездных земств, о местных продовольственных органах, местных судах и об административной юстиции“. Таким образом, все, что вообще было сделано в этой области до созыва Учредительного Собрания, было уже подготовлено при первом составе временного правительства.

Созыв Учредительного Собрания, при всем желании врем. правительства сделать это в кратчайший срок, как требовало этого принятое на себя правительством обязательство, закрепленное присягой, не мог состояться до введения на места новых демократических органов самоуправления, способных провести выборы. С другой стороны, хотя правительство обязалась также привлечь к выборам и армию, но у первого состава врем. правительства сложилось убеждение, что сделать это можно лишь в момент затишья военных операций, т. е. не раньше поздней осени. В этих предлах правительство вполне добросовестно не хотело никаких промедлений и при первой возможности, предоставленной ему неотложными текущими делами, занялось этими вопросами. Уже 25 марта врем. правительство постановило образовать для выработки проекта избирательного закона в Учр. Собрание „Особое совещание“ под председательством назначенного правительством лица (Ф. Ф. Кокошкина), с участием приглашенных им же специалистов по госуд. праву, статистике и других сведущих лиц, а также „политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России“. Однако же, созыв этой комиссии затормозился в виду того, что председатель совета раб. и солд. депутатов Н. С. Чендаев некоторое время вовсе не отвечал на сделанное ему предложение об определении численности представителей в совещании от демократических организаций, а затѣм предложенное юридической комиссией при врем. правительстве число их вызвало разногласия. К средине апреля юридическая комиссия разработала примѣрный перечень вопросов, подлежащих рѣшенію при составленіи избирательного закона, и разослала его всѣмъ организациямъ, имѣющимъ быть представленными въ совѣщаніи. Комиссія рассчитывала, что въ ближайшемъ будущемъ представители организаций (всего 41 членъ) будутъ делегированы, и 26-30 апрѣля можно будетъ начать работу. Но новыя проволочки съ посылкой делегатовъ, въ особенности национальных группъ, привели къ тому, что при первомъ правительствѣ работа особаго совѣщанія такъ и не началась. Во всякомъ случаѣ, основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны юридическою комиссіею: это — тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ на апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей.

Наибѣвшая временнымъ правительствомъ программа дѣятельности, такимъ образомъ, была или осуществлена, или подготовлена къ осуществленію. Но и въ этой области законодательныхъ работъ, осуществлявшихъ великіе принципы революціи, лежали

тѣ трудности, которыя, быстро возрастаая, парализовали уже въ концѣ втораго мѣсяца работу пернаго состава временнаго правительства. Одну изъ этихъ трудностей мы уже отыскали: это—исчезованіе власти въ провинціи и вытекавшая отсюда полная невозможность приводить въ исполненіе рѣшенія центрального правительства. Другая трудность заключалась въ томъ, что власть, выпущенная изъ рукъ временнаго правительства, была захвачена социалистическими партіями, поставившими своей прямой задачей организовать „демократію“ какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, для осуществленія своихъ партійныхъ лозунговъ.

Въ центрѣ органами „революціонной демократіи“ явились какъ мѣстные петроградскія социалистическія организаціи, такъ въ особенности объединившій ихъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Первые шаги этого послѣдняго учрежденія были довольно неуверенны и робки. Общеприняннымъ догматомъ марксизма былъ тотъ, что въ настоящее время возможна только „буржуазная“, а не социалистическая революція, что социалистическія партіи должны не столько бороться за власть непосредственно, сколько создать условия для организации массъ съ цѣлью такой борьбы въ будущемъ, а въ ожиданіи — „контролировать“ буржуазное правительство въ его дѣятельности и не позволять ему препятствовать организационнымъ задачамъ „демократіи“. Въ дѣлѣ временнаго правительства самое требовательное ноображеніе не могло усмотрѣть такой организаціи, которая защищала бы классовые интересы „буржуазіи“ и противилась бы демократическимъ реформамъ. Задачи, которыя преслѣдовало правительство, были надпартійныя, общія всѣмъ партіямъ: иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условия для свободнаго выраженія народной воли въ Учредительномъ Собраніи, не предпринимая, по существу, какъ выразится эта воля относительно всѣхъ очередныхъ вопросовъ государственнаго строительства,—политическихъ, социальныхъ, національныхъ и экономическихъ. Вотъ почему, только въ очевидномъ смыслѣ это правительство могло быть названо „буржуазнымъ“. Конференція петроградскихъ с.р. такъ и смотрѣла на дѣло, когда уже 2 марта признала „настоятельно необходимой поддержку временнаго правительства, поскольку оно будетъ выполнять объявленную имъ политическую программу“. „Поскольку—поскольку“ сдѣлалось знаменитой формулой совѣта р. и с. депутатовъ. Это было бы, по существу, неопасно, ибо временное правительство все же думало измѣнять своей программѣ, а, напротивъ, убежденно и добросовѣстно ее осуществляло. Но „революціонная демократія“ не довольствовалась простымъ „контролемъ“. Въ ближайшіе же дни г. Стекловъ-Нахамкесъ заявилъ въ совѣтѣ, что совѣтъ „желаетъ путемъ постоянного организованнаго давленія заставить правительство осуществлять тѣ или ниня требованія“. Для этой цѣли — „воздѣйствія на правительство и непрерывнаго контроля“—10 марта была избрана особая „контактная коммиссія“ изъ Скобелева, Стеклова, Суханова (Гиммера), Филипповскаго и Чкендзе. Вслѣдствіи, послѣ реорганизации совѣта, ея мѣсто заняло бюро исполнительнаго комитета. „Контактная коммиссія“ дѣйствовала вначалѣ очень сдержанно и робко при встрѣчахъ съ правительствомъ, для чего отъ времени до времени въ одной изъ залъ Маринскаго дворца—не въ залѣ засѣданій совѣта министровъ—назначались особыя совѣщанія. Значительная часть пожеланій „контактной коммиссіи“ удовлетворялась, о чемъ демонстративно и хвастливо заявлялось въ совѣтѣ. Некоторые „требованія“ встрѣтили, однако, категорическій отказъ (напр., требо-

ваніе обь ассигновей 10 миллионъ на нужды демократическихъ организацій). На сѣздѣ совѣтовъ И. Г. Церетели призналъ (30 марта), что въ „контактной комисіи“ „не было случая, чтобы въ важныхъ вопросахъ временное правительство не шло на соглашенія“. Состѣвственными образомъ была формулирована и декларація, предложенная исполнительнымъ комитетомъ совѣта этому сѣзду. „Признавая, что выдвинутое низверженіемъ самодержавія временное правительство, представляющее интересы либеральной и демократической Россіи, проявляетъ стремленіе идти по пути, намѣченному деклараціей, опубликованной имъ по соглашенію съ совѣтомъ р. и с. д. депутатовъ, всероссійское совѣщаніе совѣтовъ р. и с. д., настанная на необходимости постоянного воздѣйствія на временное правительство въ смыслѣ побужденія его къ самой энергичной борьбѣ съ контръ-революціонными силами и къ рѣшительнымъ шагамъ въ сторону демократизаціи всей русской жизни, признаетъ политически-цѣлесообразной поддержку совѣтомъ р. и с. д. врем. правительства, поскольку оно, въ согласіи съ совѣтомъ, будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію завоеваній революціи и расширенію этихъ завоеваній“. Однако же, рѣчь докладчика Стеклова и послѣдовавшія пренія вскрыли гораздо болѣе острое отношеніе къ правительству, чѣмъ это видно изъ примирительнаго текста резолюціи. Стекловъ считалъ нужнымъ поднять заднимъ числомъ вопросъ, который не игралъ никакой роли въ началѣ революціи: почему исполнительный комитетъ совѣта не захватилъ съ перваго дня власти въ свои руки? Онъ далъ на это слѣдующій характерный отвѣтъ. „По двумъ причинамъ: психологической и политической. Во первыхъ, въ первые дни революціи намъ не было еще на кого опереться. Мы нѣшли переходъ собой лишь неорганизованную массу... Со всѣхъ сторонъ сообщалось о томъ, что въ Петроградѣ идутъ войска съ цѣлью усмиренія революціи. Мы, подобно древнимъ римлянамъ, сидѣли, утѣряя себя, что „засѣданіе продолжается“. Вторая причина—политическая. Революціонная демократія беретъ власть въ свои руки лишь тогда, когда власть въ осуществленіи своей программы становится на путь контръ-революціонный. Такого положенія у насъ не было, нѣтъ его и сейчасъ. Буржуазія прекрасно сознавала и сознаетъ, что ей надо идти на широкія уступки демократіи... Мы ни на одну минуту не сомнѣвались, что та же самая программа, которую нынѣ осуществляетъ временное правительство подъ аплодисменты всей россійской буржуазіи, встрѣтила бы со стороны командующихъ классовъ самое энергичное сопротивленіе, если бы ее проводили мы подъ фирмой совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“. Изъ наивнаго и откровеннаго признанія Стеклова его оппоненты сдѣлали дальнѣйшіе выводы. „Они не чувствовали въ первые дни революціи почвы подъ ногами для захвата власти“, говорилъ военный врачъ Есиповскій. „Но теперь положеніе измѣнилось. За спиной совѣта р. и с. д.—армія и народъ. Представители революціоннаго пролетаріата и революціонной арміи должны потому войти въ составъ временнаго правительства. Вр. правительство должно быть коалиціоннымъ. Пока этого не произойдетъ, двоявластіе неизбежно. Въ составѣ вр. правительства долженъ быть не одинъ нашъ „заложникъ“, каковымъ является А. Ф. Керенскій, а представители всѣхъ социалистическихъ партій“. Большевикъ Каменевъ сдѣлалъ другой выводъ. „Изъ доклада Стеклова,—замѣтилъ онъ совершенно правильно,—видно, что исполнительный комитетъ не только осуществляетъ функціи контроля надъ врем. правительствомъ, но и ведетъ съ нимъ упорную борьбу. Это и надо сказать въ

революція. Наше отношеніе къ вр. правительству должно выразиться не въ поддержкѣ его, а въ томъ, чтобы, въ предвидѣніи неизбежнаго столкновенія этого правительства или, вѣрнѣе, тѣхъ классовъ, которые оно представляетъ, съ органами революціонной власти—совѣтами р. и с. д.—сплотиться вокругъ этихъ послѣднихъ.

Однако, перевѣсь на съѣздѣ принадлежалъ не сторонникамъ коалиціи и не сторонникамъ открытой борьбы, а сторонникамъ „общенароднаго единенія буржуазіи и пролетаріата на общей платформѣ демократической республики“. Эту среднюю линію вѣщаешь И. Г. Церетели, не договаривая до конца аргументовъ Стеклова и подчеркивая лояльность врем. правительства, „не отвѣтственного“ за тѣ круги, которые „направляютъ на совѣты р. и с. д.“, и не идущаго по пути „контръ-революціи“, на который эти круги его „толкаютъ“. Существо дѣла оставалось, во всякомъ случаѣ, то же. „Революціонная демократія“ на одинъ мѣсяцъ еще не успѣла почувствовать „почву подъ ногами“, и худой миръ былъ для нея пока предпочтительнѣе доброй ссоры. Худой миръ устраивалъ и поддерживалъ И. Г. Церетели, но и единомышленники Каменева не могли на него жаловаться, ибо „за спиной“ правительства и совѣта они совершенно свободно дѣлали то самое дѣло, которое принципиально признавали нужнымъ, хотя и отшатывались еще отъ его практическихъ послѣдствій.

II. „Революціонная демократія“ переходитъ въ наступленіе.

Агитація большевиковъ противъ войны.—Мѣры большевиковъ и агентовъ къ разложенію арміи.—Воздѣйствіе большевиковъ черезъ совѣтъ и „контактную комиссію“ на правительство.—Большевики организуютъ кампанію противъ „империализма“ за Циммервальдъ.—Обращеніе совѣта „къ народамъ всего міра“ и заявленіе правительства (28 марта) о цѣляхъ войны.—Вліяніе русскихъ эмигрантовъ и союзныхъ социалистовъ на „демократизацію“ вѣншей политики.—Новыя требованія отъ министра иностр. дѣлъ.—Заявленіе Керенскаго.—Агитація среди рабочихъ.—Нота 18 апрѣля и уличное движеніе 20—21 апрѣля противъ П. Н. Милюкова.—Побѣда правительства.—Власть совѣта надъ гарнизономъ и отставка ген. Корнилова.

Въ чемъ состояла закулисная революціонная работа „за спиной“ правительства и совѣта? Русская революція еще не начиналась, а главный лозунгъ закулисныхъ силъ, ее двигавшихъ, уже былъ провозглашенъ. Та демонстрація рабочихъ, которая готовилась на 14 февраля,—день возобновленія сессіи Гос. Думы—должна была выразить протестъ противъ войны. Именно для этой цѣли какіе то люди, именовавшие себя членами Гос. Думы (и, конечно, не имѣвшие ничего общаго съ членами думскихъ социалистическихъ партій), раздавали оружіе рабочимъ. Не только П. Н. Милюковъ протестовалъ тогда противъ „дурныхъ и опасныхъ совѣтовъ, исходящихъ изъ самаго темнаго источника“, но и члены рабочей группы при военно-промышленномъ комитетѣ, уцѣлѣвшіе отъ ареста—Ихъ Протопоповы, заявляли: „интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ (т. е. къ помощи войнѣ)“. Роль „темныхъ источниковъ“ въ переворотѣ 27 февраля, какъ мы уже говорили, совершенно ясна, но, судя по всему послѣдующему, отрицать ее трудно. И уже въ это первое время она совпадаетъ съ ролью „большевиковъ“. Среди нихъ дѣйствовалъ тогда провокаторъ Черномазовъ, не разоблаченный еще редакторъ прежней „Правды“. Лозунгъ большевиковъ былъ провозглашенъ въ мани-

фестъ, напечатанномъ уже на другой день послѣ начала революціи, въ № 1 „Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ“. „Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства“, говорилось тутъ, — „войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ клановъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана поработленнымъ народамъ“. Это — точная формула Циммервальда, не имѣющая, очевидно, ничего общаго съ той платформой „демократической республики“, при помощи которой И. Г. Церетели хотѣлъ объединить „буржуазію“ съ „пролетаріатомъ“. Но источникъ этой идеологіи и всѣ ея послѣдствія, развернувшіяся въ дальѣйшемъ, очевидно, были неясны для официальнаго лидера „революціонной демократіи“. И онъ добросовѣстно сдѣлалъ себя руководимое имъ большинство совѣта той ступенкой, по которой большевики пробрались къ власти, совершивъ предварительно все то дѣло разрушенія, которое, по ихъ теоріи, должно было предшествовать ихъ полному торжеству.

Уже на второй день революціи, подъ влияніемъ большевиковъ, въ заголовкѣ солдатскаго органа, „Извѣстій“ было прибавлено къ слову „рабочихъ“ также и слово „солдатскихъ“ депутатовъ. Въ то же время появилась прокламація къ солдатамъ, подписанная, между прочимъ, и партіей с.р., хотя черезъ день конференція с.р. рѣзко осудила эту прокламацію, какъ „крайне неудачно составленную, вселяющую въ народныя массы взаимное недоверіе и разъ, къ тому же наданную безъ вѣдома правомочныхъ партійныхъ учреждений“. Прокламація была „проникнута ослабленіемъ противъ всѣхъ офицеровъ, огульно, безъ исключенія“. Велѣдъ за с.р. эту прокламацію осудилъ и Чхеидзе, какъ „провокаціонный листокъ, натравливающій солдатъ на офицеровъ и подписанный именемъ с.д. организацій.“ Наконецъ, какъ-то со стороны и врасплохъ былъ подsunутъ Временному Комитету Гос. Думы поздно вечеромъ 1 марта и текстъ знаменитаго приказа № 1. „Неизвѣстный“ полковнику Энгельгардту членъ сов. р. и с. д. въ военной формѣ „предложилъ ему написать приказъ объ отношеніяхъ солдатъ и офицеровъ“. На отзывъ Энгельгардта онъ отвѣтилъ: „тѣмъ лучше, напишемъ сами“. Дѣйствительно, содержание приказа № 1 было предложено тогда же, 1 марта, совѣту р. д. „товарищемъ Максимомъ“ (извѣстный сотрудникъ „Дня“ С. А. Кливанскій) въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) предложить солдатамъ не выдавать оружія никому, 2) немедленно избрать представителей въ Совѣтъ, 3) предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту р. и с. д. и 4) подчиняться на фронтѣ офицерамъ, вѣдѣть съ тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами“. Приказъ № 1 прибавилъ лишь къ этому приглашенію немедленно выбрать всѣхъ „комитеты“ и доводить до ихъ свѣдѣнія о „всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами“, отомкнуть отданіе чести и титулованіе; фактически это привело, вопреки разъясненію исп. комитета совѣта отъ 5 марта, къ повсемѣстному выбору офицеровъ совѣтами. Нужно прибавить, что 4 марта было рѣшено расклеить по улицамъ заявленіе Керенскаго и Чхеидзе, что приказъ № 1 „не исходить отъ Совѣта р. д.“, а 7 марта центральный комитетъ партіи народной свободы постановилъ „доставить до свѣдѣнія Совѣта, что, обсуждая полученныя имъ свѣдѣнія о чрезвычайной ошущѣ и рядѣ существенныхъ промисе-

той въ арми и во флотѣ, произведенныхъ приказомъ № 1, изданнымъ советомъ р. и с. д., комитетъ призналъ своимъ гражданскимъ долгомъ обрѣтаться къ совету съ заявленіемъ о необходимости полной и ясной отмены этого приказа во имя сохраненія нашей боевой силы, безъ чего немислимо успѣшное доведеніе войны до конца". Однако, ни заявленіе Керенскаго и Чхеидзе не появилось въ „Извѣстіяхъ“, ни полной и ясной отмены приказа не состоялось, несмотря на появленіе Скобелева и Гучкова о пагубности розни между офицерами и солдатами и о томъ, что приказы № 1 и 2 относятся только къ войскамъ петроградскаго гарнизона. Вопреки общему успѣху всѣхъ сознательныхъ и ответственныхъ руководителей, мутная струя троника, такимъ образомъ, въ русскую революцію съ самаго начала: она внесла была, очевидно, изъ опредѣленнаго источника, о которомъ свидѣлствуетъ самое содержаніе гребованій большевиковъ относительно немедленной „демократизаціи“ армии и немедленнаго же „демократическаго“ мира. Извѣстный швейцарскій социалъ-демократъ, Робертъ Гриммъ, увлеченный поздне въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ, совершенно точно сформулировалъ большевистскій лозунгъ въ своемъ приглашеніи на третью зиммервальдскую конференцію въ Стокгольмъ, совпавшую имъ на 2 мая. Туда приглашались прійхать всѣ партіи и организаціи, примыкающія къ лозунгу: „борьба противъ примиренія партій, возобновленіе классовой борьбы, требованіе немедленнаго перемирія и заключенія мира безъ аннексій и компенсацій на основахъ свободнаго самоопредѣленія народовъ“.

Какую роль играло въ этомъ планѣ разложеніе армии, видно изъ сообщенія Верховнаго Главнокомандующаго ген. Алексѣева (1 апрѣля): „рядъ перебѣжчиковъ показываетъ, что германцы и австрійцы надѣются, что различными организаціями внутри Россіи, мѣшающими въ настоящее время работѣ временнаго правительства, внесутъ анархію въ страну и деморализуютъ русскую армию“. Изъ напечатанныхъ въ началѣ 1918 г. документовъ извѣстно, что уже съ самаго начала войны воздѣйствіе на русскую армию было прямо организовано нашими противниками при содѣйствіи русскихъ эмигрантовъ—„пораженцевъ“.

Органомъ пропаганды большевиковъ явилась „Правда“, разсчитанная такъ же, какъ „Окопная Правда“, сразу въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. О характерѣ пропаганды „Правды“ дадутъ понятіе слѣдующія цитаты изъ первыхъ же ея номеровъ). „Буржуазныя партіи уже теперь стремятся внести революцію въ умирное русло—организуютъ офицеровъ, привлекаютъ солдатъ къ подчиненію“ (№ 1). „Петербургскій комитетъ“ постановилъ предложить совету р. и с. д. принять мѣры „къ свободному движению на фронтъ и въ ближайшій его тылъ для преобразованія фронта“ „нашихъ партійныхъ агитаторовъ“, которые должны были обращаться „съ призывомъ къ братанію на фронтъ“ (№ 3). Бюро Ц. К. предписывало тогда же, въ началѣ марта, „широкое и систематическое братаніе солдатъ воюющихъ народовъ въ траншеяхъ“ (№ 5). Первыми оперными точками и базами для всей дальнейшей дѣятельности большевиковъ явились болѣе доступныя къ воздѣйствію изъ-за границы мѣста: Гельсингфорсъ и Бронштадтъ.

*) См. подробности въ брошюрѣ А. С. Изгрова: „Соціализмъ во второй русской революціи“. Изд. партіи нар. свобод. Петр., 1917.

Тамъ проявляла и первая открытая выступленія вооруженной силы противъ временнаго правительства.

Однако, большевистская пропаганда далеко не сразу проникла на фронтъ. Первый мѣсяць или полтора послѣ революціи армія оставалась здоровой. Не пропускала левыхъ агитаторовъ, командный составъ добросовѣстно старался пойти навстрѣчу требованіямъ новаго строя и установить нормальныя отношенія между офицерами и солдатами. 13-го марта въ Петроградѣ состоялось первое соединенное засѣданіе членовъ комитета объединенныхъ офицерскихъ депутатовъ съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д., припавшее, при общемъ энтузіазмѣ, подблужу и слезахъ, слѣдующую резолюцію: „Выслушавъ объясненія исполнительнаго комитета совѣта офицерскихъ депутатовъ гарнизона Петрограда и окрестностей и балтійскаго флота, объединяющаго около 20.000 офицеровъ, собраніе заявляетъ объ установленіи прочнаго братскаго единенія между офицерами и солдатами, къ чему призываетъ всю русскую армію. Въ основу этого единенія собраніе призываетъ положить взаимное уваженіе въ каждомъ солдатѣ и каждомъ офицерѣ чувства чести и человѣческаго достоинства и общее отреченіе стоять на стражѣ свободы“. На фронтѣ съ энтузіазмомъ встрѣчались члены Гос. Думы, посланные туда для объясненія войскамъ началъ совершившагося переворота. Депутатѣ, въ безчисленномъ количествѣ приходившія съ фронта и направлявшіяся сперва въ Тавричскій дворецъ, а потомъ, послѣ перехода врем. правительства, въ Маринскій, неизменно выражали довѣріе врем. правительству и готовность поддержать его противъ всякихъ попытокъ возстановленія стараго строя. Скоро къ этимъ темамъ присоединилась новая: опасеніе „двоевластія“ и борьбы между правительствомъ и совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Депутатѣ зачастую убѣждали совѣтъ не мѣшать правительству въ его работѣ по подготовкѣ Учредительнаго Собранія и предлагали правительству свою поддержку противъ всѣхъ попытокъ вліять на него извнѣ. Высказывалась и готовность вести войну до побѣднаго конца. Но очень скоро къ этому стали присоединяться заявленія объ усталости арміи. Энтузіазмъ, вызванный въ войскахъ введеніемъ новаго строя, выражался многочисленными пожертвованіями георгіевскихъ крестовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Не получивъ сразу непосредственнаго доступа въ армію, большевики пытались вліять на армію черезъ совѣтъ р. и с. д., который, въ свою очередь, пытался вѣдствовать на правительство черезъ свою „контактную комиссію“. Уже 12 марта солдатская секція совѣта по поводу опубликованія текста присяги постановила: „къ опубликованной присягѣ не приводить, а гдѣ это произошло, считать присягу недействительной“. Контактная комиссія требовала внесенія въ текстъ присяги словъ о противѣдствіяхъ контр-революціоннымъ попыткамъ, но въ виду неопредѣленности этого термина и неувѣренности самочинныхъ дѣйствій солдатъ при самостоятельномъ его толкованіи, правительство не согласилось измѣнить текста присяги. Въ засѣданіи совѣта 14 марта Нахамесъ сдѣлалъ безцеремонное заявленіе, совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности. „Бынная царская ставка въ Могилевѣ сейчасъ сдѣлана контр-революціоннымъ центромъ. Митяжники-генералы, печелажіе подчинятся волѣ русскаго народа, реакціонные генералы... идутъ открытую контр-агитацію среди солдатъ... Мы потребуемъ отъ врем. правительства, чтобы оно заравѣ объявило внѣ закона тѣхъ митяжскихъ генераловъ, которые держатъ святотатственно подняты свою жалкую руку... Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны ему повиноваться, но всякій офи-

церь, всакій солдатъ, всакій гражданинъ имѣютъ право и обязанность его убить раньше, чѣмъ овъ подниметь свою руку“ и т. д.

Конечно, подобныхъ требованій правительство не удовлетворяло — да они и не представлялись въ такой формѣ; но тотъ же Нахамкесъ въ каждомъ засѣданіи контактной комиссіи систематически выкладывалъ цѣлый рядъ жалобъ изъ арміи на неподготовленность команднаго состава къ усвоенію началъ новаго строя и къ установленію основанныхъ на немъ отношеній къ солдатамъ. Отсутствие А. И. Гучкова на большей части этихъ засѣданій приводило делегатовъ совѣта въ большое раздраженіе. Намѣченный военнымъ министромъ — и скорѣй осуществленный — переѣзды въ командномъ составѣ, конечно, основывались не на этихъ соображеніяхъ, а главнымъ образомъ, на необходимости омолодить этотъ составъ и улучшить его въ военномъ отношеніи. Но созданная А. И. Гучковымъ комиссія подъ предѣлательствомъ бывшаго военнаго министра А. А. Поливанова, должна была войти въ обсужденіе цѣлаго ряда другихъ предложеній, явившихся совѣтомъ и его солдатской секціей съ цѣлью „демократизаціи арміи“. Въ этомъ числѣ была и знаменитая „декларація правъ солдата“, явившаяся въ печати уже 14 марта, какъ „постановленіе совѣта солдатскихъ депутатовъ“. 22 марта явился въ печати другой проектъ о „комитетахъ“, также понятый солдатской массой, какъ окончательный законъ. Комиссія Поливанова санкціонировала эти проекты уже тѣмъ, что приняла ихъ къ разсмотрѣнію. Въ концѣ апрѣля „декларація правъ солдата“ прошла почти въ неизмѣненномъ видѣ. Но содержаніе ея было введено въ жизнь еще ранѣе, фактически. Высшее командованіе считало, что опубликованіе „деклараціи правъ“ будетъ сигналомъ къ полному разложенію арміи. Но разложеніе это въ теченіе апрѣля пошло и безъ того далеко впередъ. Въ концѣ апрѣля (27), въ торжественномъ засѣданіи четырехъ Думъ, это долженъ былъ признать самъ военный министръ Гучковъ. „Казалось, что наша военная мощь возродится... что вспыхнетъ священный энтузіазмъ, что закалется, какъ стальная пружина, воля къ побѣдѣ“, говорилъ онъ. „Казалось, эта новая, свободная армія затмѣитъ своими подвигами старую, полневольную...“ Мы должны честно признать, что этого нѣтъ. Она переживаетъ тотъ же недугъ, какъ страна: двоевластіе, многовластіе, безвластіе... Не опоздали ли мы, съ нашими врачебными совѣтами и методами леченія? Я думаю, нѣтъ. Не опоздали ли если хотя нѣсколько промедлили? Я думаю, да. Тотъ гибельный лозунгъ, который внесли къ намъ какіе то люди, зная, что творять, — а, можетъ быть, и не зная, что творять, — этотъ лозунгъ „миръ на фронтѣ и война въ странѣ“, эта проповѣдь международнаго мира во что бы то ни стало и гражданской войны во что бы то ни стало, этотъ лозунгъ долженъ быть заглушенъ властнымъ окрикомъ великаго русскаго народа: „война на фронтѣ и миръ внутри“. Г. г., вся страна когда-то признала: отечество въ опасности. Мы сдѣлали еще шагъ впередъ: отечество на краю гибели“.

Если одной своей стороною циммервальдская формула обращала свое требованіе къ военному министру, то другой — и наиболѣе существенной — она обращалась къ министру иностранныхъ дѣлъ. Открывая 3 марта засѣданіе совѣта р. и с. д., Н. С. Чендеевъ подчеркнуто международный характеръ русской революціи. „Да здравствуетъ всемірный пролетаріатъ. Уже поднято знамя международнаго пролетаріата.“ 14 марта эта мысль была развита въ воззваніи „къ народамъ всего міра“, принятомъ совѣтомъ р. и с. д. Содержаніе воззванія довольно робко нарисовываетъ очертанія будущей циммервальдской

тактики. „Россійская демократія“ вознѣщаетъ „народамъ всего міра“ о своемъ „вступленіи въ ихъ семью полноправнымъ членомъ“ и „заявляетъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ, наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.“ Но тотчасъ затѣмъ позваніе специально обращается къ австро-германцамъ, убѣждая германскую социаль-демократію, что теперь ей уже не приходится „защищать культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма“ и что „русская демократія будетъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ извнутри, такъ и извнѣ; русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой“. Воззваніе призываетъ уже специально демократію срединныхъ имперій, отдѣляя ее отъ союзной: „сбросьте съ себя иго нашего самодержавнаго порядка, подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самодержавіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ—и дружными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, поворающую человечество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы“. Предсѣдатель Чхеидзе еще болѣе подчерпнулъ эти оговорки воззванія. „Обращаясь къ нѣмцамъ, мы не выпускаемъ изъ рукъ винтовки. И прежде, чѣмъ говорить о мирѣ, мы предлагаемъ нѣмцамъ свергнуть Вильгельма, свергнушаго народъ въ войну, точно такъ же, какъ мы свергли свое самодержавіе. Если нѣмцы не обратятъ на нашъ призывъ вниманія, то мы будемъ бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и центръ позванія вовсе не въ томъ, что мы устали и просимъ мира. Лозунгъ воззванія: долей Вильгельма“. Все это, конечно, очень далеко отъ темъ агитаціи, внесенныхъ нѣмцѣмъ.

Тотчасъ послѣ изданія обращенія „къ народамъ всего міра“ руководители совѣта р. и с. д. обратили особое вниманіе на внѣшнюю политику. Министръ иностранныхъ дѣлъ велъ эту политику въ духѣ традиціонной связи съ союзниками, не допуская мысли о томъ, что революція можетъ ослабить международное значеніе Россіи рѣзкой перемѣной оріентаціи и измѣненіемъ взгляда на заключенныя соглашенія и принятые обязательства. Во всѣхъ своихъ выступленіяхъ онъ рѣшительно подчеркивалъ націоналистскія цѣли освободительной войны, но всегда приводилъ ихъ въ тѣсную связь съ національными задачами и интересами Россіи. Руководители социалистическихъ партій совѣта справедливо считали эту политику полнымъ противорѣчіемъ основной идеи Циммервальда объ общей виновности всѣхъ правительствъ въ войнѣ, о борьбѣ рабочихъ классовъ всѣхъ странъ противъ всѣхъ „буржуазныхъ“ правительствъ и о всемірной революціи, которая, по почину Россіи, введетъ повсемѣстно социалистическій строй. Черезъ „контактную комиссію“ эти руководители, въ особенности Церетели, требовали отъ правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣляхъ войны въ соотвѣтствіи съ формулой: „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Тщетно П. Н. Миллюковъ убѣждалъ ихъ, что самая основа ихъ расчета—возможность сговориться съ социалистами всѣхъ странъ на почвѣ циммервальдской формулы,—не существуетъ, ибо подавляющее большинство социалистовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ стали на точку зрѣнія національную и съ нею не сойдутъ. Отчасти неонабоиство съ европейскими отношеніями, отчасти вѣра въ творческую силу русской революціи, отчасти, наконецъ, и прямая зависимость отъ большевистской идеологии не позволяли социалистамъ согласиться съ П. Н. Миллюковымъ въ этомъ еврѣишескомъ

вопросъ интернаціональнаго міросозерданія. Но не поддержали его и его товарищи-не-соціалисты. Въ частности, у кн. Г. Е. Львова интернаціоналистская концепція совмѣдала съ идеалистическими славянофильскими чадіями. Въ своей рѣчи 27 апрѣля онъ говорилъ: „Великая русская революція постигнѣ чудесна въ своемъ величавомъ спокойномъ шествіи... Чудесна въ ней... самая сущность ея руководящей идеи. Свобода русской революціи проникнута элементами мирового вселенскаго характера. Идея, выросшая изъ мелкихъ сѣмянъ свободы и равноправія, брошенныхъ на черноземную почву полѣвка тому назадъ, охватила не только интересы русскаго народа, а интересы всѣхъ народовъ всего міра. Душа русскаго народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природѣ. Она готова не только слиться съ демократіей всего міра, но стать впереди ея и вести ее по пути развитія человѣчества на великихъ началахъ свободы, равенства и братства“. Естественно, что Церетели въ своей отвѣтной рѣчи на тонъ же торжествъ четырехъ Дуи отнѣтилъ свое согласіе съ кн. Львовымъ, истолковавъ его слова по-своему и противопоставивъ ихъ „старымъ формуламъ“ царскаго и союзническаго „империализма“. „Я съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорилъ онъ, „слушалъ рѣчь предсѣдателя врем. правительства кн. Львова, который иначе формулируетъ задачи русской революціи и задачи внѣшней политики. Кн. Г. Е. Львовъ сказалъ, что онъ смотритъ на русскую революцію не только какъ на національную революцію, что въ отблескѣ этой революціи уже во всемъ мірѣ можно ожидать такого же встрѣчнаго революціоннаго движенія. Я приветствую эти слова предсѣдателя врем. правительства и въ нихъ вижу настроеніе той части буржуазіи, которая пеша на общую демократическую платформу, и я глубоко убѣжденъ, что пока правительство стоитъ на этомъ пути, пока оно формулируетъ цѣли войны въ соответствии съ чаяніями всего русскаго народа, до тѣхъ поръ положеніе врем. правительства прочно“. Этими самыми аргументами И. Г. Церетели убѣждалъ, мѣсяцемъ раньше, врем. правительство стать на его точку зрѣнія. П. Н. Миллюковъ, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны,—но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которые не исключали возможности его прѣжняго пониманія задачъ внѣшней политики и не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ въ курсѣ этой политики. „Заявленіе врем. правительства о цѣляхъ войны“ было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено въ обращеніе къ гражданамъ, съ указаніемъ, что „государство въ опасности“ и что „нужно напречъ всѣ силы для его спасенія“. Такая форма была придана документу А. Ф. Керенскимъ. Основное мѣсто выраженію слѣдующимъ образомъ: „предоставляя воли народа (т. е. Учредительному Собранію) въ тѣсномъ единеніи съ союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанныя съ мировой войной и ея окончаніемъ, временное правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нинѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи—не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ ихъ національнаго достоинства, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, какъ не ставитъ своей цѣлью ничьего пораженія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости мы сплели оковы, лежавшія на польскомъ народѣ, и русскій народъ не допустилъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы

униженной, подорванной в жизненных своих силах. Эта начала будут положены в основание будущей политики врем. правительства, неизменно проводящего волю народную и ограждающего права нашей родины, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников". Естественно, что представители совета в "контактной комиссии" нашли выражения акта, передававшего описательно формулу "без аннексий и контрибуций" двусмысленными и уклончивыми, а подчеркнутыми выражения, говорившие о "правах родины", которые должны быть "ограждены", и о "жизненных силах" ее, которые при окончании борьбы не должны быть "подорваны" (эти выражения были вставлены Ф. Ф. Кокоскиным), — непреклонными, и грозили завтра же начать кампанию против врем. правительства из газетных. Тогда Н. В. Некрасов указал им, что для них же выгодно истолковать уклончивые выражения акта в своем смысле, как уступку правительства, и на этом основании поддерживать "заявление". Эта тактика и была принята социалистической печатью. П. Н. Миллюков заранее выговорил себе право, в случае, если заключенный компромисс будет толковаться односторонне, толковать его в своем смысле и раскрывать неопределенные выражения в направлении прежней своей политики, согласной с политикой союзников и с национальными интересами России.

Таким образом, первая победа над министрами иностранных дел оказалась неполной и мнимой. Естественно, что защитники интернациональной точки зрения на этом не успокоились и продолжали борьбу. В апреле они получили для этой борьбы новых союзников: русских эмигрантов-циммервальдцев, возвращавшихся из-за границы из сопровождения их швейцарских и скандинавских единомышленников, и представителей союзного социализма, английского и французского, сперва неофициальных, а затем и официальных, пошедших на уступки совету дальше, чем допускали общесоюзные и их собственные национальные интересы.

31 марта прибыли в Стокгольм 30 русских эмигрантов, пропущенных через Германию в замаскированном вагоне, в сопровождении трех германских офицеров и швейцарского социалиста-циммервальдца Платтена. В своем заявлении, напечатанном в "Politiken", эти эмигранты сами сообщили следующее: "Английское правительство не пропускает в Россию русских революционеров, поскольку они против войны. Когда это воплотилось, то часть русских товарищей в Швейцарию (надо прибавить, при решительном протесте других) решились прибыть в Россию через Германию на Швецию. Фриц Платтен, секретарь швейцарской социаль-демократии и вождь ее левая крыла, известный интернационалист-антиимпериалист, вступил в переговоры с германским правительством. Русские товарищи требовали предоставления им при проезде права экстерриториальности, именно, никакого контроля паспортов и багажа, а также, чтобы ни один чиновник не имел права входить в вагон; брать же мог бы всякий, не взирая на политические взгляды, кого только русские возьмут. С своей стороны, русские товарищи заявили, что будут требовать освобождения германских и австро-венгерских гражданских лиц, задержанных в России. Германское правительство приняло эти условия, и 9 апреля (н. с.) 36 русских эмигрантов выехали через Германию из Швейцарии; между ними находились Ленин и Зиновьев, редакторы "Социаль-демократа", центрального органа русской социаль-демократии". В

Стокгольмъ Ленинъ соѣзжался съ представителями крайнихъ теченій шведской социаль-демократіи. Въ то же время въ Копенгагенѣ выѣхали вожди австрійскихъ социалистовъ, Адлеръ, Рениеръ и Зейцъ, соѣзжавшіеся раньше съ гр. Черниннымъ, въ сопровожденіи Шейдемана, примкнувшаго къ нимъ въ Берлинѣ. Передъ отъѣздомъ, группа Ленина приняла резолюцію, въ которой рекомендовала сейчасъ же войти въ переговоры о мирѣ, не взирая на общее положеніе. Ленинъ произнесъ въ Цюрихѣ рѣчь, въ которой Керенскій изображался опаснымъ предателемъ революціи, а Чхендзе, какъ тоже вступившій на путь предательства. Въ „Deutsche Tageszeitung“ графъ Ревентловъ приветствовалъ это заявленіе, какъ „новую русскую революцію“. Послѣдствія показали, что германскій націоналистъ былъ правъ и что расчетъ нашихъ враговъ, пославшихъ Ленина въ Россію, былъ совершенно правиленъ. Но даже и они не могли рассчитывать, насколько благоприятно сложатся въ Россіи обстоятельства для успѣха пропаганды, которую въ самой Германіи, для себя, германцы признавали чрезвычайно опасной.

Первая встрѣча Ленина съ его единомышленниками въ Россіи показала, однако, какъ значительна развѣдка между тенденціями чистаго Циммервальда и сложившимися взглядами русскихъ социаль-демократовъ. 4 апрѣля состоялась конференція разныхъ теченій с.д. съ цѣлью объединенія. Ленинъ обратился къ собравшимся съ двухчасовой рѣчью, въ которой развилъ всѣ свои лозунги, закончивъ призывомъ сбросить „старое бѣло“, названіе „социаль-демократовъ“ и „вмѣсто прогнившей социаль-демократіи создать новую социалистическую организацію коммунистовъ“. Предложеніе было встрѣчено общимъ недоумѣніемъ, и начавшаяся среди аплодисментовъ одной стороны и свистовъ другой стороны рѣчь кончилась при громкомъ молчаніи. Даже большевики заявляли, что выдвинутый Ленинымъ лозунгъ гражданской войны они считаютъ преступнымъ. Стекловъ объяснялъ рѣчь Ленина незнакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Только А. М. Коллонтай, защищая Ленина, при бурныхъ протестахъ предложила отказаться отъ объединенія с.д. и объединить лишь тѣхъ, кто способенъ въ настоящую минуту совершить социальную революцію. Остальные ораторы стояли за объединеніе, а одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что рѣчь Ленина объединила большевиковъ съ меньшевиками. Социалистическая печать отнеслась къ выступленію Ленина отрицательно. „Рабочая Газета“ прямо говорила, что „всякій значительный успѣхъ Ленина будетъ успѣхомъ реакціи“, что Ленинъ несетъ съ собою серьезную опасность для революціи, ибо „среди несознательныхъ элементовъ революціонной стихіи онъ сможетъ еще вербовать себѣ новыхъ сторонниковъ“. Даже „Правда“ была въ первые дни сконфужена заявленіями Ленина. Печатавъ фелетоны Ленина и принимая въ передовой статьѣ его требованіе о переходѣ власти къ совѣтамъ р. и с. д., „Правда“ (8 апрѣля) заявляла: общая схема г. Ленина „представляется намъ непріемлемой, поскольку она исходитъ отъ призванія буржуазно-демократической революціи законченной и рассчитана на немедленное прерожденіе этой революціи въ революцію социалистическую“.

Однако, по главному вопросу—о войнѣ и мирѣ—принципиальнаго разногласія не было не только между Ленинымъ и „Правдой“, но и между большевиками и болѣе умеренными теченіями социализма. Пріѣздъ Ленина лишь замѣтно усиливъ тонъ и настоятельность ихъ требованій отъ русской выѣзжавшей политикѣ. Еще 25 марта была напечатана резолюція „Организаціоннаго комитета“ с.д. партіи, въ которой открыто провозглашенъ лозунгъ, сформулированный Робертсомъ Гриммомъ: „самая важная и совершенно неотложная“.

ная задача русской революции в настоящий момент — борьба за мир без аннексий и контрибуций на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьба за миръ въ международномъ масштабѣ. Для этой цѣли признано необходимымъ побудить временное правительство не только «официально и безусловно отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ», что было сдѣлано правительственнымъ заявленіемъ 28 марта, но и «взять на себя инициативу выработки и обнародованія такого же коллективнаго заявленія со стороны всѣхъ правительствъ странъ согласія», — отъ чего П. Н. Миллюковъ категорически отказался, какъ и вообще отъ передачи заявленія 28 марта союзникамъ въ качествѣ дипломатическаго документа. Между тѣмъ, резолюція шла еще дальше и требовала отъ правительства предпринять необходимые шаги для вступленія, со вмѣстѣ со союзными правительствами, на путь мирныхъ переговоровъ. Отъ себя уже, т. е. отъ с.-д. партіи, комитетъ считалъ необходимымъ «обратиться къ пролетариату всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ оказывать согласованное давленіе на свои правительства» для тѣхъ же цѣлей, — невозможность чего доказывалъ П. Н. Миллюковъ «въ контактной комиссіи». Далѣе резолюція объявляла «рѣшительную борьбу со всякими попытками правительства явно или замаскированно продолжать завоевательную политику» и «вполнѣ сознавая опасность» для русской революціи и для международной демократіи «военныхъ пораженій Россіи», «рѣшительно высказывалась противъ всѣхъ дѣйствій, ведущихъ къ дезорганизаціи дѣла обороны». Нечего и говорить, что сюда она не относилась миръ, прививавшихся для «демократизаціи» армій.

29 марта вопросъ о войнѣ обсуждался на сѣздѣ совѣтовъ р. и с. д. Предложенная сѣзду резолюція, ссылаясь на воззваніе къ народамъ 14 марта и на «многочисленные собранія рабочихъ, солдатъ и гражданъ по всей Россіи», «выразившихъ волю народа», а также на заявленіе правительства 28 марта, какъ на «важный шагъ на встрѣчу осуществленію демократическихъ принциповъ въ области внешней политики», призвала «всѣ народы... оказывать давленіе на свои правительства для отказа отъ завоевательныхъ программъ» и «подтверждала необходимость переговоровъ временнаго правительства съ союзниками для выработки общаго соглашенія въ указанномъ смыслѣ». Концовка резолюціи обстоятельно развивала мысль объ опасности «крушенія фронта» и о необходимости «мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни» — въ частности, рабочихъ фабрикъ, рудниковъ, почты, телеграфа и т. д. «для укрѣпленія фронта и тыла». Церетели, мотивируя резолюцію, сообщала: «мы настаивали, чтобы вр. правительство добилось отъ всѣхъ державъ согласія отказа отъ аннексий и контрибуцій. Это пока не достигнуто, но все-таки и то, что достигнуто, есть факель, брошенный въ Европу, гдѣ онъ разгорится, мы увѣрены, яркимъ огнемъ». «Вмѣстѣ съ нами въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и социаль-демократія западныхъ странъ, которая теперь находится тамъ еще въ меньшинствѣ, но мы увѣрены, что идеи с.-д. восторжествуютъ и тамъ». Большевикъ Каменевъ только развивалъ эти мысли, когда требовалъ, «чтобы отъ имени всего русскаго народа было сказано слово „миръ“, чтобы русская революція стала прологомъ міроваго возстанія». Другой ораторъ-большевикъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, предложилъ обвинить революцію и прямо указать на необходимость скорѣйшаго окончанія войны, созыва международного сѣзда, возстанія противъ угнетателей и принужденія правительствъ всѣхъ воюющихъ странъ къ ликвидаціи войны. Присутствовавшіе на сѣздѣ солдаты еще говорили о не-

необходимости принести все въ жертву для защиты родины, и еще тогда были предложены „кадетская“ революція о необходимости двоевластія и о необходимости вести войну до конца. Но и рѣши большевиковъ уже покрывались шумными аподиксисмами.

Усиленіе агитаціи въ пользу циммервальдской точки зрѣнія скоро сказалося и на отдѣльных членахъ правительства. Уже 6 апрѣля А. Ф. Керенскій, пользуясь пріемомъ въ Марининскомъ дворцѣ прибывшихъ въ Россію французскихъ социалистовъ, Муте, Камюна и Лафона, и англійскихъ О' Гречи, Вияль Торна и фабрианта Сандерса, рѣзко отделилъ свою точку зрѣнія отъ курса министра иностранныхъ дѣлъ. П. Н. Миллюковъ говорилъ о томъ, что „несмотря на переворотъ, мы сохранили главную цѣль и смыслъ этой войны. Правительство съ еще большей силой будетъ добиваться уничтоженія немецкаго милитаризма, ибо нашъ идеалъ—въ томъ, чтобы уничтожить въ будущемъ возможность какихъ бы то ни было войнъ“. Этому пацифистскому взгляду Керенскій противопоставилъ свой циммервальдскій. „Я одинъ въ кабинетѣ,—говорилъ онъ, подчёркивая привацію на себя роль „заложника“,—и мое мнѣніе не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства“. „Русская демократія въ настоящее время—хозяйка русской земли. Мы рѣшили развѣ навсегда прекратить въ нашей странѣ всѣ попытки къ имперіализму и къ захвату... Энтузіазмъ, которымъ охвачена русская демократія, происходитъ не изъ какихъ либо идей частичныхъ, даже не изъ идей отечества, какъ понимала эту идею старая Европа, а изъ тѣхъ идей, которыя заставляютъ насъ думать, что мечта о братствѣ народовъ всего міра претворится скоро въ дѣйствительность, что близокъ уже мигъ, когда всѣ демократіи всего міра поймутъ, что между ними нѣтъ и не можетъ быть вражды... Мы ждемъ отъ васъ, чтобы вы оказали на остальные классы населенія въ своихъ государствахъ такое же рѣшающее значеніе, которое мы здѣсь, внутри Россіи, оказали на наши буржуазные классы, заявившіе нынѣ съ своимъ отказъ отъ имперіалистическихъ стремленій“.

Пользуясь и даже злоупотребляя своимъ особымъ положеніемъ въ правительствѣ, А. Ф. Керенскій уже въ первомъ составѣ правительства проявлялъ зачастую диктаторскія замашки. Но въ данномъ вопросѣ онъ былъ не „одинъ“. Его поддерживали Некрасовъ и Терещенко. Вѣчно колебавшіяся кн. Львовъ также начиналъ склоняться на сторону его и Церетели. Чтобы форсировать положеніе, Керенскій пушено было въ печать сообщеніе, что „временное“ правительство готовится ноту, съ которой оно обратится въ ближайшіе дни къ союзнымъ державамъ. Въ этой нотѣ вр. пр. болѣе подробно разовьетъ свой взглядъ на задачи и цѣли нынѣшней войны, въ соотвѣтствіи съ обнародованной уже врсм. прав. декларацией по этому вопросу (13 апрѣля)“. Такъ какъ никакой ноты не готовилось, то П. Н. Миллюковъ потребовалъ опроверженія этого извѣстія, которое и появилось на слѣдующій день, 14 апрѣля, отъ имени врсм. правительства. Тогда вопросъ объ обращеніи къ союзникамъ былъ поднятъ въ самомъ правительствѣ, какъ въ сущности, предпринятый и весьма свѣтлый. П. Н. Миллюковъ заявилъ, что онъ готовъ послать—возвратъ 28 марта союзникамъ, по сопроводить его нотой, текстъ которой онъ предложилъ. Послѣ небольшихъ исправленій текстъ этотъ былъ принятъ всѣми министрами, не исключая и Керенскаго, переставшаго возражать послѣ того, какъ на сторону ноты склонился Некрасовъ. Въ нотѣ поводомъ къ сообщенію документа 28 марта было выбрано опроверженіе слуховъ, будто Россія собирается заключить сепаратный миръ. Министры иностранныхъ дѣлъ указывали, что „высказанныя временнымъ правительствомъ

общія положенія вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя постоянно высказывались многими выдающимися государственными дѣятелями союзныхъ странъ", особенно же Америки. Нота указывала, что „эти мысли—объ освободительномъ характерѣ войны, о созданіи прочныхъ основъ для мирнаго сожителства народовъ, о самоопредѣленіи угнетенныхъ національностей“ могла высказывать только освобожденная Россія, способная „говорить языкомъ, понятнымъ для передовыхъ демократій современнаго человечества“. Эти заявленія не только не могутъ дать повода думать объ „ослабленіи роли Россіи въ общей союзной борьбѣ“, но, напротивъ, усиливаютъ „всенародное стремленіе довести мировую войну до рѣшительнаго конца“, сосредоточивая общее вниманіе „на близкой для всѣхъ и очередной задачѣ—отравить врага, вторгшагося въ самые предѣлы нашей родины“. Нота подтверждала далѣе, что „какъ то и сказано въ сообщенномъ документѣ, временное правительство, отражая права нашей родины, будетъ вполнѣ соблюдать обязательства, принятыя въ отношеніи нашихъ союзниковъ“. Въ заключеніе высказывалась увѣренность, какъ въ „побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны, въ полномъ согласіи съ союзниками“, такъ и въ томъ, что „поднятые этой войной вопросы будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительного мира, и что принятые одинаковыми стремленіями передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій (эти два слова были вставлены по совѣту Альбера Тома), которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ“.

Нота была датирована 18 апрѣля, т. е. днемъ первого открытаго празднованія международнаго рабочаго праздника перваго мая (п. ст.) въ Россіи. Общественныя надписи въ томъ числѣ Маринскій и Зимній дворцы, въ этотъ день украсились гигантскими надписями: „да здравствуетъ интернаціоналъ“. Женщины энергично готовили къ этому празднику свои плакаты и лозунги. „Рабочая Газета“ призвала солдатъ выключить „первое революціонное переміріе“ на фронтѣ. Какіе директивы были даны петроградскимъ рабочимъ въ эти дни „Организаціоннымъ комитетомъ“ видно изъ сопоставленія двухъ резолюцій, принятыхъ 12 апрѣля рабочими завода „Треугольники“ и 13 апрѣля рабочими завода „Старый Парвайнень“. Первая гласила: „предлагаемъ сов. р. и с. д. категорически потребовать отъ вр. прав. немедленнаго опубликованія во всеуслышаніе всѣхъ договоровъ, заключенныхъ имъ съ Англіей, Франціей и прочими союзниками... Рабочій классъ Россіи, добившись отъ своего собственнаго правительства отказа отъ завоевательныхъ цѣлей войны, не желаетъ опаздывать въ положеніи ведущаго войну во имя захватническихъ стремленій англійскихъ и французскихъ капиталистовъ. Мы требуемъ также отъ времен. прав., чтобы оно тотчасъ же послѣ опубликованія договоровъ обратилось ко всѣмъ союзнымъ правительствамъ съ предложеніемъ въ свою очередь отказаться отъ аннексій и контрибуцій. Мы требуемъ отъ времен. правит., чтобы оно взяло на себя инициативу созыва международной конференціи для обсужденія условій мира и для начала мирныхъ переговоровъ“. Рабочіе „Парвайнена“ шли еще далѣе и прибавляли къ требованію опубликованія тайныхъ договоровъ еще слѣдующія требованія: „1) смѣщеніе времен. правительства, служащаго только тормазомъ революціоннаго дѣла, и передача власти въ руки совѣта р. и с. д.; 2) организація красной гвардіи и вооруженіе всего народа; 3) протестъ противъ „Займа Свободы“, который на дѣлѣ служитъ закабаленіемъ этой свободѣ; 4) реквизиція типографій всѣхъ буржуазныхъ газетъ и передача ихъ въ

пользование рабочих газет; 9) реквизиция всех продуктов продовольствия для нужд широких масс; 10) немедленный затопить земель крестьянскими комитетами и передача орудий производства в руки рабочих; 11) протест против вывода революционных войск из Петрограда. Правда, на другой день послы напечатания этой резолюции (крупным шрифтом, на местах передовых статей) „Извѣстія“ заявили, что она, „выражающая мнѣніе одной группы рабочих, не отвѣчаетъ взглядамъ совѣта“. Въ дальнейшемъ, какъ увидимъ, эта большевистская программа сдѣлалась предметомъ борьбы въ совѣтѣ. Но здѣсь она впервые была высказана открыто.

День первого мая прошелъ сравнительно спокойно, и ленинская пропаганда встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны большинства уличныхъ ораторовъ и публики. По опубликованіе черезъ день (20 апрѣля) ноты 18 апрѣля дало новый благодарный поводъ большевикамъ для первой уличной манифестаціи вооруженныхъ силъ противъ врем. правительства. Къ 3—4 часамъ дня къ Маринскому дворцу пришелъ запасный батальонъ Финляндскаго полка съ плакатами: „Долой Милюкова“, „Милюковъ въ отставку“. За нимъ прибыли роты 180 запаснаго батальона, нѣсколько ротъ Кексгольмскаго полка и около роты 2-го флотскаго. Балтійскаго экипажа. Большинство солдатъ не знало, зачѣмъ они пришли. Закуписная сторона ихъ вызова обнаружилась отчасти изъ письма Федора Линде („Нов. Жизнь“, 23 апр.), который призналъ, что именно онъ вывелъ Финляндскій полкъ и что, „состоя членомъ совѣта р. и с. д.“, онъ „себя въ разбираемомъ событіи лицомъ вѣроятнѣйшимъ признать не можетъ“. Крошѣ войскъ, въ демонстраціи участвовали рабочіе подростки, громко заявлявшіе, что имъ за это заплачено по 10—15 рублей. Подъѣвъ былъ арестованъ, извѣстный своими германскими связями, литераторъ Колышко, въ письмахъ котораго въ Стокгольмѣ найдены выраженія удовольствія по поводу того, что, послѣ долгихъ усилій, наконецъ, удалось свалить Милюкова и Гучкова. Вернувшіеся въ Россію изъ Берлина сестры милосердія Фелькерзанъ рассказывали, что задача устраненія обоихъ министровъ прямо была поставлена въ Германіи. Все это показываетъ, что движеніе 20 и 21 апрѣля было инсценировано изъ тѣхъ же темныхъ источниковъ, какъ и другія ранѣе упоминавшіеся уличные движенія. Руководителей совѣта р. и с. д. вивить въ этотъ движеніи вѣлая уже потому, что для нихъ лозунгъ сверженія врем. правительства былъ непріемлемъ, и занимать мѣсто правительства они не собирались, предпочитая оказывать на него „давленіе“. Исполнительный комитетъ совѣта, узнавъ ночью съ 19 на 20 содержаніе ноты, очутился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи между большевиками и нотой 18 апрѣля. Ни въ ночномъ, ни въ утреннемъ засѣданіи онъ не принялъ никакого рѣшенія, крошѣ предложенія временному правительству сообщать обсудить положеніе. Врем. правительство пошло навстрѣчу этому предложенію, и вечеромъ состоялось, впервые за все время революціи, совѣщаніе съ правительствомъ всего состава исполнительнаго комитета (около 70 человѣкъ). Министры рѣшили воспользоваться этой первой встрѣчей, чтобы дать понять руководителямъ „совета всю трудность и сложность положенія въ государствѣ. Одинъ за другимъ выступали съ докладами министры военный, земледѣлія, финансовъ, путей сообщенія, наконецъ, иностранныхъ дѣлъ и освѣтили передъ очень разнороднымъ собраніемъ положеніе всехъ сторонъ государственной жизни. Доклады произвели сильное впечатлѣніе, и готовность пойти на соглашеніе еще усилилась въ результатъ засѣданія. Послѣ отказа министра иностранныхъ дѣлъ отъ изданія новой ноты, И. Г. Церетели согласился на опубликованіе официаль-

наго разъяснения только двухъ мѣсто, вынужденныхъ особенно ожесточенными нападками. На другой день въ 5 часовъ дня текстъ разъясненій былъ обсужденъ въ правительствѣ, предварительно показанъ Церетели и имъ одобренъ. 22 апрѣля вѣм. правительстве разъясняло, что „нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго и продолжительнаго обсуждения вѣм. правит., причемъ текстъ ея принять единогласно (впоследствии А. Ф. Керенскій пытался отрицать это)“. Выраженіе о „рѣшительной побѣдѣ надъ врагами имѣетъ въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены деклараціей 27 марта“, а „подъ упомянутыми въ нотѣ „савѣщаніями и гарантіями“ прочаго мира вѣм. правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международныя трибуналы и проч.“ Это разъясненіе министр иностранныхъ дѣлъ обѣщала передать посланцъ союзныхъ державъ. Очевидное несоотвѣтствіе этихъ скромныхъ разъясненій съ тѣмъ раздраженіемъ, которое было вызвано дѣйствительными противорѣчіемъ между нотой 18 апрѣля и циммервальдской точкой зрѣнія совѣта, лучше всего характеризуетъ истинность позиціи вождя совѣта. Эта шаткость исполнѣ сказавшаяся уже въ запискѣ совѣта 20 апрѣля, въ которой рядъ ораторовъ заявлялъ, что „брать власть въ свои руки преждевременно и опасно“, что захватъ власти можетъ привести къ гражданской войнѣ, въ которой, по словамъ В. М. Чернова, „тепныя силы покажутъ свою живучесть“. „Кто замѣнитъ правительство?“ спрашивалъ одинъ ораторъ. „Мы? Но у насъ руки дрожать. Нѣтъ, товарищи, не надо намъ строить карточныхъ домиковъ, которые еще легче будетъ сдунуть, чѣмъ сдунулъ народъ Николая II. Не надо намъ азартной игры въ карты“.

То же самое настроеніе обваружалось и среди толпы, наполнившей улицы и прошедшей эти два дня въ непрерывныхъ митингахъ днемъ и ночью. Прикосновеніе къ вѣм. правительству еще казалось святотатствомъ и преступленіемъ противъ революціи. Твердо держалось представленіе, что это самое правительство должно довести страну до Учредительнаго Собранія, и что ни одинъ изъ его членовъ не можетъ его покинуть, не разрушивъ цѣлаго. Возгласы левняцевъ о нивверженіи правительства и о немедленномъ захватѣ власти вызывали лишь негодованіе и тонули въ массѣ. На мѣбду демонстраціямъ съ плакатами: „долгой вѣм. правительству“ появлялись многолюдныя процессіи съ плакатами: „доверіе Миллюкову“, „да вдраствуетъ временное правительство“. Мѣстами доходило до столкновенія тѣхъ и другихъ демонстрантовъ, но въ общемъ уже къ вечеру 20-го, а въ особенности въ теченіе 21-го апрѣля настроеніе, благопріятное правительству, возобладало на улицахъ. Въ ночь на 21-го, многотысячная толпа, валолившая площадь передъ Марининскимъ дворцомъ, горячо прѣвѣтствовала министра иностранныхъ дѣлъ, прѣдупреждавшаго ее объ опасностяхъ ссоры съ союзниками.

Исполнительный комитетъ совѣта, при этихъ обстоятельствахъ, рѣшилъ 34 голосами противъ 19 принимать разъясненія правительства удовлетворительными и считать недостаткомъ истерпанымъ. Предложенная комитетомъ резолюція заявляла, что разъясненіе „кладетъ конецъ возможности истолкованія ноты 18 апрѣля въ духѣ, противномъ интересамъ и требованіямъ революціонной демократіи, и тотъ фактъ, что сдѣланъ первый шагъ для постановки на международное обсужденіе вопроса объ отказѣ отъ насильственныхъ захватовъ, долженъ быть признанъ крупнымъ завоеваніемъ демократіи“. Въ заключеніе резолюція приглашала „всю революціонную Россію тѣснѣе и тѣснѣе спланиваться вокругъ своихъ совѣтовъ“ и выражала „твердую увѣренность, что народы всѣхъ воюющихъ странъ сломаютъ сопротивленіе своимъ правительствамъ и заставятъ ихъ вступить

въ переговоры о мирѣ на почвѣ отказа отъ аннексії и контрибуцій“. Несмотря на вооруженіе большевиковъ, совѣтъ принялъ резолюцію подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ 13-ти. Настроеніе собранія противъ ленинцевъ ярко обнаружилось, когда одинъ членъ комитета, только что прибывшій, рассказывать о тригическомъ зрѣлищѣ первой крови, пролитой въ гражданской войнѣ на Невскомъ. „На толпу мирныхъ безоружныхъ солдатъ, рабочихъ и другихъ гражданъ“, говорилъ очевидецъ, „броснулась другая толпа демонстрантовъ вооруженныхъ, и эти вооруженные люди открыли беспорядочную стрѣльбу, продолжавшуюся около 5 минутъ. Я знаю, кто онъ, изъ какихъ ибѣстѣ пришли, но пока считаю преждевременнымъ объ этомъ сообщать... Эта стрѣльба послѣдила чувство неурядицы въ рабочихъ, и это чувство раздѣляютъ съ гражданами и солдаты, такъ какъ два солдата убиты“. Другой очевидецъ предложилъ запретить всякія уличныя шествія, „особенно, вооруженныхъ людей“, и это предложеніе было принято. Невооруженными выходили члены „буржуазныхъ“ партій, — и этимъ заирещеніемъ достигалось, кетати, и другая цѣль: прекратить демонстраціи сочувствія прем. правительству, совершено изглушившія въ теченіе 21 апрѣля враждебныя манифестаціи.

Конфликтъ 20-21 апрѣля окончился несомнѣнной моральной побѣдой врем. правительства. Но въ немъ обнаружилась одна чрезвычайно тревожная сторона. Части петроградскаго гарнизона выступали и оставались въ казармахъ по распоряженію совѣта, и совѣтъ заявилъ претензію распоряжаться войсками помимо правительства. Точнѣе, онъ запретилъ гарнизону исполнять приказанія военной власти безъ своего согласія. Когда, 21 апрѣля, узнавъ о движеніи съ охранѣ вооруженныхъ рабочихъ (слѣдствіемъ чего и была упомянутая стрѣльба), главнокомандующій петроградскаго округа ген. Корниловъ распорядился вызвать на Дворцовую площадь нѣсколько частей гарнизона, онъ напался на сопротивленіе исполнительнаго комитета, который по телефону сообщалъ въ штабъ, что вызовъ войскъ можетъ осложнить создавшееся положеніе. Послѣ переговоровъ съ делегатами комитета, принявшими на себя прекращеніе беспорядковъ, главнокомандующій отиѣдилъ свое приказаніе и продиктовалъ, въ присутствіи членовъ комитета, телефонограмму во всѣ части войскъ гарнизона съ приказаніемъ оставаться въ казармахъ. Послѣ этого появилось расклеенное на улицахъ воззваніе исполнительнаго комитета, заявлявшее: „Товарищи-солдаты, безъ зова исполнительнаго комитета въ эти тревожные дни не выходите съ оружіемъ въ рукахъ. Только исп. комитету принадлежить право располагать вами. Каждое распоряженіе о выходѣ воинской части на улицу (кроѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бзавѣѣ исполнит. комитета, закрѣплено его печатью и подписано не меньше, чѣмъ двумя изъ слѣдующихъ лицъ: Чхендзе, Скобелевъ, Бинаснъ, Соколовъ, Гольдманъ, Филиповскій, Богдановъ. Каждое распоряженіе провѣряется по телефону 104-06“. Это воззваніе вызвало просьбу ген. Корнилова объ отставкѣ и не могло быть оставлено правительствомъ безъ отвѣта. По отвѣтомъ было только новое „разясненіе“ врем. правительства (26 апрѣля): „власть главнокомандующаго войсками петроградскаго воинскаго округа остается въ полной силѣ, и право распоряженія войсками можетъ быть осуществлено только имъ“. Чтобы не входить въ открытый конфликтъ съ совѣтомъ, правительство предположило, что приведенное распоряженіе „ничто, повидимому, чѣмъ предупредить и обезвредить попытки вызова войскъ отдѣльными группами и лицами“. Черезъ нѣсколько дней ген. Корниловъ получилъ просимую отставку и отправился въ дѣйствующую армию.

III. Буржуазное правительство капитулирует перед социалистами.

„Двоевластие“ или „единение“?—Официальный оптимизм и фактическая зависимость правительства от совѣта.—Вопросъ объ участіи совѣта въ правительствѣ.—Возмѣніе къ населенію 26 апрѣля.—Керенскій форсируетъ положеніе.—Отвѣтственность передъ партіями. Отставка А. И. Гучкова.—Согласіе исп. комитета на вступленіе социалистовъ и его программа. Отставка П. Н. Миллюкова.—Выработка правительственной деклараціи.—Тезисы партіи народной свободы.—Отношеніе совѣта къ министрамъ-социалистамъ.

До сихъ поръ совѣтъ р. и с. д., хотя бы номинально, признавалъ надъ собой власть временнаго правительства. Его „контроль“ и „давленіе“ на правительство были фактическими, но не обоснованными на правѣ; на „отвѣтственность“ министровъ передъ собой совѣтъ не претендовалъ. Съ своей стороны и правительство официально смотрѣло на отношенія совѣта къ себѣ, какъ на „поддержку“ вліятельной, но все же частной организаціи. Когда въ провинцію и въ арію стали доходить изъ Петрограда вѣсти о „двоевластіи“ правительства и совѣта, и когда къ правительству стали поступать тревожные вопросы и предложенія помочь ему въ борьбѣ противъ претензій совѣта, министры, обыкновенно, успокаивали встревоженныхъ увѣреніями, что отношенія между правительствомъ и совѣтомъ—вполнѣ дружественныя. Особенно настойчиво заявлялъ это Некрасовъ, подчеркивавшій въ своихъ выступленіяхъ свою особую близость къ Керенскому. Такъ въ Москвѣ, въ комитетѣ общественныхъ организацій, 24 марта, онъ выступилъ съ „протестомъ“ противъ тѣхъ легендъ, которыя распространяются также и въ Москвѣ. Говорятъ о какомъ-то плѣненіи вр. правительства, о томъ, что оно идетъ у кого-то въ поводу, что въ странѣ существуетъ нѣсколько правительствъ, и т. д. Я долженъ сказать, что правительство ни минуты не задумывается, когда какіе-либо вопросы ставятся съ волей народа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали иногда нѣкоторые разногласія, у насъ соглашеніе достигалось довольно быстро, путемъ взаимнаго убѣжденія... И временное правительство, и совѣтъ рабочихъ депутатовъ свято блюдутъ свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже въ двухъ деклараціяхъ“. „Не вѣрте зловѣщамъ слухамъ, что отъ совѣта рабочихъ депутатовъ идетъ какой-то опасность“,—говорилъ онъ тогда же созуживцамъ по мин. путей сообщенія. „Такой опасности нѣтъ. Я бы сказалъ, что она еще не наступала; но ея, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ бояться. Волна, смывшая старую власть, еще не вошла въ свои берега. Народъ еще неорганизованъ. Но по мѣрѣ того, какъ наступаютъ организованность и сплоченность, опасность ослабѣваетъ. Народъ уже проявилъ огромный государственный инстинктъ,—я думаю, что то же будетъ и въ области социальной“. И А. Ф. Керенскій еще 12 апрѣля заявлялъ делегатамъ 7 арміи: „Между врем. правительствомъ и совѣтомъ р. и с. д. полное единеніе въ задачахъ и цѣляхъ... Врем. правительство обладаетъ всей полнотой власти... Можетъ быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстные слова... Насъ, врем. правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа—идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя начала, а не отщепенныя партійные доуниги“ и т. д. И съ другой стороны, г. Данъ говорилъ 8-го апрѣля: „мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это—клевѣта, будто совѣтъ р. и с. д. хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотѣли

чтобы было сказано, что власть — это врем. правительство, а революционная демократия в лицъ совѣта осуществлять свое вліяніе на ходъ политической жизни путемъ непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля надъ нимъ“.

Говорили одно, но дѣлалось совсѣмъ другое. Истинное отношеніе совѣта къ правительству гораздо искреннѣе охарактеризовано нѣскольکو подпизе (2 іюня) корреспондентомъ Дана, Войтинскимъ. „Мы поддерживали,—говоритъ онъ,—правительство перваго состава условно—постолку, пѣсколку. У насъ не было полнаго довѣрія, и фактически получалось такъ, что единой власти не было“... Послѣ 20—21 апрѣля вто стало уже очевиднымъ для всѣхъ и бѣспорнымъ. И, открывая вечеромъ 21 апрѣля совѣщаніе правительства съ исполн. комитетомъ, кн. Львовъ поставилъ точки надъ „і“: „Острое положеніе, создавшееся на почвѣ ноты 18 апрѣля, говорилъ овъ (цитируемъ по „Рабочей Газетѣ“), есть только частный случай. За послѣднее время правительство вообще взято подъ подозрѣніе. Оно не только не находитъ въ демократіи поддержки, но встрѣчаетъ тамъ попытки подрыва его авторитета. При такомъ положеніи правительство не считаетъ себя въ правѣ нести отвѣтственность. Мы рѣшили позвать васъ и объясниться. Мы должны знать, годимся-ли мы для нашего отвѣтственнаго поста въ данное время. Если нѣтъ, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ“. Не помню, такъ-ли опредѣленны были слова кн. Львова, но мысль части членовъ правительства была именно такова. Здѣсь ставился кабинетный вопросъ. Ноставить его—значило уже стать на точку зрѣнія совѣта и признать министерство отвѣтственнымъ передъ органомъ „революціонной демократіи“. Это совершенно не соответствовало первоначальной точкѣ зрѣнія временнаго правительства, считавшаго себя отвѣтственнымъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ и присягнувшаго довести Россію до него и ему передать свою власть. Признать „волей народа“ мнѣніе явво-партийныхъ организацій, не объединившихъ даже всей демократіи, не говоря о другихъ общественныхъ классахъ, значило идти далѣе, чѣмъ рѣшался идти до тѣхъ поръ совѣтъ. Органъ совѣта говорилъ теперь, правда, что „каждый шагъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, если онъ затрагиваетъ существенные интересы страны, долженъ быть дѣломъ двухъ органовъ, врем. правительства и исп. комитета совѣта р. и с. д.“ („Извѣстія“, № 50). Но даже и эта формула не ставила на очередь вопроса объ измѣненіи состава правительства. Когда вопросъ объ этомъ былъ поставленъ самими членами правительства въ одинъ изъ засѣданій съ контактной комиссіей, Церетели прямо заявили: „какая вамъ польза отъ того, что мы войдемъ въ вашъ составъ? Видъ мы изъ каждаго спорнаго вопроса будемъ дѣлать ультимативъ и, въ случаѣ вашей неуступчивости, вынуждены будемъ съ шумомъ выйти изъ министерства. Это — гораздо хуже, чѣмъ вовсе не входить“. Церетели, по своему обыкновенію, старался здѣсь представить нежелательное для самого себя—нежелательнымъ для своихъ собесѣдниковъ.

Однако, мысль руководящей группы въ правительствѣ (къ этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой являются Керенскій, Некрасовъ, Терещенко, къ которымъ склоняются, съ одной стороны, кн. Львовъ, съ другой, — правые члены правительства, В. Н. Львовъ и болѣею частью И. В. Годневъ) окончательно установилась на идѣ коалиціи съ членами партій, входившихъ въ совѣтъ, какъ на лучшемъ выходѣ изъ создававшагося положенія. Чтобы поставить совѣтъ передъ необходимостью

высказаться по вопросу, желает ли он нести формальную ответственность передь страной за то „давление“, которое парализует работу правительства, намѣченъ былъ проектъ обращенія къ странѣ съ отчетомъ въ двухмѣсячной дѣятельности правительства и съ указаніемъ на встрѣтившіяся трудности. На идѣ такого обращенія сошлись со сторонниками коалиціи и ея противники, (какъ А. И. Гучковъ, видѣвшій въ этомъ документѣ своего рода записку перваго правительства), а также и члены правительства, рассчитывавшіе, что совѣтъ вынужденъ будетъ, отказавшись отъ участія во власти, тѣмъ самымъ возобновить обязательство довѣрія и поддержки прежняго правительства. П. И. Миллюковъ, высказывавшійся рѣшительно противъ заѣмы перваго правительства коалиціоннымъ, какъ менѣе авторитетнымъ и менѣе способнымъ удерживать страну отъ распада, высказывался и противъ опубликованія документа, который неизбежно долженъ былъ повести къ кризису власти. Но въ руководящемъ кружкѣ уже сталъ на очередь вопросъ объ удаленіи самого П. И. Миллюкова, откровенно поставленный въ совѣщаніи 21 апрѣля В. М. Черновымъ, который предлагалъ П. И. Миллюкову перемѣнить портфель министра иностранныхъ дѣлъ, напримѣръ, на портфель министра народнаго просвѣщенія. Возбужденіе общаго кабинетнаго вопроса дало возможность легче рѣшить вопросъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ А. И. Гучкова, чѣмъ устранились самыя существенныя причины для тренія между врем. правительствомъ и „революціонной демократіей“ и приобрѣталась, какъ казалось тогда, уже не „постольку — поскольку“, а, безусловно, поддержка совѣтскихъ партій.

Воззваніе къ населенію было написано Ф. Ф. Кокошкинымъ и опубликовано 26 апрѣля. Въ своемъ первоначальномъ текстѣ оно было суровымъ общепитательнымъ актомъ противъ совѣта рабскихъ депутатовъ. Но послѣ троестратной переѣлки эта часть воззванія была очень сильно затуманена. Центральная мысль воззванія, послѣ этихъ переѣлокъ, была формулирована слѣдующимъ образомъ. „Говоря объ осуществленныхъ и осуществляемыхъ имъ задачахъ, врем. правительство не можетъ скрыть отъ населенія тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчаетъ въ своей дѣятельности. Оно не считаетъ также возможнымъ умалчивать о томъ, что въ послѣднее время эти затрудненія растутъ и вызываютъ тревожныя опасенія за будущее. Призванное къ жизни великимъ народнымъ движеніемъ, врем. правительство признаетъ себя исполнителемъ и охранителемъ народной воли. Въ основу государственнаго управленія оно полагаетъ не насилие и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти. Оно ищетъ опоры не въ физической, а въ моральной силѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ врем. правительство стоятъ у власти, оно ни разу не отступало отъ этихъ началъ. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли имъ не создано насильственной преграды. Къ сожалѣнію и къ великой опасности для свободы, ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя (подчеркнутыя фразы вставлены с.-р-ами, товарищами Керенскаго, вмѣсто открытаго обвиненія совѣта въ параллелизмъ правительства и въ содѣйствіе распаду страны). Въ этихъ условіяхъ, при отказѣ отъ старыхъ насильственныхъ примѣровъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ, употребляющихся для поднятія престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю врем. правительства, грозятъ сдѣлаться неодоли-

мыми. Стихийное стремление осуществлять желанія и домогательства отдельных групп и слоев населения явочнымъ и захватнымъ путемъ, по мѣрѣ перехода къ менѣе сознательнымъ и менѣе организованнымъ слоямъ населенія, грозитъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создаетъ благоприятную почву, съ одной стороны, для насильственныхъ актовъ, сѣющихъ среди пострадавшихъ озлобленіе и вражду къ новому строю, съ другой стороны, для развитія частныхъ стремленій и интересовъ въ ущербъ общимъ и къ уклоненію отъ исполненія гражданского долга. Врем. правительство считаетъ своимъ долгомъ прямо и опредѣленно заявить, что такое положеніе вещей дѣлаетъ управленіе государствомъ крайне затруднительнымъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи угрожаетъ привести страну къ распаду внутри и къ пораженію на фронтѣ. Передъ Россіей встаетъ страшный призракъ междоусобной войны и анархіи, несущей гибель свободѣ. Есть мрачный и скорбный путь народовъ, хорошо извѣстный исторіи,—путь, ведущій отъ свободы черезъ междоусобіе и анархію къ реакціи и возврату деспотизма. Этотъ путь не долженъ быть путемъ русскаго народа“. Послѣ этой объективной характеристики положенія, очень мало гармонировавшей съ искреннимъ или официальнымъ оптимизмомъ руководящей группы правительства, въ воззваніи давалось обѣщаніе „съ особенной настойчивостью возобновить (этимъ подчеркивалось, что усилія эти уже дѣлались раньше) усилія, направленные къ расширенію его состава путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственного участія въ управленіи государствомъ“. Политическій смыслъ, который руководители правительства придавали этому обѣщанію, былъ разъясненъ и подчеркнутъ личнымъ шагомъ А. Ф. Керенскаго, посѣпившаго формально открыть министерскій кризисъ и тѣмъ закрѣпить позицію сторонниковъ коалиціи. Въ тотъ же день, 26 апрѣля, появилось въ газетахъ его письмо въ ц. к. партіи с.-р., въ совѣтъ р. и с. д. и во Врем. Комитетъ Гос. Думы, въ которомъ Керенскій заявлялъ, что отнынѣ „представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежатъ“, и что въ ожиданіи рѣшенія органовъ демократіи, къ которымъ онъ обращался, онъ „будетъ нести до конца, тяжесть фактическаго исполненія обязанностей“. Этимъ весь вопросъ о способѣ созданія новаго правительства ставился на новую почву. Члены врем. правительства, назначенные Комитетомъ Гос. Думы 1 марта, не были формально делегированы партійными организаціями и не считали себя отвѣтственными передъ ними. Мы видѣли, въ какомъ отношеніи сталъ къ нимъ совѣтъ р. и с. д. Когда возникалъ вопросъ, какъ уравновѣсить „давленіе“ и „контроль“ совѣта надъ правительствомъ, мысль министровъ—въ томъ числѣ и А. Ф. Керенскаго—обращалась обыкновенно къ Временному Комитету Гос. Думы, какъ къ законному источнику власти. Члены Комитета участвовали и во всѣхъ важнейшихъ совѣщаніяхъ правительства съ делегатами совѣта. Но идея—дать такимъ образомъ долю справедливаго вліянія Гос. Думѣ—не осуществилась. Составъ 4-ой Гос. Думы былъ фактически ослабленъ тѣмъ, что лучшіе элементы ея заняли мѣста въ правительствѣ, получили отвѣтственныя порученія изъ Петрограда и т. п. Съ другой стороны, Гос. Дума, какъ учрежденіе, съ самаго начала революціи, добровольно устранила себя отъ официальной дѣятельности, понимая, что съ фактической отбѣжкой старыхъ „основныхъ заповѣдей“ революціоннымъ переворотомъ, роль ея, какъ государственнаго учрежденія въ

системъ другихъ такихъ же, существенно выявится. Свое право вліять на ходъ событій Гос. Дума, по необходимости, выводила не столько изъ своего права избранія на основѣ избирательнаго положенія 3 іюня 1907 г., сколько изъ той важной роли, которую она сыграла въ успѣхѣ революціи 27 февраля 1917 г. Но въ роли этого фактора являлась не вся Гос. Дума, а ея Временный Комитетъ, отъ времени до времени дѣлавшій свои доклады частному совѣщанію членовъ Гос. Думы. Даже и такая скромная роль Гос. Думы начинала вызывать раздраженіе въ рядахъ „революціонной демократіи“. Преслѣдуемая съ самаго начала маніей „контръ-революціи“, потомъ сознательно злоупотреблявшая этимъ привражомъ и раздувавшая съ демагогическими цѣлями страхъ передъ несуществовавшей тогда „контръ-революціонной опасностью“, „революціонная демократія“ социалистическихъ партій принималась систематически дискредитировать Гос. Думу и ея предсѣдателя М. В. Родзянко, пользовавшагося въ первое время революціи громадной популярностью въ странѣ и въ арміи. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но Гос. Дума оказалась неподходящимъ средствомъ для того, чтобы раздѣлить контроль надъ правительствомъ, да она и принципиально не захотѣла бы требовать ответственности правительства передъ собой, въ особенности, требовать его въ равной мѣрѣ съ соѣтомъ р. и с. д. И естественно, разъ уже зашла рѣчь объ ответственности министровъ передъ кѣмъ либо, выдвинулась идея использовать ихъ ответственность передъ политическими партіями, къ которымъ большинство ихъ принадлежало. Если министры перваго состава не были делегированы партіями и принципиально передъ ними не отвѣчали, то теперь, при созданіи коалиціи, и при наличности ответственности въ которыхъ изъ будущихъ министровъ передъ партійными органами, казалось правильнымъ распространить эту ответственность и на отношенія другихъ министровъ (главнымъ образомъ, членовъ партіи народной свободы, единственной сохранившейся и организованной изъ несоціалистическихъ партій) къ ихъ органамъ. Письмо Керенскаго сдѣлало такую постановку вопроса неизбежной. Мотивируя разницу между своимъ наступленіемъ въ первый составъ правительства и въ составъ, готовившійся теперь, Керенскій указалъ, что тогда „рѣшающія событія революціи застали демократію неорганизованною“ и онъ „на свой личный страхъ и рискъ долженъ былъ принять представительство этой демократіи“, „когда цензурная Россія одна взяла на себя организацію власти“. Теперь же онъ „считалъ положеніе кореннымъ образомъ измѣнившимся“. „Съ одной стороны положеніе дѣлъ въ странѣ все осложняется. Но, съ другой стороны, возрасли и силы организованной трудовой демократіи, которой, быть можетъ, нельзя болѣе устраниваться отъ ответственного участія въ управленіи государствомъ“. Керенскій обобщалъ себѣ, что это участіе „придастъ рожденной революціей власти новую силу и весь необходимый авторитетъ для сплоченія вокругъ нея всѣхъ живыхъ силъ страны и для преодоленія всѣхъ прѣградъ, препятствующихъ выходу Россіи на широкую дорогу историческаго развитія“. Чтобы одѣлать настроеніе, продиктованное этимъ шагъ и эти слова, нужно вспомнить, что три дня спустя, 29 апрѣля, А. Ф. Керенскій произнесъ передъ фронтовымъ съѣздомъ сильные слова отчаянія. „Несужали русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ?.. И жалѣю, что не умеръ два мѣсяца назадъ: я бы умеръ съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи затѣрѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ управляли прежніе деспоты“. Конечно, въ социалистическихъ газетахъ рѣчь эта не была напечатана.

Итак, А. Ф. Керенский своимъ демонстративнымъ шагомъ открылъ министерскій кризисъ и опять форпропоналъ положеніе. Съ одной стороны, шагъ его обязывалъ правительство немедленно сдѣлать выводъ изъ своего общанія 26 апрѣля. Съ другой стороны, онъ ставилъ и передъ совѣтами въ рѣшительной формѣ попросъ объ участіи социалистовъ въ правительствѣ. Надо прибавить, что въ болѣе общей формѣ намѣреніе правительства призвать всѣ живыя силы было доведено до свѣдѣнія Н. С. Чхеидзе и М. В. Родзянко письмомъ кн. Львова, воспроизводившимъ выраженія деклараціи 26 апрѣля.

Наиболѣе вліятельные руководители совѣта, вмѣстѣ съ Н. Г. Церетели, вонсе не были склонны нести отвѣтственность за пользованіе правительственной властью въ такую отвѣтственную и трудную минуту. Они совершенно правильно учли свои силы, понимали, что необходимый для нихъ процессъ организаціи едва лишь начался въ странѣ, создавали отлично, что въ этомъ процессѣ гораздо выгоднѣе быть на сторонѣ критикующихъ, чѣмъ критикуемыхъ, отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, что уходъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ изъ совѣта въ правительство чрезвычайно ослабитъ ихъ вліяніе въ совѣтѣ и откроетъ путь къ усиленію вліянія ихъ противниковъ слѣва,—большевиковъ. Въ засѣданіи исполнительнаго комитета 29 апрѣля послѣ продолжительныхъ прерій комитетъ высказался противъ участія въ правительствѣ большинствомъ одного голоса, 23 противъ 22, при 8 воздержавшихся.

Было, однако, несомнѣнно, что развѣсчатое дѣло, уже въ виду необходимости личныхъ перемѣнъ, должно быть доведено до конца. Въ тотъ же день кн. Г. Е. Львовъ—посѣтилъ П. Н. Милюкова и просилъ его помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. П. Н. Милюковъ въ отвѣтъ указывалъ альтернативу: или послѣдовательно проводить программу твердой власти и, въ такомъ случаѣ, отказаться отъ идеи коалиціоннаго правительства, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ, который уже заявлялъ о своей отставкѣ, и быть готовымъ на активное противодѣйствіе захватамъ власти со стороны совѣта,—или же пойти на коалицію, подчиниться ея программѣ и рисковать дальнѣйшимъ ослабленіемъ власти и дальнѣйшимъ распадомъ государства.

Въ сущности, выборъ кн. Львова былъ уже сдѣланъ, и П. Н. Милюковъ могъ облегчить его положеніе лишь однимъ способомъ: онъ предложилъ рѣшить свой личный вопросъ въ свое отсутствіе (онъ и А. И. Шипаревъ въ этотъ день выѣжали въ ставку), предупредивъ только, что при созданіи коалиціоннаго правительства, онъ не приметъ предлагавшейся перемѣны портфеля, такъ какъ онъ принципиально противъ коалиціи. Убѣждая, П. Н. Милюковъ просилъ также и А. И. Гучкова, готовившагося подать въ отставку, отложить свой личный вопросъ до рѣшенія принципиальнаго вопроса о коалиціи и о ея программѣ.

Однако, уже вечеромъ 29 апрѣля А. И. Гучковъ заявилъ временному правительству о своемъ уходѣ, и днемъ 30-го апрѣля кн. Г. Е. Львовъ получалъ отъ него письмо, въ которомъ, „въ виду тѣхъ условій, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ, а въ частности, власть военнаго и морского министровъ, условій, которыя измѣняютъ онъ не въ силахъ, и которыя грозятъ роковыми послѣдствіями арміи и флоту и свободѣ, и самому бытію Россіи“, онъ „по совѣсти не можетъ долѣе нести обязанности военнаго и морского министра и раздѣлять отвѣтственность за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины“. Въ то же время А. И. Гучковъ выступилъ на съѣздѣ делегатовъ съ фронта съ длинной рѣчью, въ которой перечислялъ

всі свої заслуги передь армією і флотомъ и ваявлялъ, що „въ томъ угарѣ, который насъ охватилъ, мы валили за ту роковую черту, за которой начинаются не созиданіе, не силованіе, не укрѣпленіе военной мощи, а постепенное разрушеніе“. Справедливость Требуєтъ сказать, что въ этомъ процессѣ разрушенія А. И. Гучковъ не захотѣлъ перешагнуть послѣдней грани: онъ остановился передъ опубликованіемъ „декларациі правъ солдата“, которая была вѣтъмъ опубликована черезъ двѣ недѣли его преемникомъ — и которая, по компетентному заявленію высшаго командованія, должна была нанести военной дисциплинѣ послѣдній и непоправимый ударъ.

Извѣстіе объ отставкѣ Гучкова заставило исполнительный комитетъ, послѣ разъясненій А. Ф. Керенскаго, пересмотрѣть свое рѣшеніе о неуступленіи въ правительство. Въ вечернемъ засѣданіи 1-го мая большинствомъ 41 противъ 18, при трехъ воздержавшихся, было рѣшено принять участіе въ коалиціонномъ правительствѣ. Противъ этого рѣшенія голосовали на этотъ разъ только большевики и меньшевики-интернационалисты. Въ ту же ночь была выработана и программа пунктовъ, на которой социалисты соглашались войти въ правительство. На первое мѣсто здѣсь былъ поставленъ спорный пунктъ о внѣшней политикѣ, вводившій на этотъ разъ цѣлкомъ популярную формулу: „дѣятельная внѣшняя политика, открыто ставящая своєю цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ, въ частности подготовка къ переговорамъ съ союзниками въ цѣляхъ пересмотра соглашеній, на основаніи деклараціи временнаго правительства отъ 27-го марта“. Этотъ пунктъ прекращалъ уходъ П. Н. Миллюкова, вранѣе условленный между Церетели и руководящей группой правительства, причемъ сторонники этой перемѣны обезпечили себѣ и поддержку союзниковъ, въ лицѣ Альберта Тома. Вторымъ пунктомъ шелъ второй циммервальдскій тезисъ, „демократизація арміи“, но съ прибавкой, характеризовавшей уже извѣстное намъ настроеніе руководителей совѣта (только что опубликовавшего свое обращеніе къ фронту): „организація и укрѣпленіе боевой силы фронта и дѣйствительная защита добытой свободы“. Далѣе слѣдовали пункты, бесспорные по заглавіямъ, но гнившіе сдѣлаться очень спорными по содержанію, которое вкладывалось въ нихъ „революціонной демократіей“.

„Борьба съ хозяйственной разрухой путемъ установленія контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ продуктовъ и организація производства въ необходимыхъ случаяхъ.“ Этотъ основной тезисъ „военнаго социализма“ могъ быть проведенъ такъ, какъ онъ проводился во всѣхъ воюющихъ странахъ, — послѣдовательно въ всей Германіи. Но онъ могъ быть понятъ и въ смыслѣ осуществленія путемъ декретовъ власти чисто социалистическихъ задачъ. Въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ онъ разумѣлся именно въ смыслѣ социалистическихъ экспериментовъ надъ промышленностью. Относительно деревни совѣтская программа требовала „аграрной политики, регулирующей землепользованіе въ интересахъ народнаго хозяйства, готовящей переходъ земли въ руки трудящихся.“ Подъ этой, тоже довольно растяжимой, формулой разумѣлась „подготовка перехода земли“ путемъ передачи фактическаго пользованія ею земельнымъ комитетамъ. Финансовый пунктъ программы устанавливалъ „переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ, въ цѣляхъ переложенія финансовыхъ тяготъ на плечи классовъ (облегченіе военной сверх-прибыли, поимущественный налогъ и т. д.)“. О тенденціи этого параграфа можно судить по тому, что въслѣдствіи

даже финансовыя реформы А. И. Шингарева показались совѣтскимъ финансистамъ недостаточными. Всѣ эти приведенные пункты выходили за предѣлы первоначальныхъ задачъ временнаго правительства и потому, что вводили въ ихъ число немедленно, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, социальное „правотворчество“ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чтобы этимъ вызвать самые острые классовые конфликты. Наконецъ, три остающіеся пункта не могли вызывать никакихъ возраженій: „всесторонняя защита труда“, „укрѣпленіе демократическаго самоуправленія“, и „скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія“.

Съ утра 2-го мая, при участіи возвратившихся спѣшно изъ ставки министровъ П. Н. Милюкова и А. И. Шингарева, изъ Москвы А. А. Мануйлова, началось обсужденіе этой программы въ правительствѣ. Продолжая возражать противъ самаго принципа коалиціи, П. Н. Милюковъ находилъ предъявленную программу отчасти слишкомъ неопредѣленной и скрывающей зародыши конфликтовъ въ будущемъ, отчасти, поскольку она была опредѣлена (въ области внѣшней политики) неперемѣной и, наконецъ, попрежнему, не заключающей въ себѣ тѣхъ элементовъ, отсутствіе которыхъ, собственно, и вызвало слабость и паденіе правительства перваго состава: не заключающей указаній на единство власти и на обезпеченіе этого единства полнымъ довѣріемъ „революціонной демократіи“. На почвѣ этихъ возраженій было приступлено къ составленію окончательнаго текста деклараціи новаго правительства. Во время этого составленія подошла очередь народныя замѣчанія комитета Гос. Думы и Ц. К. партіи народной свободы. Но раньше, чѣмъ обсужденіе деклараціи окончилось, въ вечернемъ засѣданіи А. Ф. Керенскій сообщилъ П. Н. Милюкову о состоявшемся въ отсутствіи послѣдняго рѣшеніи семи членовъ временнаго правительства—оставить за П. Н. Милюковымъ, при перераспределеніи портфелей, министерство народнаго просвѣщенія, вѣсто министерства иностранныхъ дѣлъ. Самъ А. Ф. Керенскій долженъ былъ получить портфель военнаго и морскаго министра. Не считая возможнымъ, при такомъ перераспределеніи и при намѣчавшейся побѣдѣ примирительскихъ тенденцій въ области веденія войны и внѣшней политики, нести свою долю коллективной отвѣтственности за дальнѣйшія дѣйствія солидарнаго кабинета, П. Н. Милюковъ категорически отказался принять предложеніе товарищей и покинулъ засѣданіе.

Дальнѣйшее обсужденіе проекта деклараціи привело представителей совѣта къ нѣкоторымъ уступкамъ, впрочемъ, очень незначительнымъ. Требованія партіи народной свободы были приняты въ очень урѣзанномъ и смягченномъ видѣ. Партія, какъ и Государственная Дума и часть министровъ, требовала признанія временнаго правительства единственнымъ органомъ власти. Декларація въ заключительной части лишь односторонне заявляла, что его плодотворная работа возможна лишь при условіи: „...2) возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти“. Эта „возможность“ была поставлена въ зависимость отъ „...1) полнаго и безусловнаго довѣрія въ правительству всего революціоннаго народа“. То и другое только постулировалось, но вовсе не давалось формально правительству. Далѣе Ц. К. партіи народной свободы, требовалъ, чтобы за правительствомъ была признана основанная и элементарная принадлежность всякой власти: право примѣненія силы и распоряженія арміею. Этотъ капитальный вопросъ опять таки не былъ включенъ въ пункты программы, и лишь затронулъ осторожно въ той же заключительной части, въ такой формѣ, которая парализовала ея практическое значеніе этого признанія: правительство „заявляло, что для спасенія

родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток, как и против анархических, неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции." Опасность грозила слева, и тот самый Некрасов, которому принадлежал проект декларации, в своих публичных выступлениях справедливо признавал опасность контр-революции и "бонапартизма"—мнимой опасностью. Но, чтобы получить право хотя бы намекнуть в правительственной декларации на реальную опасность слева, новому правительству приходилось направить всю силу фразеологии на несуществовавшую тогда опасность справа, упомянуть о настоящей, большевистской, опасности, лишь как о готовящей почву для той же "контр-революции". Ясно было, что, связанное в словах, новое правительство будет еще более связано в действиях.

Первоначальной задачей декларации было—договориться, наконец, до конца и все сказать так ясно, чтобы не было места дальнейшим недоразумениям и скрытым конфликтам. Но на первом же шагу оказывалось, что ясная и определенная постановка задач для коалиционного правительства невозможна и что коалиция есть действительно компромисс, заранье парализующий власть изнутри, как до сих пор ее парализовало давление извне. Даже по тому основному вопросу, который дал повод для ухода П. Н. Милюкова, по вопросу о внешней политике, программа представляла только компромиссное решение, сославшись для объяснения, "демократической" формулы мира (без аннексий и контрибуций) на прежнее заявление правительства от 28-го марта. Это было сделано после того, как не удалось ограничить смысл советской формулы договорками: "без захватной политики и без карательных контрибуций". Вместо определенного советского заявления о "подготовке переговоров с союзниками в целях пересмотра соглашений", декларация обещала лишь "предпринять подготовительные шаги к соглашению с союзниками"—на основах декларации 28-го марта. Эта уклончивость в главном вопросе соответствовала интересам России. Таким образом, выдавалась со-
 лдатам лишь личность П. Н. Милюкова, а не его политика. Этим удовлетворялось и требование Государственной Думы и партии народной свободы о сохранении "единства фронта" со союзниками и о решении вопросов войны и мира "в полном единении с ними". Но главная цель—создание нового правительства,—сильная жесткостью и единодушием своих стремлений, не только не была достигнута, но, наоборот, была молчаливо признана недостижимой. Если нельзя того же сказать о социальных пунктах декларации, то только потому, что тут, конфликты были еще впереди. Декларация избегала их преждевременного раскрытия тем, что сделала властными советские формулы еще более неопределенными, введя в них необходимые оговорки. В области контроля над промышленностью и производством, декларация обещала лишь "дальнейшее планомерное проведение" мер, уже принявшихся раньше, и тем самым лишила свое заявление характера принципиальной перемены. В области финансовых вопросов правительство лишь обещало, "обратить особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов". А в аграрном вопросе декларация и по существу разошлась с требованиями совета, обещав лишь "принять все необходимые меры" для одной, вполне конкретной задачи, "обеспечения наибольшей производительности хлеба для нуждающейся в нем страны". Что касается "вопроса о переходе земли в руки трудящихся", новое правительство, в согласии с тем, чем ограничивалось и старое,

хотѣло лишь „выполнять для этого подготовительныя работы“, „предоставляя Учредительному Собранію“ рѣшеніе самаго вопроса. Во всѣхъ другихъ пунктахъ декларація подчеркнула, что требованія совѣта для правительства не новы и что въ области „восторонней защиты труда“, „введеніи демократическихъ органовъ самоуправленія“, „созыва Учредительнаго Собранія въ Петроградъ“ оно лишь будетъ, „со всей возможной настойчивостью и спѣшностью“ „прилагать свои усилія“. Заключительная часть, какъ мы видѣли, указывала, при какихъ условіяхъ (поддержки) усилія эти могутъ увѣнчаться успѣхомъ.

То, чего здѣсь не договаривала правительственная декларація, договорило опубликованное въ одинъ день съ нею, 6 мая, заявленіе Ц. К. партіи народной свободы. Здѣсь впервые весь критическій матеріалъ, созданный дѣятельностью—или, точнѣе, вынужденной бездѣятельностью—перваго правительства, былъ собранъ и формулированъ въ видѣ тезисовъ положительной политической программы. Отказавшись отъ давленія на своего предсѣдателя, вынужденнаго покинуть ряды правительства, партія, однако, сочла пужнымъ настоять на сохраненіи постовъ въ кабинетѣ другими своими сочленами. Оставляя ихъ въ составѣ новаго правительства, участники котораго объявлялись ответственными передъ своими партіями, партія народной свободы дала имъ совершенно опредѣленный мандатъ. Въ области внѣшней политики „всѣцѣло одобряя стойкую защиту П. Н. Миллюковымъ международныхъ интересовъ Россіи“, партія „теперь, какъ и прежде, не мыслитъ и не могла бы поддерживать своимъ довѣріемъ внѣшнюю политику, которая не была бы основана на тѣсномъ и неразрывномъ единеніи съ союзниками, направленномъ къ соблюденію обязательствъ и къ огражденію правъ, достоинства и жизненныхъ интересовъ Россіи.“ Въ области внутренней политики партія считала первой задачей обновленнаго правительства „упроченіе его авторитета и укрѣпленіе его власти“, а для этого, для „полноты и дѣйственности этой власти“ „первымъ условіемъ долженъ быть“ „по ея иниціи“ „рѣшительный отказъ всѣхъ... безъ исключенія группъ и организацій отъ присвоенія себѣ права распоряженій, отменяющихъ либо измѣняющихъ акты временнаго правительства и вторгающихся въ область законодательства или управленія.“

Третье существенное требованіе партія в.д. вытекаетъ изъ втораго: единство власти правительства должно быть обезпечено его сплосью. Въ противоположность деклараціи членовъ перваго правительства и его заявленіи 26-го апрѣля, партія предполагала, что никакая власть не можетъ опираться на одинъ только моральный авторитетъ, на силу убѣжденія и на добровольное повиновеніе гражданъ. Съ элементами, „ставящими себѣ прямою цѣлью разрушеніе великаго порядка и посягающими на чужія права“, нельзя ограничиваться одними увѣщаніями. Съ ними „необходима настоятельная борьба, не останавливающаяся передъ примѣненіемъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи государства мѣръ принужденія. Всякая нерѣшительность въ этомъ направленіи, по глубокому убѣжденію партіи народной свободы, будетъ имѣть неминуемый послѣдствіемъ развитіе анархіи и ростъ преступности. Поддерживая и питая настроеніе, враждебное революціи, такое усиленіе смуты несетъ въ себѣ величайшую опасность и способно погубить дѣло свободы“.

Частным примѣненіемъ того же принципа являлось четвертое требованіе партіи— о поддержаніи дисциплины въ арміи. „Необходими опредѣленныя и рѣшительныя мѣры противодѣйствія попыткамъ внести дезорганизацію въ ряды арміи, подорвать въ ней дисциплину и боевую мощь, посягнуть пагубную рознь между защитниками родины.“ Общимъ замѣчаніемъ по отношенію ко всѣмъ предыдущимъ было то, что „партія не считаетъ возможнымъ мѣряться съ полумѣрами въ предстоящей борьбѣ, отъ успѣха которой зависитъ прочность и непоколебимость новаго строя.“

Пятымъ требованіемъ партіи было то, чтобы ни въ соціальныхъ, ни въ національныхъ, ни въ конституціонныхъ вопросахъ временное правительство не предвосхищало воли Учредительнаго Собранія. „Впредь до созыва“ Учредительнаго Собранія партія считала лишь возможнымъ „содѣйствовать проведенію въ жизнь всѣхъ неотложныхъ мѣропріятій“, съ цѣлью „установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки къ земельной реформѣ, направленной къ передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію, охраны интересовъ трудящихся массъ, развитія истиннаго самоуправленія, правильнаго устройства и надлежащаго функціонированія суда и удовлетворенія другихъ равнообразныхъ потребностей государственнаго управленія“. Но что касается такихъ вопросовъ, какъ „установленія основныхъ началъ государственнаго строя Россіи“ (республика или парламентарная монархія), „созданіе новыхъ формъ ея политическаго устройства“ (унитарный или федеративный типъ), „разрѣшеніе коренныхъ проблемъ ея экономического бытія“ (земельная собственность, отношеніе капитала и труда), „удовлетвореніе справедливыхъ требованій отдѣльныхъ національностей“ (автономія или федералія),—всѣ такіе вопросы не могутъ быть разрѣшаемы властью временнаго правительства и должны быть предоставлены на усмотрѣніе Учредительнаго Собранія, какъ высшаго выразителя народной воли“. Отсюда ясно и то, какое громадное значеніе партія придавала Учредительному Собранію и какъ бережно она считала необходимымъ обращаться и съ идеей этого проявленія народовластія, и съ ея намеченнымъ осуществленіемъ. Своимъ сочленамъ въ составѣ правительства партія поручала „всемиѣрно содѣйствовать осуществленію такой программы и въ такихъ предѣлахъ“, какъ указанное выше. Въ противномъ случаѣ, соотвѣтственно новому приему конструкціи коалиціоннаго кабинета изъ представителей, официально делегированныхъ политическими партіями и передъ ними отвѣстственныхъ, партія предоставляла себѣ отозвать своихъ членовъ изъ состава правительства.

Въ совѣтѣ р. и с. д. появленіе новыхъ министровъ-соціалистовъ, членовъ перваго коалиціоннаго кабинета, было встрѣчено бурной оваціей. „Не въ слѣдъ къ буржуазіи идуть они“, говорилъ представитель с.р. Гоць, „а занимать новую позицію въ движущихся впередъ оковахъ революціи“. „При создавшемся положеніи“, подтверждалъ В. М. Черновъ, „совѣтъ р. и с. д. будетъ, въ сущности, рѣшать государственныя дѣла, а министры только исполнять“. Ту же мысль подтвердилъ и болгарско-румынскій соціалистъ Раковскій, только выпущенный русскими войсками изъ румынской тюрьмы (румынское правительство обвиняло его въ подкупѣ германскими деньгами). Въ немъ „пробудился старый цинмервальдецъ“ и онъ радостно привѣтствовалъ расцвѣтъ цинмервальдизма въ Россіи. „Тамъ насъ была горсточка, а

тут—вся страна". И онъ тутъ же продиктовалъ молодымъ цинмервальдцямъ тему нѣ будущей деклараціи. „Не бойтесь вхожденія въ министерство. Всюду въ другихъ странахъ социалистическіе министры являются какъ бы хвостомъ своего правительства, а здѣсь я вижу другое: правительство—это хвостъ революціи. Русскій министеріализмъ отличается отъ западнаго“.

Однако, герои дня съ грустью принимали свою побѣду. Церетели и Скобелевъ одинаково говорили о своихъ колебаніяхъ, о безвыходности положенія, которое вставило сдѣлать имъ неизбежный выборъ между вступленіемъ въ правительство и гибелью революціи, о неподготовленности массъ, о необходимости идти объ руку съ частью „буржуазіи“,—конечно, не съ Миллюковымъ, уходъ котораго подчеркивалъ разницу новой платформы отъ прежней. Собраніе горячо приветствовало ораторовъ-министровъ и всѣми голосами противъ 20-ти приняло резолюцію, которая признавала правительственную декларацію „соотвѣтствующей волѣ демократіи, задачамъ вкрѣпленія завоеваній революціи и дальнѣйшаго ея развитія“, выражала правительству „полное довѣріе“, призвала демократію „оказывать этому правительству дѣятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти“, и устанавливала принципъ ответственности министровъ-социалстовъ, „впредь до созданія всероссійскаго органа совѣтовъ“, передъ петроградскимъ съѣздомъ.

Тѣмъ же бурными аплодисментами были приняты, однако, только что наканунѣ прѣхавшій изъ Америки Троцкій, „старый вожь первой революціи“, который рѣзко осуждалъ вступленіе социалстовъ въ министерство, утверждалъ, что теперь „двоевластіе“ не уничтожится, а „лишь перенесется въ министерство“, и что настоящее единовластіе, которое „спасетъ“ Россію, наступитъ только тогда, когда будетъ сдѣланъ „слѣдующій шагъ—передача власти въ руки рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Тогда наступитъ „новая эпоха,—эпоха крови и желѣза, но уже въ борьбѣ не націй противъ націй, а класса страдающаго, угнетеннаго противъ классовъ господствующихъ“. Русская революція стѣнетъ прологомъ революціи мировой“. Для полноты картины, рядомъ съ героемъ вострашняго дня выступилъ, при смѣхѣ аудиторіи, и претендентъ на героя послѣвострашняго дня, анархистъ Блейхманъ, который заявилъ, что „сбѣется лучше тотъ, кто сбѣется послѣднимъ“. Онъ проницательно пріиствствовалъ „социалстовъ въ ковычкахъ“, требовалъ „послѣдовательности“ отъ большевиковъ и выражалъ увѣренность, что въ концѣ концовъ и они станутъ на путь анархіи.

Циклъ грядущихъ превращеній у русской революціи здѣсь намѣтился, какъ въ зеркалѣ. На этой полкаторй плоскости коалиціонное правительство оказало, дѣйствительно, „первымъ шагомъ“. Прежде тѣмъ совершился „второй“,—къ господству совѣтовъ,—коалиція должна была пройти черезъ тройной кризисъ, въ которомъ противорѣчіе между утопизмомъ словъ и неизбежнымъ реализмомъ дѣлъ министровъ-социалстовъ вскрылось вполне и до конца.

1871

1872

1873

1874

1875

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Соціалисты защищают буржуазную революцію отъ соціалистической (6 мая—7 іюля).

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILL.

1. Противорѣчіе цѣлей и средствъ перваго коалиціоннаго кабинета.

Составъ кабинета.—Двойственность задачи коалиціи.

Составъ кабинета.

Соціалисты численно не преобладали въ первомъ коалиціонномъ правительствѣ. Составъ его опредѣлился слѣдующимъ образомъ: министр-предсѣдатель и министръ внутр. дѣлъ—кн. Г. Е. Львовъ, военный и морской министр—А. Ф. Керенскій, министръ иностранныхъ дѣлъ—М. И. Терещенко, министръ путей сообщенія—Н. В. Некрасовъ, министръ земледѣлія—В. М. Черновъ, министръ почтъ и телеграфовъ—И. Г. Церетели, министръ труда—М. И. Скобелевъ, министръ продовольствія—А. В. Пышеховъ, министръ юстиціи—П. Н. Перевразовъ, министръ торговли и промышленности—А. И. Коноваловъ, министръ финансовъ—А. И. Шингаревъ, министръ народнаго просвѣщенія—А. А. Мануиловъ, министръ государственнаго призрѣнія—кн. Д. И. Шаховской, оберъ-прокуроръ синаода—В. Н. Львовъ, государственный контролеръ—И. В. Годневъ.

Такимъ образомъ, въ кабинетѣ было 6 соціалистовъ и 9 не-соціалистовъ. Но изъ послѣднихъ только небольшая группа трехъ министровъ к.-д. (не считая Н. В. Некрасова) вѣдѣла съ А. И. Коноваловымъ держалась дружно. Два „правыхъ“ министра часто поддерживали соціалистовъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примыкали къ группѣ четырехъ не-соціалистовъ и вотиновали 6 противъ шести, рѣшающее значеніе играли Терещенко и Некрасовъ, лица которыхъ склонялись влѣво и увлекала туда же министра-предсѣдателя. Это было хотя и „буржуазное“ правительство, но такое, которое, дѣйствительно, вполне заслуживало полного „довѣрія“ и „поддержки“ умѣренныхъ соціалистическихъ группъ, къ которымъ принадлежало большинство въ совѣтѣ р. и с. д. Бѣда была лишь въ томъ, что, чѣмъ эта поддержка становилась тверже и послѣдовательнѣе, тѣмъ болѣе само большинство совѣта теряло поддержку въ массахъ и таяло. Чтобы предупредить его превращеніе въ меньшинство и сохранить принципъ отвѣтственности министровъ-соціалистовъ передъ совѣтомъ, вождь этого большинства, Церетели, принужденъ былъ

пустить въ ходъ всю свою изворотливость. Каждая его побѣда должна была сопровождаться компенсирующей эту побѣду уступкой точкѣ зрѣнія противниковъ. Тактическая линия поведенія превращалась такимъ образомъ въ рядъ зигзаговъ, среди которыхъ все труднѣе становилось сохранить господствующее направленіе. Постоянные компромиссы съ очередными криками дѣла привели, наконецъ, если не къ потерѣ основной тактической линіи, то къ полной потерѣ пониманія этой линіи и довѣрія къ ней въ тѣхъ рабочихъ и солдатскихъ массахъ, на которыя опирались совѣты. Денагогія крайнихъ лѣвыхъ теченій очень ловко воспользовалась этой сложностью и запутанностью тактики болѣе умѣренныхъ вождей и придала на свою сторону массы крайней простотой и привлекательностью лозунговъ, также какъ и упорной послѣдовательностью—если не въ провозвѣщеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ повтореніи, въ повториваніи этихъ лозунговъ. Реклама и агитація среди большевистскихъ теченій всегда были поставлены образцово.

Двойственность задачи коалиціи.

Двойственность, которая въ концѣ концовъ погубила первую коалицію, заключалась уже въ самомъ опредѣленіи основной задачи, для осуществленія которой она образовалась. Для Церетели этой задачей было соединеніе „буржуазіи“ съ революціонной демократіей“ (т. е. социалистами совѣта) на одной „демократической платформѣ“, которую онъ хотѣлъ считать всенародной, но которая была, въ сущности, партійно-социалистической. Это былъ плохой и чисто формальный способъ—не разрѣшить,—а симулировать разрѣшеніе глубокаго и неразрѣшимаго противорѣчія,—того противорѣчія, которое существовало между научнымъ тезисомъ марксизма, что при данномъ состояніи производства возможна лишь „буржуазная“ революція, и нетерпѣливымъ стремленіемъ большинства русскихъ социалистовъ перевести русскую („мировую“) революцію изъ политической въ социальную (социалистическую).

Для членовъ перваго правительства, наладившихъ коалиціонную комбинацію, напротивъ, задача коалиціи была совсѣмъ другая. Недаромъ надъ осуществленіемъ коалиціи такъ же усиленно работали Альбертъ Тома, какъ и Керенскій съ Некрасовымъ и Тирещенко. Убѣжденіемъ перваго было, что нужно спасать боеспособность революціонной Россіи путемъ уступокъ руководящимъ теченіямъ социализма, а убѣжденіемъ остальныхъ было, что боеспособность арміи можно удержать, лишь поставивъ ей понятныя для нея и опосредованно одушевивъ ее цѣли войны. Такъ какъ такими цѣлями этимъ ослабленнымъ людямъ неизбѣжно представлялся лозунгъ совѣта „безъ аннексій и контрибуцій“ (т. е., въ сущности, отказъ отъ цѣлей войны), то намѣренія Некрасова и Тома вѣншимъ образомъ сходились съ намѣреніями Церетели и Керенскаго, которые тогда считали себя „циммервальдцами“. Приобрѣталась видимость „единого фронта“ внутри и во-внѣ.

„Я спрашиваю себя“—такъ объяснялъ свою политику Н. В. Некрасовъ передъ 8-мъ съѣздомъ партіи народной свободы (9 мая), „что дороже для насъ и для нашихъ союзниковъ: эти ли договоры, для осуществленія которыхъ неизвѣстно когда придетъ время, или то боевое единство, которое одно можетъ дать намъ реальную возможность спасти честь и достоинство Россіи. Рѣшающимъ для меня было то, что я слышалъ отъ делегатовъ изъ арміи... Эти люди говорили намъ: если вы хотите, чтобы армія шла въ бой, если вы хотите отъ нея прежней дисциплины и прежняго единства, то дайте ей тѣ цѣли борьбы, которыя ей понятны, которыя она видитъ передъ собой и можетъ защищать ре-

ально. И помните, что нельзя возложить на плечи армии, борющейся уже три года на фронте, ту задачу, которая этой армией не раздвигается". Условную справедливость этой позиции признал и П. Н. Миллюков в конце своей речи о своем уходе в частном совещании членов Гос. Думы. Он не отрицал, что указанные средства могут привести к цели и что можно усилить желание воевать, отказавшись от национальных целей войны; он доказывал также, что в основе этой формулировки лежат пассивное подчинение тенденции, внесенной немцами и грозящей, в последнем счете, полным распадом власти и всеми ужасами гражданской войны...

Как бы то ни было, задача была поставлена, и опыт ее осуществления начался сразу по двум тем линиям, которые были искусственно соединены, но тотчас же расходились в разные и даже противоположные стороны: по линии поддержания боеспособности армии и по линии "демократизации" нашей внешней политики. Первой задачей занялся А. Ф. Керенский, при скрытом и все возрастающем противодействии совета. Второй задачей занялся сам совет — точнее его "комиссия по внешним сношениям", при скрытом и постепенно слабеющем противодействии М. И. Терещенко. За этими двумя течениями, исходившими из разных центров и друг другу противоречившими, основная задача — укрепление революционной власти — была совершенно забыта.

II. Фразы и действительность в военном вопросе.

Керенский уговаривает армию. — Разложение армии. — Попытка мирных переговоров на фронте.

Керенский уговаривает армию.

Внутреннее противоречие было налицо и при осуществлении первой тенденции — поддержания боеспособности армии. Так как эта цель считалась лучше всего достижимой путем объяснения армии, за что она борется, то за исполнение этой задачи — за убеждение армии — лично занялся А. Ф. Керенский. Он исполнил ее путем объезда фронта. Но одновременно с убеждениями военного министра армия получила "декларацию прав солдата", оговорительно разложившую в ней начала принудительной дисциплины. Последствия были такие, каких не могло не быть: задача, взятая на себя А. Ф. Керенским, оказалась неосуществимой и неосуществленной.

Военный и морской министр объехали Гельсингфорс, Каменец-Подольск, Одессу, Севастополь, Киев, Ригу и другие города. В общественных зданиях и перед фронтом, в заседаниях разных организаций и на торжественных приемах, сотни тысяч солдат и граждан видели стройную фигуру молодого человека в помятом французском без украшений и отличий, с большой рукой, согнутой в локоть и спрятанной за бортом, с бледнейшим бледным лицом, носящим следы нервозности и крайнего утомления, слышали его пламенную речь, составленную из коротких отрывистых фраз, говоривших о свободе, о свете, о правде, и ежесекундно прерывавшихся бурными взрывами аплодисментов и восторженными обходами врать, слушать, пойти за министром — социалистом вперед, за демократом, за республику, за мир (никогда еще прибавляли и за "матушку-Русь"). "Товарищи", говорил министр, "в нашей встрече я вижу тот

великий энтузиазм, который объял всю страну и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетия. Не часто такие чудеса, как русская революция, которая из рабов дѣлает свободных людей... Намъ суждено повторить сказку великой французской революции. Бросимся же вперед, за миръ всего міра, съ вѣрой въ счастье и величіе народа". (Одесса 16 мая). Вотъ канва, по которой мысль скачетъ и рвется, "чудеса" и "сказка" сплетаются съ "вѣрой" и "энтузиазмомъ", и все покрывается тономъ возбужденія и страсти, вызывающей отвѣтныи кликъ, психологическую детонацію въ душахъ собравшей толпы. Ораторъ, среди возбужденія, остается господиномъ своей мысли и пытается провести въ сознание толпы, въ формѣ, не противорѣчащей условной приподнятости, тѣ государственныя идеи, для которыхъ онъ прѣхалъ. Свобода обязываетъ; отказъ отъ внѣшней дисциплины налагаетъ долгъ внутренней дисциплины; стремленіе къ скорому миру обязываетъ быть сильными на фронтѣ; врагъ, не уважающій идей, долженъ преклониться передъ силой. Ораторъ находитъ способы полатить эти пиллы, преодолѣсти ихъ въ формѣ, не охлаждающей оаций толпы. "Пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣ стараго царизма и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь!" (буриые аплодисменты); (Гельсингфорсъ, 10 мая). "Я бы могъ сказать вамъ: вы свободные люди, идите домой, тамъ ждутъ васъ земля и воля. Темные люди пойдутъ за такимъ призывомъ. Они не виноваты въ томъ. Никто не училъ ихъ. О нихъ никто не заботился. Но тогда погибнетъ армія, и съ ней погибнетъ свобода, погибнетъ русская революція" (возгласы: "ни за что не выдаться", рукоплесканія); (Каменецъ-Подольскъ, 15 мая). "Мы создаемъ не какой нибудь авліійскій или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова" (буриые аплодисменты и крики: "вѣрно"). "Вы самые свободные солдаты міра. Развѣ вы не должны доказать міру, что та система, на какой строится сейчасъ армія, — лучшая система? Развѣ вы не докажете другимъ монархамъ, что не куда, а совѣтъ есть лучшая сила армій? (возбужденные возгласы: "докажемъ")... Наша армія при монархѣ совершала подвиги: неужели при республикѣ она окажется стадомъ барановъ?" (бура аплодисментовъ, крики: "нѣтъ, никогда"); (Каменецъ-Подольскъ). "Намъ не нужно чужого, то намъ нужно право на свое, на сохраненіе своей чести и достоинства революціоннаго народа. О нашихъ желаніяхъ мы сказали всему міру, — и нашимъ союзникамъ, и нашимъ врагамъ. Теперь мы желаемъ, чтобы демократія воюющихъ съ нами странъ нашла въ себѣ столько мужества, сколько нашлось у насъ — полуварваровъ, — какъ насъ называютъ въ Европѣ". (громъ аплодисментовъ); (Кіевъ 20-е мая). Очень много "а", — и этотъ пріемъ безошибочно сближаетъ оратора съ толпой и вызываетъ энтузіастическіе отклики. "Многіе военные, изучавшіе военное дѣло десятилѣтіями, отказывались взять постъ военнаго министра, а я, не военный человекъ, я взялъ его" (рукоплесканія); (Каменецъ-Подольскъ 14-е мая). "Если вамъ предстоитъ почетная смерть на глазахъ всего міра, позовите меня: я пойду съ ружьемъ въ рукахъ впередъ васъ" (громъ рукоплесканій)... "Впередъ, на борьбу за свободу, не на ширь, а на смерть я зову васъ. Мои товарищи с.р. умирали одинъ за другимъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Мы, дѣтели революціи, имѣемъ право на смерть". (снова громъ аплодисментовъ, возгласы: "мы идемъ за тобой, товарищъ. Впередъ, за свободу") и даже, когда одинъ офицеръ, по порученію товарищей, подошелъ къ Керенскому и высказалъ, что происходящее въ тылу внушаетъ ему опасеніе (вполнѣ потомъ подтвердившееся), что при наступленіи ударныхъ частей

армія не сможет получить потомъ поддержки отъ резервовъ, Керенскій отвѣчалъ той же псевдо-спартанской позою: „Когда мы, кучка революціонеровъ, бросились на борьбу съ сложнымъ механизмомъ стараго режима, мы никогда не оглядывались назадъ, на тылъ, не ждали резервовъ, мы шли на борьбу безъ оглядки и, если надо было, умирали. Если вамъ дорога свобода и революція, и намъ понадобится идти, и если даже вы пойдете одни,—идите и, если нужно умереть, умрите.“ (Рига, 23 мая). Быть можетъ, этотъ офицеръ принадлежалъ къ тѣмъ многимъ, которые, дѣйствительно, умерли: смущенно онъ стоялъ передъ ораторомъ-министромъ и повторялъ полупонимомъ, вѣроятно, не столько устыженный, сколько разочарованный: „Я пойду, я пойду“...

Нельзя, конечно, сказать, чтобы глубокой внутренней трагизмъ взятой на себя позы былъ совершенно непонятенъ А. Ф. Керенскому, и чтобы онъ не зналъ тѣхъ реальныхъ препятствій, въ которыя превращались вашищаемыя имъ формулы при встрѣчѣ съ печальной дѣйствительностью. „Мы открыто скавали“, говорилъ онъ въ Гельсингфорсѣ 10 мая, „что не хотимъ захватить, насилія, не хотимъ чужого достоинства, мы хотимъ скорѣйшаго мира. Но тѣ, кому мы говорили это (германцы), могли понять только одно,—что мы неспособны силой отстоять свои права. И они начали братанія на нашемъ фронтѣ, а въ то же время свои лучшія войска послали на французскій фронтъ и уничтожаютъ эту первую демократію Европы. Кроме того, послѣ братанія на нашемъ фронтѣ у нихъ оказались фотографіи нашихъ позицій и батарей, которые были такъ распланированы, что сверху ихъ увидѣть было нельзя“. „Русская революціонная власть“, заявилъ Керенскій въ Одессѣ 17 мая, „отбросила аннексіонные лозунги. Попробуйте это сдѣлать въ другихъ странахъ: вы увидите, что такъ легко, какъ мы отбѣгались отъ Миланова, намъ это тамъ не удастся, ибо за ними тамъ стоятъ опредѣленные общественныя силы... Въ Германіи империалисты усилились. Ослабили нашъ фронтъ, мы даемъ возможность нѣмцамъ обратиться къ союзникамъ, разжигая этимъ аппетиты германскихъ империалистовъ... Говорить этимъ (господствующимъ) классамъ о лозунгѣ „безъ аннексій“ смѣшно... Но быть смѣшнымъ въ глазахъ всего міра—это невыносимо для государства“. Точно также Керенскій понималъ ясно и послѣдствія распространенія этого лозунга на фронтѣ. Тамъ, замѣчалъ онъ въ Гельсингфорсѣ, „лозунгъ войны безъ аннексій былъ понять не какъ политическій лозунгъ войны, а какъ стратегическій, какъ предложеніе немедленно прекратить всякія военныя операціи, связанныя хотя бы съ однимъ шагомъ впередъ“. А въ Одессѣ онъ принялъ и поучительную иллюстрацію. „И былъ только-что на фронтѣ. Тамъ одинъ полкъ заключалъ миръ съ нѣмцами. Договоръ подписали два нашихъ унтеръ-офицера и нѣмецкій офицеръ. Въ договорѣ говорится объ отказѣ отъ аннексій, но съ нашей стороны: наши отказались отъ обратныхъ завоеваній русскихъ городовъ Вильны и Ковно“. Это сообщеніе сопровождалось криками „поверъ“, и никто не думалъ тогда, что дѣло идетъ лишь о слабомъ прообразѣ того, что должно совершиться, если страна пойдетъ по избранной дорогѣ. А. Ф. Керенскому ясны были и внутреннія опасности на этомъ пути. „Намъ угрожаетъ серьезная сила“, говорилъ онъ въ Одессѣ 15-го мая. „Люди, объединившіеся въ ненависти къ повому строю, найдутъ путь, который можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашеніемъ царя они ничего не достигнутъ... Они идутъ путемъ обманнымъ, путемъ проклятымъ, идутъ къ голодной массѣ, развращенной старымъ режимомъ, и говорятъ: „Требуйте всего немедленно“. Они шепчутъ слова недоверія къ намъ,

всю жизнь положившим на борьбу съ царизмомъ. Среди васъ есть также и идеалисты, слишкомъ смотрящіе въ небо и увлекающіе насъ въ бѣдну анархіи. И мы должны сказать имъ: „остановитесь, не расшатывайте новые устои“... Если русскій народъ, въ особенности русская армія, не найдутъ въ себѣ мужества, не выйдутъ стальной брони дисциплины, то мы погибнемъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи социализма, во имя которыхъ мы совершили революцію“. Понимая и чувствуя эту смертельную опасность, Керенскій, однако, предлагалъ одинъ лишь словесные приемы борьбы съ ней. „Возьмите вашихъ непримиримыхъ товарищей, крайнихъ социалистовъ“, говорилъ онъ въ Каменецъ-Подольскѣ: „думали ли они три мѣсяца назадъ, что они сегодня получать право говорить такъ свободно? Я привѣтствую тѣхъ, кто не останавливается ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи. Каждая честная цѣль—священная. Но къ нимъ одна просьба истерзанной, истекающей кровью Россіи, одна просьба: Подождите хоть два мѣсяца“ (зарывъ аплодисментовъ).

Ровно два мѣсяца „они“ не „ждали“,—а организовались и готовились начать борьбу, „не останавливаясь ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи“. А. Ф. Керенскій одной рукой ставилъ имъ слабыя словесныя препятствія, исчезавшія съ послѣднимъ звукомъ его голоса, а другой рукой онъ открывалъ имъ широкую дорогу, допуская полное разложеніе дисциплины въ арміи.

Разложеніе арміи.

Защититель Корнилова, поручикъ Козьминъ, тотчасъ послѣ министерскаго кривиса совмѣлъ командировъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ и окрестностяхъ. Задачей совѣщанія было: выяснитъ причины нарушенія дисциплины въ некоторыхъ войсковыхъ частяхъ и выработать мѣры для восстановленія порядка и повиновенія въ войскахъ петроградскаго гарнизона. „Причины“ и „мѣры“ были очень просты и несложны, и собраніе выработало пункты: 1) восстановленіе власти начальниковъ, 2) точное исполненіе существующихъ уставовъ, 3) обязательная присяга, 4) дисциплина на службѣ и гражданское равенство въ ея, 5) различныя мѣры для сближенія офицеровъ и солдатъ и т. д. Это было такъ просто и ясно... но затѣмъ поручикъ Козьминъ предложилъ новую мѣру: „опору на боговъ—министръ Керенскій и совѣтъ р. и с. д.“. „Довѣріе солдатъ нужно приобрести клятвой, что офицеры не контръ-революціонеры“. Козьминъ самъ привнесъ такую „клятву о защитѣ свободы“ Керенскому и предлагалъ привести и присутствующимъ. Газетный отчетъ гласитъ далѣе: „наступаетъ величественная минута. Всѣ присутствующіе командиры „войсковыхъ частей“ въ порывѣ энтузіазма восклицаютъ: „клянемся“. Такъ, дѣловое совѣщаніе кончается сценой во вкусъ новыхъ „боговъ“... Вотъ другая сцена, относящаяся къ тому же времени. 9-го мая, въ залѣ Таврическаго дворца, солдатская секція совѣта обсуждаетъ вопросъ о созданіи національных полковъ. Во время засѣданія является въ залъ помощникъ военнаго министра Якубовичъ и требуетъ слова въ очереди. Керенскій утвердилъ „Декларацию правъ солдата“. Теперь „русскій солдатъ имѣетъ такія права, какихъ не имѣютъ солдаты ни въ одной арміи въ мірѣ“. Личная просьба военнаго министра солдатамъ: отвѣстись съ полнымъ вниманіемъ къ параграфу объ отиѣвѣ отданія чести,—одному изъ тѣхъ, которые „малозначительными элементами могутъ быть истолкованы неправильно“. Способъ удовлетворить „личную просьбу министра“: выработка воззванія къ солдатамъ. „Вы окажете нашему

министру сразу поддержку, без которой онъ работать не въ состояннѣ. Прибавка для стила: „мое искреннее убѣжденіе, что на лучезарный путь мощной демократической республики выведетъ насъ только нашъ вождь, А. Ф. Керенскій, и поэтому всѣ должны его поддержать“. По газетному отчету и рѣчь помощника министра вызвала восторженные аплодисменты.

Увы, большевики использовали для своихъ цѣлей и эту „декларацию правъ“. Они объявили ее произведеніемъ контръ-революціоннаго офицерства, которое восстанавливаетъ царское рабство и валоочную дисциплину. На ихъ митингахъ декларация получила кличку „декларациѣ безправія“. Еще бы: въ § 14 говорилось, что „въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право принимать всѣ мѣры, вплоть до примѣненія вооруженной силы, противъ неисполняющаго приказанія подчиненныхъ“. § 18, оставившій право назначенія на должность и „временнаго отстраненія“—„исключительно начальникамъ“, не заключаѣ въ себѣ „права“ стюда и аттестаціи начальствующихъ лицъ и также „права“ участія въ управленіи арміею для „органовъ солдатскаго самоуправленія“. Обязательное отдаваніе чести“ отиѣнялось § 12-мъ, но этого было мало: требовалось отиѣнить и замѣнившее его „добровольное взаимное привѣтствіе“. „Строгій арестъ“—единственное сохранившееся дисциплинарное наказаніе,—также нужно отиѣнить. Наконецъ, предметомъ партійной полемики сдѣлано было и то наступленіе, которое Керенскій готовилъ своими поѣздками на фронтъ и которое, какъ указано выше, составляло главный *raison d'être* новаго правительства. Н. Сухановъ спрашивалъ въ „Новой Жизни“ отъ 17-го мая: „новое правительство существуетъ и дѣйствуетъ уже десять дней... что оно сдѣлало въ отношеніи войны и мира?“. И онъ съ неудовольствіемъ отиѣтилъ: „военное министерство, сверху до низу, при содѣйствіи всѣхъ буржуазныхъ и большей части демократическихъ силъ съ необычайной энергіею работаетъ надъ восстановленіемъ дисциплины и боеиспособности арміи. Работа эта... уже дала несомнѣнно результаты. И уже ни у кого не вызывается сомнѣній ея цѣли: это—единство союзнаго фронта и наступленіе на врага“. Авторъ покорно соглашается, что: „поскольку война продолжится и борьба за миръ еще не увѣнчалась успѣхомъ, нельзя опротестовывать функціи всей организаціи войны: работы на оборону, съ одной стороны, наступательныхъ дѣйствій, съ другой“. „Но... Н. Сухановъ находитъ, что эти задачи пріобрѣли слишкомъ уже выпуклый и самодовлѣющій характеръ: „дозунгъ наступленія, затинившій все другое, съ перваго же дня образованія новой власти пріобрѣлъ не незнаемое военно-техническое, а самое одиозное политическое значеніе. Общая политика новаго министерства придаетъ этому лозунгу угрожающій характеръ“. Настроеніе это въ немногіе дни управленія коалиціи такъ сгустилось, что послѣ нѣсколькихъ дней двусмысленнаго лавированія, съ возраженіемъ противъ наступленія, какъ ближайшей цѣли, выступилъ и совѣтскій оффиціозъ. Рѣчь, по словамъ „Извѣстій Совѣта“ (17 мая), идетъ только о томъ, „что бы подготовитъ возможность наступленія“, для чего необходимо предварительное выполненіе правительствомъ „цѣлой программы мѣропріятій, относящихся въ различнѣйшимъ областямъ политики“. „И пусть ни одинъ солдатъ не думаетъ, будто временное правительство помянетъ его въ наступленіе, не выполнивъ данной программы“, занаялъ оффиціозъ, аннулируя этимъ всѣ плоды краснорѣчія А. Ф. Керенскаго. Большевицская „Правда“ высказывалась по этому поводу уже безъ всякихъ обиняковъ. „Дойдетъ ли дѣло дѣйствительно до наступленія“, говоритъ большевицскій органъ, „это рѣ-

шатъ сами солдаты. Всюду и вездѣ солдаты дерутся теперь только изъ-подъ палки, а въ Россіи палка выпала изъ рукъ угнетателей".... И газета предлагала „товарищамъ-рабочимъ и товарищамъ-солдатамъ“ поставить на очередь, вѣсто вопроса о наступленіи, вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать вся власть въ нашей странѣ, — вопросъ, который „становится все болѣе жгучимъ“. „Добейтесь перехода всей власти въ наши руки—въ руки совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,..... только тогда мы сможемъ предложить не на словахъ, а на дѣлѣ, демократическій миръ всѣмъ народамъ“. А большевики изъ лагеря с.-р. уже выкинули въ „Землѣ и Волѣ“ знамя сепаратнаго мира, какъ единственно возможнаго немедленно.

Н. Сухановъ былъ правъ въ своемъ утвержденіи, что какъ временное министерство, такъ и значительная часть русской общественности „съ необычайной энергіей работали надъ восстановленіемъ боеспособности русской арміи“. Но права была и „Правда“, что, въ концѣ концовъ, вопросъ о наступленіи рѣшатъ солдаты. Съѣздъ союзовъ офицеровъ, арміи и флота въ ставкѣ подвелъ въ своей резолюціи ужасающій итогъ тому развалу, до котораго дошла армія на фронтѣ. Вотъ общіе признаки этого развала „для громаднаго большинства арій корпусовъ и дивизій“, установленные резолюціей:

„1) Полный упадокъ военнаго духа среди значительной части солдатскихъ массъ, проявляющійся: а) въ ярко выраженномъ желаніи заключенія мира, привося для этого въ жертву даже свою національную гордость и національные интересы, б) въ упорномъ отказѣ отъ какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій, даже въ видѣ мелкихъ выступленій, в) въ преступной небрежности и халатности при несеніи сторожевой и развѣдочной службы въ окопахъ, г) въ систематическомъ, непрекращающемся „братаньи“ съ противникомъ, вносящимъ часто столь повмудительный характеръ, что братанье это привело къ столкновенію нашей пѣхоты съ своими боевыми товарищами-артиллеристами, препятствующими братанью, и даже къ вылазкѣ противнику мѣста нашихъ батарей. 2) Паденіе дисциплины до крайнихъ предѣловъ, которое выражается: а) въ систематическихъ отказахъ цѣлыхъ войсковыхъ частей выполнять боевые приказы начальства или въ исполненіи таковыхъ приказаній лишь послѣ продолжительныхъ увѣщаній, б) въ стремленіяхъ явочнымъ порядкомъ на принципъ выборнаго начала замѣнить крѣпкихъ по духу и опытныхъ въ бою начальниковъ болѣе покладистыми, в) въ случаяхъ открытаго в-звуженія и даже самосуда надъ неугодными начальниками, г) въ стремленіи къ коллективнымъ рѣшеніямъ въ только бытовыхъ, но и боевыхъ вопросахъ арміи. 3) Сведеніе авторитета начальниковъ къ нулю: полное отсутствіе даже признака власти въ рукахъ начальниковъ и, какъ слѣдствіе этого, безсиліе заставить подчиненныхъ выполнять отдаваемые распоряженія. 4) Недовѣріе къ офицерамъ, всегда шедшимъ впереди на смерть за родину и теперь призывающимъ къ исполненію воинскаго долга и къ продолженію войны до заключенія почтимаго мира. Это слѣдствіе идущей съ тыла пропаганды: „жиръ во что бы то ни стало.“ 5) Развитіе цынги и другихъ болезней въ связи съ недостаточнымъ количествомъ продовольствія и фуража и съ плохимъ питаніемъ.“ Къ этой резолюціи была сдѣлана оговорка, что она относится „въ равной мѣрѣ, какъ къ несознательнымъ группамъ солдатъ, такъ и къ несознательной и недобросовѣстной части офицерства“. Съ своей стороны съѣздъ позагалъ, для устраниенія указываемыхъ отрицательныхъ явленій, необходимыхъ, съ одной стороны, противодействовать агитации за прекращеніе войны и „установитъ трезвый взглядъ на

противника", а съ другой стороны, возстановитъ „твердую правительственную власть, приказывающую, а не взымающую“; возстановитъ „авторитетъ начальства, поддерживаемаго этой властью“; „установитъ, что всѣ распоряженія въ войскахъ должны исходить только отъ ответственныхъ передъ Россіей лицъ и проводиться только черезъ военныхъ начальниковъ, отнюдь не допуская вышательства войсковыхъ комитетовъ въ оперативныя, строевыя и учебныя дѣла“.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что развалъ въ арміи не былъ исключительно явленіемъ послѣреволюціоннаго времени. И нежеланіе воевать, и паденіе дисциплины, и подоорительное отношеніе къ офицерству, и дезертирство въ тылъ,—асъ эти явленія заимчивались еще до революціи, какъ продуктъ общей усталости, плохой обстановки жизни и недостаточнаго питанія—на почвѣ темноты массъ и недостаточной авторитетности команднаго состава. Но, несомнѣнно, только проникновеніе въ среду арміи прямой агитаціи противъ войны и постепенной организаціи разрушающихъ вліяній въ формѣ армейскихъ выборныхъ комитетовъ, явившихся постоянными проводниками взглядовъ социалистическаго большинства совѣтовъ, наконецъ, легализація этихъ вліяній послѣ вступленія социалистовъ въ правительство и послѣ изданія „деклараціи правъ солдата“, съ ея двоякими развитіемъ въ войскахъ, довели всѣ отмѣченные отрицательныя явленія до крайняго предѣла и до самаго широкаго распространенія. Въ первый мѣсяцъ или полтора мѣсяца революціи, когда агитаторы совѣтовъ встрѣчали формальныя затрудненія и препятствія при своемъ проникновеніи въ армію, пропаганда развивалась сравнительно медленно; потому она пошла ускореннымъ темпомъ.

Попытки мирныхъ переговоровъ на фронтѣ.

На почвѣ усилившагся послѣ революціи развала появились, однако, и новые явленія, до тѣхъ поръ не наблюдавшіяся и стояція въ несомнѣнной связи съ тѣми задачами, для которыхъ хотѣли использовать русскую революцію германцы. Одно изъ этихъ явленій—это попытки превратить „братанье“, давно уже систематизированное германцами, въ рядъ переговоровъ съ истинными частями войскъ о перемиріи.

Открытыя приглашенія къ этому встрѣчаемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся въ Берлинѣ и распространявшемся въ нашихъ окопахъ. Напр., номеръ, изданный къ Пасхѣ, вмѣстѣ съ нападеніемъ на англичанъ и П. Н. Милюкова, которые „прѣпятствуютъ рабочимъ забрать въ свои руки власть, провозгласить социалистическую республику и заключить миръ“, содержитъ такое обращеніе къ солдатамъ. „Наша рука все остается протянутой. Не дай Богъ, чтобы насъ наставили этой же рукой поднять оружіе противъ насъ. Это зависитъ отъ насъ, только отъ насъ. Мы хотимъ вести переговоры съ вами, съ русскими, поэтому приманте къ намъ представителей вашего правительства съ бѣлымъ флагомъ черезъ фронтъ. Охотно мы даемъ вамъ поруку. Нашъ кавалеръ предложитъ вамъ почетный мѣръ, его условія будутъ на благо для обѣихъ сторонъ“. Дѣйствительно, уже 11 апрѣля отмѣченъ случай, когда къ нашимъ передовымъ окопамъ приближались съ бѣлымъ флагомъ непріятельскіе офицеры и солдаты и, пригласивъ къ себѣ нашихъ, устроили съ ними совѣщаніе въ штабѣ германской дивизіи о заключеніи мира. За участіе въ этихъ переговорахъ преданы были впоследствии второму корпусному суду поручикъ Павелъ Аманцкій, два унтеръ-офицера и ефрейторъ.

28 апреля, къ Пасхѣ, эта попытка была повторена въ болѣе широкомъ масштабѣ. По увѣренію германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ починъ принадлежалъ русскимъ офицерамъ. Приказъ генерала Драгомирова утверждалъ, что германскіе офицеры пришли безъ надеждающей къ тому причины. Какъ бы то ни было, вечеромъ 28 апреля три германскихъ офицера, подполковникъ, капитанъ и поручикъ были приняты ген. Драгомировымъ въ присутствіи вѣкоторыхъ чиновъ штаба арміи, представителей армейскаго комитета и представителей полковъ дивизіи, на фронтѣ которой вышли. Они представили удостовѣреніе за подписью командующаго арміей гр. Кирбаха, Уполномочивавшее ихъ вести переговоры съ русскимъ командованіемъ и правительствомъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось (по словамъ свидѣтеля, корреспондента „Русскаго Слова“ К. М. А.; см. „Р. Сл.“ отъ 4 мая), что командировка состоялась съ разрѣшенія германской главной квартиры и что подобныя же группы парламентаріовъ должны были быть вынуждены на всемъ протяженіи нашего фронта. На вопросъ, имѣютъ ли парламентаріи какія либо опредѣленные предложенія, они отвѣтили, что ихъ миссія является подготовительной передъ тѣмъ выступленіемъ, которое на дняхъ будетъ сдѣлано германскимъ правительствомъ. Очевидно, имѣлась въ виду рѣчь Бетмана Гольвега, 2 мая (см. ниже), о которой распространились самыя многообѣщавшія варіанты слухи (см. VI главу о мирѣ), по въ которой, въ концѣ концовъ, канцлеръ предпочелъ остаться на прежней уклончивой позиціи умолчанія объ условіяхъ мира. Парламентаріи, съ своей стороны, лишь спрашивали, согласны ли русскіе на мирныя переговоры. Гинденбургъ въ своей вѣстной радиотелеграммѣ отъ 23 мая, полемизируя съ приказомъ Драгомирова, утверждаетъ, что Драгомировъ скрылъ письмо, въ которомъ ему предлагалось, въ виду, будто-бы, извѣстной имъ готовності „принять съ германской стороны предложенія и условія“, „прислать уполномоченныхъ представителей, такъ какъ стрѣнные офицеры, пришедшіе изъ окоповъ, не могутъ быть отвѣтственными переговорщиками“.

Сами эти офицеры, однако, думали, повидимому, иначе, такъ какъ на заявленіе ген. Драгомирова, что переговоры можно вести только между правительствами, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова“, зашѣтили между собой по-нѣмецки (бесѣда велась по-русски): „а стоитъ ли съ ними разговаривать, съ Милюковыми и прочими?“ Германскій подполковникъ, правда, собирался изложить возможные основы переговоровъ (и это соответствуетъ заявленію Гинденбурга, „что германскія и австрійскія предложенія были уже намѣчены“ и что „они были уполномочены указать, какимъ образомъ военныя дѣйствія между нами и Россіей могли бы быть окончены безъ оглашенія Россіи отъ ея союзниковъ“), но капитанъ, его коллега, служившій переводчикомъ, все время парализовалъ эти попытки и „проводилъ мысль о необходимости переговоровъ непосредственно между арміями, въ то же время совершенно уклоняясь отъ какихъ-либо конкретныхъ предложеній“. Потомъ, въ частномъ разговорѣ съ представителями 5-ой арміи, (Книберлинга), „хотя и не уполномоченный высказываться объ условіяхъ мира, по отдѣльнымъ пунктамъ“, изложилъ, однако, свой взглядъ, съ полной увѣренностью, что его „раздѣляетъ германское правительство, армія и народъ.“ „Контрибуцій“ Германія не домогается. Не окончить войну „безъ аннексій“ она рѣшительно не можетъ. „Самоопредѣленіе народностей“, поскольку оно касается народностей, вошедшихъ въ составъ Германіи и Австро-Венгріи, представляется германцамъ сдѣланнымъ. Надѣяться, что социаль-демократы произведутъ революцію въ Германіи—значитъ не знать германской жизни и па-

родного характера. Преобладание в Германии „среднего слоя“—Mitteklasse—гарантирует ее от той „быстрой революции“, которая в России могла произойти только „вследствие резкого противоречия между укладом жизни небольшого количества богатых и многомиллионным населением, влачащим нищенское существование.“

Очевидно, при таких взглядах трудно было рассчитывать сговориться, и немудрено, что когда генерал Драгомиров потребовал без дальнейших переговоров предварительного формального присоединения „ко всем положениям, провозглашенным в декларации нашего правительства“, то на этом переговоры и были покончены. Их ближайшей целью, очевидно, было вовсе не практическая постановка переговоров, а просто дальнейшее разложение армии. Ту же цель разложения преследовала и пояснительная радиотелеграмма Гинденбурга, предупредительно подчеркивавшего, что, „Германия готова идти навстречу неоднократно высказанным желаниям русских солдатских депутатов окончить кровопролитие“. „Со дней Пасхи войска центральных держав почти приостановили враждебные действия на восточном фронте“. „Центральные державы согласны заключить честный мир,... который восстановил бы прежний добрососедский отношения и дал бы России экономическую поддержку“. Гинденбург сообщал, что для второй „великой цели“ германцы, после неудач пасхальных переговоров, сделали еще одно „предложение о перемирии“, переданное 6-го мая строевым частям 8-й и 9-й армии средневропейскими державами. Но кто же виноват? „Россия должна бороться и проливать кровь... для достижения завоевательных целей Англии, Франции и Италии“. Это были те же аргументы, которыми пользовались агитаторы совета и социалистическая печать; в этой же печати можно найти и постоянные указания на то, что Россия, подобно Франции в 1870 г., должна заключить перемирие на фронте, если не хочет сделать этого правительство.

Обсудив радиотелеграмму Гинденбурга на заседании 26-го мая, петроградский совет р. и с. д. дал на нее еще достойный ответ. Указав, что германский главнокомандующий „красноречиво“ молчит об „аннексиях“ и „контрбукциях“ (мы видели, что скрывалось за этим молчанием) и, в сущности, предлагает России сепаратный мир, выгодный только Германии, совет напоминал Гинденбургу, что, говоря о бездействии германских войск, он „забыл о Стоходе, забыл... куда уведены с нашего фронта германские дивизии и тяжелые батареи,... что до России доносится шум кровопролитных боев на англо-французском фронте,... что Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии, а разгром революционных войск свободной России—не только новые братские могилы, но и гибель революции, гибель свободной России“. Совет еще находил формулы для объединения своей циммервальдской задачи с задачей союзной борьбы. „Россия взяла на себя задачу объединить демократию всех воюющих стран в борьбу против империализма. Эта задача не будет ею исполнена, если германские империалисты сумели использовать ее стремления к миру в целях отторжения ее от союзников и нанести поражение ее армии“. Так говоря о революции совета и кончала призывом „удвоить энергию в дружной работе над воссозданием боевой мощи России“.

Увы, в том же заседании совету пришлось обсуждать отказ Бронштадта признавать временное правительство. Германский микроб уже крепко сидел в русском тылу, и германцы продолжали производить пробные эксперименты над русской армией.

Такимъ экспериментомъ они отвѣтили и на резолюцію совѣта по поводу радіотелеграммы Гинденбурга. 24 го мая въ „Русскомъ Словѣ“ появилась сенсациянная телеграмма изъ Кишинева (отъ 18-го), что черезъ румынскій фронтъ прибыла и направляется къ временному правительству для переговоровъ о мирѣ группа австрійскихъ парламентаровъ въ составѣ двухъ генераловъ, двухъ полковниковъ, двадцати офицеровъ и пятнадцати солдатъ. Ни въ главномъ штабѣ, ни въ правительствѣ объ этомъ ничего не знали, но уже начались разговоры о возможности выслушать делегацію въ совѣтѣ р. и с. д., въ присутствіи делегатовъ арміи. Эпизодъ былъ ликвидированъ на мѣстѣ, и генералъ Деникинъ телеграфировалъ министру, что эти парламентары, появившіеся на фронтѣ 9-й арміи, отправлены, въ качествѣ военнопленныхъ, въ тылъ, за исключеніемъ трехъ офицеровъ и солдатъ, допрошенныхъ въ ставкѣ 23-го мая и отправленныхъ затѣмъ въ Москву, тоже въ качествѣ военнопленныхъ, на распредѣлительный пунктъ.

III. Расчлененіе Россіи подъ лозунгомъ „самоопредѣленія“.

Обособленіе національностей. — Финляндія. — Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и въ Кронштадтѣ. — Агитація въ Черноморскомъ флотѣ. — Крымъ. — Украина. — Другія національности.

Обособленіе національностей:

Помимо разложенія фронта при помощи парламентаровъ, братація берлинскихъ газетъ („Русскій Вѣстникъ“) и агитаторовъ петроградскаго совѣта, уже приступлено было къ постепенному осуществленію, на той же почвѣ разложенія арміи, болѣе смѣлаго и широкаго плава въдревія въ самую гущу Россіи и къ подготовкѣ ея расчлененія на части. Внесеніе въ формулу „безъ аннексій и контрибуцій“, съ этой задней мыслью, формулы „самоопредѣленія народностей“ и истолкованіе ея въ смыслѣ „дезаннексій“ прослѣжено въ другомъ мѣстѣ (см. VI главу). Здѣсь мы рассмотримъ рядъ явленій, въ совокупности представляющихъ яркую картину примѣненія этой мысли къ Россіи. Конечно, влияніемъ извне нельзя всецѣло объяснить стремленія національностей къ выдѣленію. Национальное движеніе есть факторъ достаточно сильный самъ по себѣ, чтобы создать все необходимое для нашихъ противниковъ послѣдствія. Но нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на прямое вліяніе иностранной пропаганды съ цѣлью обостренія національных стремленій. И даже при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, объ ихъ наличности свидѣлствуютъ, какъ извѣстныя общія тенденціи непріятельской тактики, такъ и планомерность и охвотворенность ея проявленій повсемѣстно, гдѣ пропагандисты могли расчитывать найти для созданія благоприятную почву.

Финляндія.

Финляндія, съ ея давними сношеніями съ Германіей, съ рѣзко выраженнымъ анти-русскимъ настроеніемъ ея общественнаго мнѣнія, съ ея нѣзлательной социаль-демократіей и тайными революціонными организаціями, представляла наиболѣе благоприятную почву для германскаго воздѣйствія. Она давала первую опорную базу для перенесенія дѣятельности въ самую Россію. Еще до революціи, во время войны

финляндскій активнѣмъ въ связи съ шведскимъ опирался на германскую поддержку. Сотни и даже тысячи финляндской молодежи бѣжали въ Германію и тамъ обучались военному дѣлу, чтобы составить впоследствии корпусъ противъ Россіи. Правда, германцы не выдерживали обиды, и, въ ожиданіи десанта противъ Россіи, употребляли финляндцевъ для собственныхъ войскъ, къ большому ихъ раздраженію. Но именно русская революція открывала выходъ этимъ накопленнымъ силамъ. Въ первое время послѣ революціи шведско-финляндская граница была совершенно открыта, да и раньше въ ней существовало нѣсколько извѣстныхъ революціонерамъ пунктовъ для свободнаго перехода. Преимущественно финляндцы и жители балтійскаго края, знающіе русскій языкъ, и до революціи употреблялись германцами для доставки взрывчатыхъ веществъ въ Россію, для доставки мостовъ, пристаней, морскихъ судовъ, фабрикъ, работающих на оборону, для доставки оружія, отъ Финляндіи до Кавказа и т. д. Тверь, послѣ революціи, телеграммы изъ-за границы сообщали, что германцы двигаютъ на Россію трехтысячную толпу такихъ подготовленныхъ агентовъ. Но въ это время временное правительство опубликовало свой финляндскій манифестъ. Въ душѣ финляндцевъ произошелъ крутой переломъ по отношенію къ Россіи. Многие изъ агентовъ-патріотовъ заявили, что они борются противъ царизма, а не противъ свободной Россіи. Были даже примѣры бѣгства трепированныхъ финляндскихъ агентовъ изъ Германіи въ Швецію и обращенія ихъ съ предложеніями къ революціонному русскому правительству. Такимъ образомъ, планъ нашихъ противниковъ разстроился, но далеко не совсѣмъ. Послѣ перваго взрыва общаго восторга, отношеніе равныхъ партій къ Россіи быстро дифференцировалось. Не только крайнія теченія, но даже и болѣе умѣренные теперь уже готовы были идти дальше того, что давала русская власть. Старое поколѣніе финляндскихъ конституціоналистовъ, къ которымъ русская оппозиція давно уже рука объ руку боролась противъ Бобринкиныхъ, отчасти сошло со сцены, отчасти было отодвинуто новыми настроеніемъ молодежи. Молодежь эта, особенно социалистическая, отличалась снѣжностью невѣжества и полной неподготовленностью въ вопросахъ государственнаго права. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ развернувшихся въ Финляндіи событий.

Временное правительство было убѣждено, что власть, которую пользовался въ Финляндіи низложенный монархъ, перешла къ нему самому, обладающему всей полнотой власти и не имѣющему права расточать этой власти до созыва Учредительнаго Собранія. Иностранные юристы (проф. Эрхъ), напротивъ, убѣждали финляндцевъ въ возможности стать на такую точку зрѣнія, что связывающая обѣ страны власть монарха вообще исчезла, Россія и Финляндія стали „сосѣдними“ республиками, и опредѣленіе ихъ будущихъ отношеній должно быть сдѣлано совершенно заново, путемъ новаго договора. Уже отвѣчая на рѣчь генералъ-губернатора М. А. Стаховича при открытіи сейма, 29-го марта, тальманъ намекнулъ на эту точку зрѣнія въ словахъ: „Финляндія, такъ же, какъ и Россія, перестала быть монархической страной. Этотъ фактъ требуетъ, кромѣ установленія въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, новаго, болѣе демократическаго образа правленія, — также и опредѣленія государственнаго положенія нашей страны по отношенію къ Россіи на новыхъ началахъ“. Не рѣшаясь высказать этого взгляда полностью, финляндскіе политики сосредоточили свой верный бой съ русскимъ правительствомъ на вопросѣ о правахъ сената, точнѣе его „хозяйственнаго департамента“, которому финляндцы хотѣли передать права отвѣстнаго министерства и въ то же время по возможности всѣ

права, принадлежащая монарху в лице генерал-губернатора и непосредственно. Тщетно юридическая комиссия при временном правительстве доказывала делегатам противоречивость, с конституционной точки зрения, такого положения, при котором ответственные перед сеймом министры являются держателями власти, высшей, чем сам сейм. Финляндцы соглашались оставить за Россией (генерал-губернатором) лишь дела, касающиеся взаимных правовых отношений между Финляндией и Россией, а также дела, касающиеся российских граждан в Финляндии. Временное правительство соглашалось до Учредительного Собрания передать сенату лишь некоторые второстепенные дела. Спор затонул, финляндские делегаты уехали из Гельсингфорса в Петроград и обратно, то готовые к уступкам, то опять уперевшие, смотря по тому, как складывалось положение дел в России. Настроение портилось и в Финляндии. Сейм отложил в долгий ящик очередные законопроекты о правах русских граждан. 8 апреля социалист сенатор Токой (глава правительства) произнес в сейм декларацию, которая послужила своего рода сигналом. „Долг финляндцев“, говорил он, — „обеспечить в ближайшем будущем действительную независимость“. Свободная Россия является лишь „уважаемым соседом“, быть может, „высокоцивилизованным соседом“, но „свободный народ не должен терпеть порабощенных соседей и союзников“; „народам, которые доверили до способности самоопределения“ должен быть предоставлен „тот путь, по которому пойдет свободная Россия“, — путь не только „политической“, но и „социальной революции“. На другой день после речи Токой, в Гельсингфорсе и в Выборгской губернии одновременно стали отказываться брать русские деньги. За два дня, 6 апреля, Гельсингфорский совет депутатов армий, флота и рабочих заявил, что у него „никуда не пройдут предложения, что в Россию и в особенности в Финляндию проникли германские провокаторы, прекрасно говорящие по русски“, которые пытаются толкнуть русских на „насилие над финляндской собственностью“, чтобы тем „озлобить финский народ, который бы отказал нам в моральной и материальной поддержке на случай прихода или десанта германских военных сил“.

Этого прихода ждали после таяния льда, и вопрос, будут ли своевременно представлены минны заграждения, в течение нескольких недель был самым жгучим вопросом. Вопросы о независимости Финляндии и о германском десанте как-то всегда поднимались одновременно.

Коалиционное правительство пошло на широкие уступки финляндцам, переход которыми останавливалось правительство первого состава. Сенату решено было передать все дела, восходившие раньше к монарху (кроме, как предлагали и финляндцы, дела о правовых взаимоотношениях и о правах граждан). За собой временное правительство сохранило лишь право созыва и роспуска сейма, предоставив хозяйственному департаменту (т. е. правительству Финляндии) право законодательной инициативы, утверждения бюджета, издания административных распоряжений, созыва церковного собора, решения вопросов о новых правительственных учреждениях и обществах и, наконец, право помилования. Сенатор Токой (в речи 31 мая) снисходительно соглашался, что „атмосфера прояснилась“ и что остающийся разногласия — больше вопрос самолюбия, чем предмет серьезного спора. „Взаимное понимание достигнуто“, говорит он, „мы благодарны России за то, что она дала нам“. Но это только потому, что он понимает давнее, как признание „свободной, самостоятельной Финляндии“. „Мы не скрываем“,

заявляетъ онъ, „что конечная цѣль финляндцевъ—самостоятельность Финляндіи... Съ этой цѣлью мы действуемъ не тайно, а вполне открыто.“ Дѣйствительно, уже въ серединѣ мая (13) финляндская социалистическая делегація заявила голландско-скандинавскому комитету въ Стокгольмѣ, что финляндскій вопросъ долженъ разсматриваться, какъ вопросъ международный, и что „чувство благодарности“ къ „русскимъ революціоннымъ элементамъ“ „не можетъ избавить финляндскій народъ отъ возможно лучшаго обезпеченія своего собственнаго будущаго“, на случай, „если бы въ русской политикѣ возобладали націоналистическія или даже импералистическія теченія.“ На чрезвычайномъ партійномъ съѣздѣ финляндской социаль-демократіи въ началѣ іюня эта позиція была закреплена революціей, которая провозглашала принципы самостоятельной финляндской республики, настаивала на международныхъ гарантіяхъ и признавала недопустимымъ не только осуществленіе верховныхъ правъ Россіи въ области управленія, но и пребываніе русскихъ войскъ въ Финляндіи. Тою же говорилъ въ рѣчи 31-го мая, что финляндцы „не желаютъ воспользоваться нынѣшнимъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ находится временное правительство“. Но они именно это и дѣлали. И въ моментъ, когда выяснилось съ несомнѣнностью слабость коалиціоннаго правительства, въ концѣ концовъ, финляндскіе социалисты сдѣлали дальнѣйшій шагъ къ своей „конечной цѣли“. Выisto проекта „расширенія правъ сената“, внесеннаго правительствомъ, какъ мы видѣли, по согласію съ финляндцами, — проекта, дѣлавшаго имъ широкія уступки, — поступилъ 26-го іюня изъ коммисіи основныхъ законовъ выработанный въ глубокой тайнѣ законопроектъ о созданіи „по постановленію сейма“, высшей государственной власти въ Финляндіи. По этому проекту „сеймъ окончательно рѣшаетъ всѣ дѣла, рѣшавшіеся ранѣе императоромъ“, за исключеніемъ дѣлъ вышней политики и военныхъ. О генералъ-губернаторѣ уже вовсе не упоминается. Тщетно представляли буржуазныхъ партій протестовали противъ проекта при его обсужденіи въ сеймѣ.

Агитація въ Балтійскомъ флотѣ и Кронштадтѣ.

Параллельно съ сепаратистскимъ движеніемъ, въ Финляндіи развивалась планомерная агитація среди матросовъ Балтійскаго флота, главнымъ образомъ въ Свеаборгѣ, и среди воинскихъ частей, стоявшихъ въ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Або. Въ безпорядкахъ, разыгравшихся здѣсь въ первые дни революціи, замѣтна была направляющая рука. Пользуясь раздраженіемъ солдатъ и матросовъ противъ офицеровъ, закусисные руководители направили ненависть противъ лучшей части команднаго состава. Офицеровъ убивали по списку, и въ результатѣ флотъ сразу лишился наиболѣе талантливыхъ и знающихъ техниковъ. Мѣсто убитаго адмирала Непенина занялъ Максимовъ, человѣкъ безхарактерный и въ то же время склонный удовлетворять свое честолюбіе пріемами самой беззастѣнливой демагогіи. При Максимовѣ былъ восстановленъ во флотѣ нѣкоторый вышній порядокъ, но, по существу, флотъ потерялъ значительную часть боепособности. Въ то же время онъ сдѣлался средоточіемъ большевистской пропаганды, и нѣкоторые крупныя единицы флота стали настоящими цитаделями большевизма. Правда, большевикамъ не удалось перебросить заразу на южную базу флота, въ Ревель, гдѣ стояла мнѣная эскадра нашего флота. Но зато ихъ легкой добычей сдѣлался Кронштадтъ. Здѣсь, въ нашей морской базѣ и подъ самой нашей столицей, пропаганда большевиковъ пошла очень успѣшно. Довольно быстро они приобрѣли въ мѣстномъ совѣтѣ р. и с. д., если не чи-

саенный перевѣсъ, то преобладающее вліяніе, благодаря демагогическимъ приѣмамъ, небольшой кучки агитаторовъ, во главѣ которой выдвинулись студентъ-психоневрологъ, товарищъ (или „докторъ“) Рошаль, и студентъ технологъ Ламановъ. Не довольствуясь простымъ фактическимъ господствомъ, кронштадтскій совѣтъ р. и с. д., подъ вліяніемъ проповѣди Троцкаго и Дунаевскаго, рѣшился на болѣе смѣлый экспериментъ. 17-го мая, большинствомъ 216 голосовъ противъ 40, при 18-ти воздержавшихся, кронштадтскій совѣтъ постановилъ взять въ свои руки фактическую власть, замѣнить всѣхъ представителей временнаго правительства въ Кронштадтѣ своими, а съ остальной Россіей и съ Петроградомъ сноситься непосредственно черезъ петроградскій совѣтъ р. и с. д. Такой прямой вызовъ не могъ остаться безъ противоѣдствія со стороны правительства. Но противоѣдствіе это, согласно общей тактикѣ правительствъ, выразилось въ самой легкой словесной формѣ. Въ Кронштадтѣ отпразднись 24-го мая министры социальсты, Церетели и Скобелевъ, говорили съ исполнительнымъ комитетомъ, потомъ съ совѣтомъ р. и с. д., наконецъ, съ параднымъ митингомъ на площади, — и въ результатѣ добились согласительной резолюціи совѣта. Совѣтъ заявлялъ, что онъ будетъ стремиться къ осуществленію большевистскаго догмата, „чтобы революціонная демократія создала новую организацію власти, передавъ всю власть въ руки совѣта р. и с. д.“ „Но пока это не достигнуто“, „путемъ идіального воздѣйствія на мнѣніе большинства демократіи“, и пока это большинство „поддерживаетъ нынѣшнее временное правительство“, кронштадтскій совѣтъ соглашался „признать это правительство и считать его распоряженія и законы столько же распространяющимися на Кронштадтъ, какъ и на всѣ остальные части Россіи“. Однако же, какъ только министры уѣхали изъ Кронштадта и эта резолюція была опубликована, такъ на слѣдующій же день, 25-го мая, лѣвые элементы вызвали новыя волненія. Толпа въ 3000 матросовъ и солдатъ собралась на обыкновенномъ мѣстѣ митинговъ, на Якорной площади, и потребовала отъ совѣта, чтобы онъ взялъ обратно свое рѣшеніе и въ категорической формѣ объявилъ о своемъ неподчиненіи правительству. Уступая давленію, совѣтъ телеграфировалъ кн. Львову, что резолюція 24-го мая есть, въ сущности, лишь „отвѣтъ на вопросы министровъ Церетели и Скобелева... и ничто болѣе“, такъ какъ совѣтъ „остается на точкѣ зрѣнія резолюціи 16-го мая и разъясненія къ ней отъ 21-го мая, что единственной мѣстной властью въ городѣ Кронштадтѣ является совѣтъ р. и с. д.

Это было уже слишкомъ даже и для коалиціоннаго правительства. По предложенію Церетели, петроградскій совѣтъ постановилъ, что „отказъ кронштадтскаго совѣта признавать власть временнаго правительства означаетъ отпаденіе отъ революціонной демократіи“ и „является ударомъ для революціи“. При этомъ случаѣ совѣтъ подхлнулъ вопросъ о заключенныхъ въ Кронштадтѣ офицерахъ, признавая ихъ содержаніе, безъ обвиненія и суда, „въ худшемъ изъ парижскихъ казематовъ—актомъ недостойной мести и расправы, позорящимъ революцію“. Совѣтъ „требовалъ отъ всѣхъ кронштадтцевъ безпрекословнаго исполненія всѣхъ предписаній временнаго правительства, а правительство, получивъ это постановленіе совѣта, рѣшилось въ вочномъ засѣданіи 26-го мая повторить его дословно и „предписать командующему флотомъ Балтійскаго моря вынести безъ замедленія изъ Кронштадта всѣ учебныя суда для лѣтнихъ учебныхъ занятій.“ Однако, временное правительство, въ видѣ компромисса, утвердило своимъ новымъ комиссаромъ избраннаго кронштадтскимъ совѣтомъ р. и с. д., Ф. Я. Парчевскаго, вѣсто отчаивавшагося члена Думы Пепеляева. Съ своей стороны предсѣдатель исп. комитета Ламановъ, исполняя требованіе

временнаго правительства, донесъ о состояніи отправляющихся изъ Кронштадта учебныхъ судовъ. 7-го юнія начала свои дѣйствія петроградская судѣбная комиссія о заключенныхъ въ тюрьмахъ офицерахъ, ужасное положеніе которыхъ было засвидѣтельствовано поистиннѣйшіи кронштадтскіе казематы англичаниномъ Р. К. Лонгомъ („Рѣчь“, 27-го мая).

Примиреніе оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, и на этотъ разъ непрочнымъ. Пораженіе большевиковъ въ Кронштадтѣ вызвало съ ихъ стороны только новыя усилія пропаганды. Гельсингфорскій исп. комитетъ совѣта депутатовъ арміи, флота и рабочихъ резолюціей 15-го юнія одобрилъ „тактику революціоннаго Кронштадта“ и „призналъ, что, высказывая свое отношеніе къ врем. правительству, кронштадтскій совѣтъ осуществилъ этимъ свое право, принадлежащее всякому органу революціонной демократіи“. Осуждая на этомъ освѣщеніи резолюцію петроградскаго комитета и требуя „немедленнаго пересмотра ея“, гельсингфорскій совѣтъ „призналъ Кронштадтъ передовымъ отрядомъ російской революціонной демократіи“ и рѣшилъ „оказать ему поддержку“.

Кронштадтъ, дѣйствительно, исполнѣ оправдывалъ это названіе „передового отряда“. Укрѣпившись въ Кронштадтѣ, большевики широко разбросали по Россіи сѣть большевистской пропаганды при помощи надлежащимъ образомъ обученныхъ агитаторовъ. Кронштадтскіе эмиссары посылались и на фронтъ, гдѣ подкапывали дисциплину, и въ тылъ, въ деревни, гдѣ вызвали погромы и бѣдноту. Кронштадтскій совѣтъ выдавалъ эмиссарамъ особыя свидѣтельства: „N. N. посланъ въ свою губернію для присутствія съ правомъ рѣшающаго голоса въ уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ комитетахъ, а также выступать на митингахъ и созывать митинги, по своему усмотрѣнію въ любомъ мѣстѣ,“ съ „правомъ ношенія оружія, свободнаго и бесплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ.“ При этомъ „неприкосновенность личности означеннаго агитатора гарантируется совѣтомъ р. и с. д. города Кронштадта.“ Такой агитаторъ изъ Кронштадта выступалъ, напримѣръ, 25-го мая въ Воронежѣ, требуя немедленнаго прекращенія войны и сверженія врем. правительства. Въ Тамбовской губ., въ Трескинской волости, Кирсановскаго уѣзда, такой же агитаторъ съ „удовѣреніемъ“, призывавшій къ захвату земель, былъ арестованъ крестьянами, по, выкупленный въ Кирсановѣ, вернулся вторично, послѣ чего вторично арестовать крестьяне его уже не рѣшились.

Агитація въ Черноморскомъ флотѣ.

Наиболѣе яркимъ и серьезнымъ случаемъ было перенесеніе пропаганды изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій при посредствѣ делегаціи большевиковъ, прѣхавшихъ изъ Кронштадта, Гельсингфорса и Або. При управленіи популярнаго адмирала Колчака, Черноморскій флотъ, одушевленный желаніемъ сыграть активную роль въ войнѣ и мечтавшій о походѣ на Константинополь, въ теченіе всего марта и апрѣля уберегся отъ разложенія. Мало того, когда вернувшійся изъ Пскова, съ совѣщанія главнокомандующихъ, адм. Колчакъ разсказалъ 23 апрѣля офицерамъ и командѣ о неспособности Балтійскаго флота, объ опасности полнаго распада нашихъ вооруженныхъ силъ, то его сообщеніе вызвало большой подъемъ среди черноморскихъ моряковъ и привело 29 апрѣля къ рѣшенію—послать въ Петроградъ и на фронтъ особую черноморскую делегацію, въ составѣ не меньше 300 человекъ, съ цѣлю протидѣйствовать агитаціи большевиковъ. Но какъ разъ отбылъ изъ Севастополя этотъ наиболѣе разумныхъ, добросовѣстныхъ и

владѣвшихъ даромъ слова людей сыграли роковую роль въ дальнейшей судьбѣ Черноморскаго флота. Послѣ ихъ отбыда среди матросовъ началась агитація. Вопреки волѣ адм. Колчака, исп. комитетъ уже 10 мая арестовалъ помощника командующаго портомъ ген. Петрова. Адм. Колчакъ подалъ въ отставку (16 мая), но, поддержанный находившимися тогда въ Одессѣ А. Ф. Керенскимъ, взялъ ее обратно. По требованію правительства, Петровъ былъ освобожденъ. Но вскорѣ послѣ этого возникъ другой поводъ для конфликта: миноносецъ „Жаркій“ отказался выйти въ море, а затѣмъ и удалитъ, въ самой грубой формѣ, своего командира. Вывозные были переданы военному суду, но это создало благопріятную почву для агитаціи противъ самого адмирала. Достаточно было прибытія пяти упомянутыхъ выше агитаторовъ съ удостовереніями совѣта с. и р. д., чтобы агитація эта возымѣла полный успѣхъ. На собраніяхъ и митингахъ указывалось, что Черноморскій флотъ ничего не сдѣлалъ для революціи, что команда дружить съ офицерами, что мѣстный исполнительный комитетъ—простое отдѣленіе штаба адм. Колчака. Тутъ же было постановлено арестовать офицеровъ; четверо изъ нихъ и были обысканы и арестованы, какъ „приверженцы стараго режима“. Комитетъ не рѣшался бороться съ митингами и плелся въ хвостѣ. Въ результатѣ, на митингѣ съ бѣлыми агитаторами рѣшено было отобрать оружіе у всѣхъ офицеровъ, а потомъ арестовать самого Колчака и начальника его штаба Смирнова.

„Хотя Колчакъ и является авторитетомъ въ военно-морскомъ дѣлѣ“, говорили одинъ изъ митинговыхъ ораторовъ, „но намъ такіе не нужны. Во главѣ флота долженъ стоять хоть прапорщикъ, который бы исполнялъ все, чего желаютъ матросы“. Получивъ довѣреніе Колчака, вр. правительство въ ночномъ засѣданіи 6-го іюня рѣшило: 1) требовать „немедленнаго подчиненія Черноморскаго флота законной власти“, 2) „адмиралу Колчаку и Смирнову, допустившимъ явный бунтъ, приказатъ немедленно выѣхать въ Петроградъ для личнаго доклада“ и 3) „всѣми мѣрами водворитъ въ Червомъ морѣ порядокъ, подчиненіе закону и воинскому долгу, возвратитъ оружіе офицерамъ....., восстановитъ дѣятельность должностныхъ лицъ“,..... „не подчиняющихся немедленно арестовать, какъ извѣданныхъ отечеству и революціи и предать суду“, доведя объ исполненіи въ 24 часа. Телеграмма правительства была прочтена въ делегатскомъ собраніи и передъ 15-ти тысячнымъ митингомъ. Рѣшено было подчиняться требованіямъ правительства, но протестовать противъ квалификаціи дѣйствія „военнымъ бунтомъ“ и требовать привлеченія къ отвѣтственности тѣхъ лицъ, которые неправильно освѣтили передъ вр. правительствомъ событія въ Севастополѣ.

Адмиралъ Колчакъ на этотъ разъ окончательно вышелъ въ отставку. Какъ бы взгляднымъ посвѣщеніемъ того, что значилъ этотъ уходъ для Черноморскаго флота, явился выходъ въ Черное море, черезъ 5 дней послѣ отбыда Колчака, крейсера „Вреслау“. Со времени 21-го іюня 1916 г., когда „Гебень“ и „Вреслау“ напали на Туансе и Сочи, и 8-го іюля, когда „Вреслау“ пытался напасть на Новороссійскъ, но былъ загнанъ въ Босфоръ судами недавно вступившаго тогда въ управленіе адм. Колчака, въ теченіе 11 мѣсяцевъ нашъ флотъ безусловно командовалъ въ Черномъ морѣ, и на одна подводная лодка не рѣшалась болѣе въ немъ показаться. Теперь „Вреслау“ напалъ на нашу радиоставцію на островѣ Фидониси, разрушилъ ее и забралъ плѣнныхъ; турки поставили мины загражденія, на которыхъ нѣсколько дней спустя погибъ миноносецъ „Лейтенантъ Захаренный“. „Колчакъ ушелъ, Вреслау пришелъ“, такъ сформулировалъ послѣ-

довательность событий один петроградскій листокъ. Нѣсколько дней спустя, 20-го іюня, правительственное сообщеніе подтверждало, что „дѣятельность противника (на моряхъ) становится съ каждымъ днемъ все болѣе энергичной и причиняетъ все больше и больше вреда... Непріятель, очевидно, возлагаетъ надежду на то, что революція ослабила боевую мощь флота и внесла дезорганизацию въ его строй, порадоуетъ и въ укладѣ боевой жизни“.

Кры м ъ.

Ослабленіе русской мощи на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ не могло не отразиться на настроеніи прилегающихъ къ нимъ нерусскихъ народностей. Одновременно съ настроеніемъ финляндцевъ обострилось и выливалось въ болѣе опредѣленныя формы также и настроеніе эстонцевъ, латышей, литовцевъ. Крымскіе татары—и вообще мусульмане Россіи—долге другихъ сохраняли полную лояльность. Мусульманскій исполнительный комитетъ еще 6-го мая опубликовалъ слѣдующее заявленіе. „Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о томъ, что мусульманское населеніе Крыма требуетъ автономіи Крыма. Временный Крымско-мусульманскій комитетъ, стоящій нынѣ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ политическо-національных духовныхъ организацій, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ это извѣстіе“. Комитетъ при этомъ противопоставляетъ, однако, свою позицію обще-мусульманской. По словамъ председателя его, Таврическаго муфтия Гелебіева, обще-мусульманскій комитетъ 21-го апрѣля „опредѣляетъ свою политическую физиономію и будетъ добиваться установленія въ Россіи демократическаго республиканскаго строя на національныхъ федеративныхъ началахъ. Идея же объ автономіи Крыма, какъ не имѣющая подъ собой никакой почвы, комитетомъ совершенно не обсуждалась“. Выступленіе „Бреслау“ дало „почву“ автономистическимъ стремленіямъ Крыма, что и сказалось прежде всего въ измѣнившемся настроеніи крымскихъ мусульманъ по отношенію къ Россіи. Впрочемъ, обнаружилась эта перемѣна, уже тогда происшедшая, значительно позднѣе.

У к р а и н а.

Особенно сильно развернулось въ описываемый промежутокъ времени сепаратистское движеніе Украины. Въ намѣреніе нашихъ враговъ давно, еще до русской революціи, входило раздуть украинскій сепаратизмъ, чтобы, въ худшемъ случаѣ, создать русской арміи новыя затрудненія въ тылу, а въ лучшемъ подготовить себѣ союзниковъ, если удастся перенести театръ военныхъ операцій на русскій югъ, и даже создать возможность отдѣленія Украины отъ Россіи, въ случаѣ удачнаго исхода этихъ операцій*). Для этихъ цѣлей работалъ созданный еще при царскомъ режимѣ, въ самомъ началѣ войны, „союзъ освобожденія Украины“, во главѣ котораго стояли Скоропис-Іоштуховскій и Мелевскій, а членами котораго состояли Андрей Жукъ и Владиміръ Дорошенко. Въ отвѣтъ на печатныя обвиненія русскаго генеральнаго штаба, Скоропис-Іоштуховскій напечаталъ въ Стокгольмѣ брошюру: „Что же такое Совѣтъ освобожденія Украины“, въ которой за-

*) Этотъ планъ совершенно опредѣленно развивался въ брошюрахъ Цегельскаго и Цевикаго.

являеть, что идея союза „народилась въ некоторыхъ эмигрантскихъ кругахъ за-границей задолго до возникновенія войны“. Скорописъ-Юлтуховскій признаеть въ этой брошюрѣ, что „союзъ ваялъ враждебное отношеніе къ Россіи, возлагая свои надежды на военный разгромъ царской Россіи арміями центральныхъ государствъ“. Онъ признаеть и то, что союзъ „провозгласилъ, кромѣ того, желательность занятія Украины войсками враждебныхъ Россіи державъ“, съ цѣлью „достиженія національной независимости путемъ первоначальной оккупации центральными государствами“. Наконецъ, авторъ брошюры вполне признаеть и то, что „союзъ освобожденія Украины“ не только собиралъ на недѣніе своей работы нелегальные трудовые гроши среди разореннаго украинскаго населенія Галиции и Буковны, а также оккупированныхъ областей, и среди нашихъ ильннихъ, какъ тѣхъ и въ Америкѣ, но онъ принималъ также всякую матеріальную поддержку отъ друзей украинскаго народа, принадлежащихъ по національности къ врагамъ Россіи*).

Волѣе подробныя свѣдѣнія о „союзѣ“ получаемъ изъ интереснаго показанія близко стоявшаго къ „союзу“ г. Влад. Степанковскаго, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей украинской эмиграціи. Показаніе это дано русскимъ военнымъ властямъ въ августѣ 1917 г., при возвращеніи Степанковскаго въ Россію. „Идея организаціи союза,—разсказываетъ Степанковскій,—принадлежитъ Австріи; онъ былъ созданъ еще въ первыхъ числахъ августа 1914 г. Тогда онъ еще не имѣлъ своей задачей пропаганды среди нашихъ военнопленныхъ, а имѣлъ въ виду слѣдовать въ оккупированныя австрійскими войсками части Украины имѣть съ галицкими организаціями и нести тамъ работу по сближенію съ русской Украиной. Въ этотъ союзъ вошли названные выше лица, Дмитрій Донцовъ и Николай Залезнякъ. Въ то же время я тоже проживалъ во Львовѣ, но отказался войти въ союзъ, такъ какъ ясно видно было, что австрійское правительство желаетъ воспользоваться союзомъ въ своихъ цѣляхъ, чему имѣлись доказательства. Кромѣ того, Скорписъ-Юлтуховскій, Жукъ и Меленевскій въ качественномъ отношеніи были уже извѣстны съ самой отрицательной стороны, въ особенности же послѣдній. Дорошенко попалъ въ союзъ, какъ я думаю, по наивности, но, разъ попавъ туда, не сумѣлъ выбраться. Донцовъ и Залезнякъ нескорѣ вышли изъ союза, когда была установлена связь Жука и Меленевскаго съ австрійскимъ правительствомъ. Донцовъ дѣйствительно германофилъ, по это дѣло его убѣжденій; однако, онъ человекъ честный. Что касается Залезняка, то онъ былъ австрофиломъ, но затѣмъ, со времени революціи, искренно измѣнилъ свои взгляды и стоитъ на русской оріентаціи..... Надежды Австріи на оккупацию русской Украины не оправдались, русскія войска наступили въ Галицію. Тогда весь союзъ вытѣхалъ въ Вѣну..... Здѣсь произошелъ большой переломъ въ настроеніи. Всѣмъ стало очевидно, что австрійскія мечтанія о созданіи Украины подъ австрійскимъ владычествомъ остались мыльнымъ пузыремъ. Донцовъ и Залезнякъ вышли изъ союза, а другіе порвали связь съ галицкими организаціями и еще тѣснѣе связались съ австрійскимъ правительствомъ. Съ этого времени украинское движеніе перестало интересоваться Австрію, такъ какъ вся Галиція оказалась занята Россіей (это признають и авто-

*) Брошюра подписана „членами президіума союза освобожденія Украины, М. Меленевскимъ и А. Скорписъ-Юлтуховскимъ“ и датирована 25 октября и. ст. 1917 г. въ Стокгольмѣ.

ры стоикольской брошюры). Тогда союзом воспользовались, как оружием для боевых предприятий, ничего общего с Украиной не имевших. Голтуховский, Меленевский, Жук и Дорошенко занялись шпионажем и разными поручениями австрийского правительства, как, напр., посылкой агентов в Россию, Румынию, Болгарию и Турцию (брошюра, конечно, ставить в связь все эти „миссии“ с пропагандой украинского освобождения). Тем временем возникла мысль о выделении из общей массы плынных украинцев. Я точно сказать не могу, явилось ли это мыслью галицийских украинцев или правительства (Меленевский и Скоропис несколько уклончиво утверждают, что „инициатива культурной помощи нашим военно-пленным принадлежала исключительно союзу..... и добиться согласия властей на широкую организацию этой помощи.... стоило многих усилий“). Украинцев стали выдвигать в отдельный лагерь Фрейштадт, в Австрии, и дело пропаганды было передано союзу. Это совпало с тем временем, когда Германия накладывала свою руку на все австрийские предприятия. Нимцы взяли союз в свои руки, и он продолжал функционировать еще некоторое время в Австрии уже под руководством немцев. Сначала австрийцы не знали, что союз работает с немцами. Когда австрийское правительство убдилось в этом, то еще больше охладило к деятелям союза, и последний постепенно перенес свою деятельность в Берлин и вступил на полное вживание в Германию. Германия, по примеру Австрии, ршила выдвигать украинцев в особые лагеря и пустила туда союз для пропаганды идеи полного отделения Украины от России, как „самостоятельного государства, входящего в состав центральных держав“. Посещение Берлина в начал июля 1917 г. и беседы с политическими деятелями и публицистами убдили Степанковского в том, что, собственно, по этому вопросу существуют в Германии три группы. Одна, во главѣ с внакомом России, проф. Höttsch'em (автором еженедельных обзоров в Kreuzzeitung), считает, что украинское движение есть „семейное дело России“ и раздувать его вредно для Германии. Другая, близкая к министерству иностранных дел, полагает достаточным для настоящего момента достижение Украиной автономии. И, наконец, третья группа, „представленная генеральным штабом“, „стремится к созданию самостоятельной Украины под немецким контролем“. Эта группа пользуется содйствием „союза вольности Украины“ для агитации в печати против более умеренного разрешения украинского вопроса.

Что касается пропаганды среди военно-пленных украинцев, она началась еще весной 1915 года, когда все плынные „малороссы“, соглашавшиеся признать себя „украинцами“, были сосредоточены в лагерь Раштадт. В этом лагерь велись систематические лекции; одним из лекторов являлся австрийский проф. Бензало, рисовавший перед слушателями картину вольного казачества и призывавший к свержению ненавистного ига Москвитин. В начал 1916 г. из подготовленных таким образом военно-пленных были сформированы „1-ий сичевой Тараса Шевченко полк“, одетый в „национальные“ „жуваны“. К началу 1917 г. этот полк состоял из 8 сотен, примерно по 200 человек в каждой. Вообще же все украинцы Раштадтского лагеря были к этому времени расписаны на четыре категории, соответственно успху пропаганды: 1) „сичевики“—до 1500 человек, наиболее распропагандированные; 2) „дуристы“—

до 3000 человек, сочувствовавших пропаганде, но еще недостаточно подготовленных; 3) „продвигатели“—большинство пленных, сохранявшие нейтралитет по отношению к пропаганде и, наконец, 4) „противники“,—до 6000 чел., решительно борющиеся с пропагандой и за это назначавшиеся на самые тяжелые работы, подвергавшиеся суровому режиму и жестоким наказаниям.

В конце декабря 1916 г. партия из 24 пленных, во главе с германским капитаном Козак, была отправлена на Волынь, с целью пропаганды. Из обнаруженного нашей разведкой дела прав. Ермоленко видно, что переброской агентов занималась „украинская секция“ германской разведки, нивелируя вездѣ на мѣстах вполне организованную сеть посредников и сотрудников.

Съ началомъ революціи всѣ эти приготовления получили, естественно, новое и особенно важное значеніе. Ближайшей целью пропаганды стало, какъ это констатировано въ случаѣ съ Ермоленко, „скорѣйшее заключеніе мира“ съ Германіей. Но рядомъ съ этимъ новый смыслъ получила и поддержка сепаратистскаго движенія. Для того и другого Германія стала выпускать, подъ видомъ обвиняемыхъ внавалѣ, совершенно здоровыхъ украинскіхъ солдатъ. Перебрались поблже къ Россіи, въ Стокгольмъ, и вожди „союза освобожденія Украины“, Іолтуховскій и Меленевскій. Оба они обратились къ временному правительству съ ходатайствомъ разрѣшить имъ вернуться на Украину, явившая при этомъ правительству, что съ момента возникновенія революціи въ Россіи и паденія царизма союзъ освобожденія Украины рѣшилъ прекратить свою самостоятельную дѣятельность за границей, призывая, что единственно правомочно теперь говорить отъ имени украинскаго народа, какъ на Украинѣ, такъ и вѣдѣя, —Центральная Украинская Рада (цитированная брошюра).

Куда ли, однако, это заявленіе было вполне искренно. Цель переселенія обомъ дѣятелей на Украину, конечно, заключалась въ перенесеніи сюда дѣятельности „союза“. По крайней мѣрѣ, Степанковскій, въ разговорѣ съ фонъ-Бергеномъ, чиновникомъ германскаго министерства иностр. дѣлъ, выяснилъ (начало іюля 1917 г.), что уже существуетъ кака-то „тайная организація въ Полтавѣ“, соперничающая во вліяніи съ Центральной Радой.“ Въ Стокгольмѣ я узналъ“, продолжаетъ Степанковскій, „что существуетъ новая организація, нивѣющая непосредственное отношеніе къ „союзу освобожденія“, и что она называется „Возрожденіе“ („Відродженія“). Свѣдѣнія ограничили тѣмъ, что эта организація проявляется во Львовѣ, гдѣ ведетъ издательскую дѣятельность. Еще равнѣе, въ Швейцаріи, я получалъ свѣдѣнія объ Іолтуховскомъ, что онъ организуетъ на Украинѣ свою группу подъ упомянутымъ названіемъ. Основывался на этихъ свѣдѣніяхъ“, заключаетъ Степанковскій, „я приношу къ убѣжденію, что Іолтуховскій, съ вѣдома германскаго штаба, организуетъ въ своихъ цѣляхъ группу въ Полтавѣ или гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ... Еще до войны Меленевскій былъ знакомъ хорошо съ Парвусомъ, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій и съ отходомъ австрійскіхъ войскъ изъ Галиціи работалъ съ нимъ въ Турціи по присылкѣ агентовъ для центральныхъ державъ, занимался и другими темными дѣлами. Те-

*) „Мой собесѣдникъ (фонъ-Бергенъ) спросилъ меня“, рассказываетъ Степанковскій, „кто пользуется Большимъ вліяніемъ, Рада или же тайная организація въ Полтавѣ... Я... отътилъ, что, по моему мнѣнію, Большимъ авторитетомъ пользуется Рада“.

перь, конечно, связь Меланевскаго съ Парубомъ, а затѣмъ и съ Ганецкимъ-Фюрстенбергомъ должна продолжаться; такъ какъ Ганецкій находится въ Стогодынь, то нужно думать, что всѣ они работаютъ выхвѣтъ*.

Въ Россіи, правда, всѣ эти ливно-германскія усилія встрѣтили вначалѣ отпоръ, и нѣжное украинское движеніе формально отъ нихъ отгородилось. Первоначальная задача и нѣстнаго движенія, по формулировкѣ наскоро сложившагося петроградскаго украинскаго комитета, были весьма умѣренны и не шли дальше требованій, удовлетворяющихъ реальной потребности культурнаго самоопредѣленія. Временное правительство первого состава охотно пошло навстрѣчу этимъ стремленіямъ, назначивъ попечителемъ Кіевскаго округа извѣстнаго украинскаго дѣятеля, Н. П. Василенко. Но изъ Кіева шли болѣе широкія требованія, исходившія изъ готованаго плана національно-территориальнаго обособленія Украины въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Вдохновителемъ этихъ стремленій являлся „батько“ М. С. Грушевскій, пріобрѣтшій опытность въ національной борьбѣ на почвѣ австро-славянской, въ Галиціи, и теперь примѣнившій къ борьбѣ съ петроградскими „централистами“ тѣ непрямые и гибкіе приемы, которые были испытаны въ борьбѣ съ Вѣной.

По сообщенію самого М. С. Грушевскаго, въ новомъ изданіи его „Исторіи Украины“**), еще за годъ до войны образовался союзъ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ „руководящую роль играли украинскіе представители“. Кромя того, еще раньше существовала группа „товариство украинскихъ поступовцевъ“ (Т. У. П.), которая съ 1912 г. вела сношенія съ прогрессивными русскими партіями, съ думскими фракціями трудящихся и партіей народной свободы. После революціи, по словамъ того же Грушевскаго, „украинскіе поступовцы“, „выйдя изъ стадіи своего тайнаго существованія, взяли на себя въ первыхъ числахъ марта, инициативу созданія національнаго органа въ Кіевѣ. По соглашенію съ разными кіевскими группами и кружками, такой органъ и образовался, подъ названіемъ Украинской Центральной Рады, изъ представителей партійныхъ группъ, кооперативцевъ, рабочихъ, военныхъ, культурныхъ и профессиональныхъ организаций, для организаціи украинскаго гражданства независимо отъ партійныхъ и групповыхъ разногласій, съ цѣлью достиженія широкой національной и „территориальной автономіи въ російской федеративной республикѣ“.

„Первыя извѣстія объ основаніи въ Кіевѣ Центральной Рады“, говоритъ далѣе Грушевскій, „дали сильный толчокъ организаціи провинціальныхъ группъ, которыя являлись П. Радѣ, что признають ее своимъ высшимъ органомъ, временнымъ украинскимъ національнымъ правительствомъ („тимчасовимъ українськимъ національнимъ урядомъ“), и просятъ принять ихъ представителей и дать указанія относительно нѣстной работы. Чтобы выяснитъ размѣры массоваго украинскаго самосознанія, П. Рада назначила на 19 марта манифестацію и показала открыто, что украинство вовсе не является принадлежностью какого-либо интеллигентскаго кружка, а дѣйствительно широко проникло въ массы. На митингѣ во время этой манифестаціи приняты были принципиальныя постановленія: что автономный строй долженъ быть введенъ на Украинѣ немедленно и затѣмъ представленъ на утвержденіе російскаго учредительнаго собранія; временное російское правительство должно немедленно издать декларацію съ признаніемъ необходимости

*) См. „Ілюстрована Історія України“. Сорокъ восьма тысяча, Київ, 1918, стр. 536, 543

широкой автономии Украины, чтобы связать интересы украинского народа с интересами нового строя".

За этой манифестацией последовали съезды: рядъ ихъ открылся на Благовѣщеніе (25 марта) съездомъ „Т. У. П.“, который принялъ названіе союза автономистовъ-федералистовъ. Потомъ, на Великденъ, открылся съездъ учительскій, а 6—8 квітня (апрѣля)—украинскій національный съездъ, созданный Ц. Радой для производства новыхъ выборовъ, которые дали бы ей характеръ правильного представительства всего организованнаго украинскаго народа и подтвердили бы его политическую платформу. Двери съезда были широко открыты и дана возможность принять въ немъ участіе всякимъ объединеніямъ, организаціямъ и учрежденіямъ, которыя признаютъ себя за украинскія.... Собралось около 900 представителей съ полномочными издателями; очень много крестьянъ и солдатъ..... Новая Ц. Рада составилаь изъ представителей отъ территорий (губерній), отъ организацій военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ, отъ партій и обществъ культурныхъ и профессиональных. Платформа этой организаціи сначала была чисто-политической: національно-территориальная автономія Украины въ федеративной російской республикѣ. Намѣренно были устранены другіе пункты, которые могли бы вызывать разногласія между представителями партій и группъ. Но, мѣсяць спустя, Ц. Рада признала невозможнымъ исключить изъ своей программы вопросы экономической политики, имѣя въ виду планы экономической централизаціи, выставленные російскимъ вѣдом. правительствомъ. Рѣшено было принять въ программу защиту экономическихъ интересовъ края и его трудящагося народа. Пополненіе Рады представительствомъ рабочихъ массы, произведенное въ началѣ червня (мая), придало ей, въ концѣ концовъ, явную социалистическую фисіономію, сдѣлало ее органомъ трудящейся демократіи и сверхъ требованій политическихъ поставило на твердую основу требованія экономическо-соціалистическія“.

Несомнѣнно, въ этой эволюціи Рады, очерченной здѣсь однимъ изъ вліятельнѣйшихъ ея руководителей, первоначальная инициативная группа, организовавшая первые національныя демонстраціи, была оттѣснена на второй планъ. Роль самого М. С. Грушевскаго изъ вліятельной мало-по-малу превратилась просто въ почетную. Рада сдѣлалась сама ареной борьбы за вліяніе крайнихъ теченій. Сепаратисты „союза возрожденія“ получили при этомъ возможность оказывать все болѣе значительное воздѣйствіе на настроеніе и на направленіе работъ Рады.

Полная побѣда этого крайняго вліянія была, однако же, въ описываемое здѣсь время, еще въ будущемъ. Въ настоящемъ Рада выступила, прежде всего, съ требованіями политическими и притомъ выраженными въ сравнительно умирѣнной и сдержанной формѣ. Въ маѣ временное правительство получило отъ Рады пожеланія, чтобы 1) былъ изданъ особый правительственный актъ съ принципиальнымъ признаніемъ автономіи Укранны, 2) немедленно были выдѣлены въ особую административную единицу 12 губерній съ украинскимъ населеніемъ и переданы въ управленіе краевого совѣта, 3) чтобы при вѣд. правительствѣ былъ установленъ особый комиссаръ по дѣламъ Украинъ и 4) чтобы было учреждено особое украинское войско. Требованія эти, вызывавшія серьезныя возраженія въ правительствѣ перваго состава, встрѣтили вначалѣ серьезныя возраженія и въ средѣ коалиціоннаго правительства. Принципіальное признаніе автономіи Украины являлось несомнѣннымъ предубѣжденіемъ или Учредительнаго Собранія, но опре-

дѣлало одну изъ основныхъ чертъ будущаго строя Россіи: несомнѣнно, что вслѣдъ за признаніемъ автономіи Украины потребовали бы такого же признанія и другія народности. Затѣмъ Центральная Рада, не вышедшая изъ всенароднаго избранія и представлявшая только одно изъ теченій украинства, не являлась достаточно компетентнымъ органомъ для выраженія воли всего украинскаго народа и не представляла вовсе не-украинскихъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія выдѣленіе 12-ти губерній въ составъ территоріи будущей Украины являлось предрѣшеніемъ воли мѣстнаго населенія, украинскаго и не-украинскаго. Созданіе комиссара Украины при вр. правительствѣ предрѣшало тѣмъ автономіи, который должна была получить Украина, а, слѣдовательно, быть можетъ, и остальныхъ территорій Россіи. Такимъ предрѣшеніемъ было и выдѣленіе данной территоріи по національному, а не по территоріальному признаку. Наконецъ, хотя уже А. И. Гучковъ разрѣшилъ въ частномъ случаѣ формированіе украинскихъ войскъ, но и онъ, и А. Ф. Керенскій не считали, что этотъ частный случай предрѣшаетъ созданіе національных армій вообще, ибо и это было бы приближеніемъ формы автономіи къ формѣ государственной независимости. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, послѣ доклада товарища министра внутр. дѣлъ Д. М. Щепкина, председательствовавшего по данному вопросу въ особомъ совѣщаніи, временному правительству, въ первыхъ числахъ іюня было постановлено признать національныя особенности и своеобразныя условія жизни Украины, вызывающія необходимость ея особаго устройства, и принять соотвѣтствующее мотивированное постановленіе, но не вводить въ него ничего, что могло бы предрѣшить волю Учредительнаго Собранія и мѣстнаго населенія. Соотвѣственно этой линіи поведенія, намѣченной правительствомъ, А. Ф. Керенскій телеграфно запретилъ всеукраинскій войсковой сѣздъ, который Центральная Рада созвала на 4 іюня. Рада не только не подчинилась этимъ рѣшеніямъ правительства, но сдѣлала ихъ исходной точкой новой агитаціи. Послѣ двухдневнаго обсужденія отвѣта правительства украинской делегаціи, бывшей въ Петроградѣ, Рада, наканунѣ открытія сѣзда, вечеромъ 3 іюня, вынесла постановленіе, которымъ объявлялось, что временное правительство совершенно пошло противъ интересовъ трудового народа Украины и противъ принципа самоопредѣленія національностей. Въ силу этого Рада признавала необходимымъ: 1) обратиться ко всему украинскому народу съ призывомъ—организоваться и приступить къ немедленному заложенію фундамента автономнаго строя на Украинѣ, 2) немедленно составить обращеніе къ украинскому народу съ объясненіемъ, въ чемъ заключается сущность требованій украинской демократіи и задачи автономнаго строя, и 3) заявить, что, использовать всѣ способы войти въ сношеніе съ правительствомъ, Рада приметъ всѣ мѣры противъ анархій и уничтоженія завоеваній революціи, ни въ видѣ, что украинское движеніе имѣетъ стихійный характеръ. 4 іюня открылся въ Кіевѣ войсковой сѣздъ, въ составѣ болѣе 1000 делегатовъ. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, А. Ф. Керенскій легализировалъ его *post factum*, приславъ телеграмму, что не встрѣчаетъ препятствій къ существованію и къ дальнѣйшей дѣятельности украинскаго войскового комитета. Сѣздъ встрѣтилъ съѣхомъ чтеніе этой телеграммы. Руководители сѣзда, однако, считали необходимымъ подчеркнуть, что они не стремятся къ „самостійности“. Кандидаты въ президіумъ отъ самостійниковъ были забаллотированы; выбраны лишь сторонники федеративной автономіи. Большое раздраженіе сѣзда вызвало опубликованіе приказа ген. Оберучева, что самостійники рѣшили занять государственный банкъ и губернскаго

Кавказе (слухи ходили также о занятии почты, телеграфа и телефона). Связь еще раз резко отгородилась от „самостийников“ и поместил в газетах печатное опровержение упомянутых слухов о „секретной резолюции“ группы „самостийников“. В ближайшем же съезде призвал украинский войсковой комитет высшей инстанцией в сношениях украинских войсковых частей и организаций с русской военной властью. По отношению к правительству съезд принял резолюцию, что оно вообще не будет больше обращаться к центральной власти с какими либо просьбами. Центральная Рада сама будет проводить в жизнь автономию Украины; не-украинская демократия, живущая на территории Украины и не желающая сознательно или бессознательно понять истинных требований украинцев, приглашалась к сотрудничеству с украинской демократией.

Поставлением съезда на первых же порах создали среди местных противников украинского сепаратизма энергичное противодействие, особенно сказавшееся в тех из 12 губерний, где не-украинское население было особенно сильно. Но эти постановления вызвали также и энергичную поддержку со стороны сторонников автономии. Киевский губернский исполнительный комитет обратился к кн. Львову с заявлением, что, в виду возбуждения, вызванного отрицательной позицией правительства, дальнейшее игнорирование украинского вопроса недопустимо; необходим немедленный созыв в Киев особого совещания национальных партий и организаций с представителями правительства. Совещание это должно разработать к Учредительному Собранию основы автономии Украины.

Украинская Рада не хотела ждать результатов подобных совещаний и решила создать „совершившиеся факты“. Оправравшись на решение войскового съезда, она собрала 10 июня делегатов съезда на Софийскую площадь и в торжественной обстановке, перед памятником Богдану Хмельницкому, огласила составленный ею „Универсал“, долженствовавший явиться первым шагом к самостоятельному осуществлению автономии. Содержание „Универсала“ чрезвычайно характерно для всей политики М. С. Грушевского. С одной стороны, он вытискивает формальной связи с центральными властями, с другой стороны, фактически, он вступает с правительством в открытую борьбу, пытаясь на терпимости и на пассивности центральной власти построить расширенный и углубленный фундамент для украинского движения, ограниченный и интеллигентский характер которого несколько обрешивается в самом „Универсале“. Украинский народ „не отделяется от всей России, не разрывает с российским государством“. „Ты законы, вторыми будет устанавливаться порядок на протяжении всего российского государства, должны издаваться всероссийскими парламентами“. Законом для Украины также „должно будет утвердить свои законы всероссийское Учредительное Собрание“. Но в то же время „Универсал“ заявляет, что, по существу, „все строю этих законов будет создан представителями всех народов земли украинской“ после того, как будет закончена „подготовительная организационная работа“. Работа эта, долженствующая совершиться явочным порядком, состоит в том, чтобы „каждое село, каждая волость и каждая уезда или земская, которая отстаивает интересы украинского народа“, вступила „в самые тесные сношения с Центральной Радой“. А „там, где, по каким либо причинам, административная власть, осталась в руках, враждебных украинц-

ству", "Универсалы" предписывают нашим гражданам начать широкую могучую организацию и осведомление населения и тогда перенести административную власть в города и в те местности, где украинское население живет вместе с другими национальностями". Рядом с явочной администрацией будущего края Рада хочет создать и явочные финансы. "До сих пор украинский народ все свои средства отдавал в российскую центральную казну, но сам не имел, да не имеет и теперь от себя того, что должен был бы иметь за это. Поэтому мы, Украинская Рада, предписываем всем организованным гражданам сел и городов и всем украинским общественным управам установить с 1 сего июля обложение населения податью на народное дело". Если тон предписания, название нового обложения "податью" и противоположение его прежним налогам, внесенным в российскую центральную казну, придавали распоряжению "Универсала" характер настоящего правительственного распоряжения, то обращение к одним только "организованным" украинцам и обозначение цели новой "подати" — "на народное дело" — превращали подать в национальный сбор с сочленов частного общества и открывали Радѣ лазейку на случай обвинения ее в выступлении на путь открытой политической борьбы против центральной власти в самых ее основных функциях управления и обложения. Проф. Грушевский и пользовался этой двусмысленностью в своих объяснениях с представителями киевских общественных организаций, которые решительно возражали против сепаратизма Украины и против предвзятой воли Учредительного Собрания. Во время политической прогулки украинцев по Дайпру с этими представителями 20 июня М. С. Грушевский подчеркивал, что Рада никогда и не помышляла о захвате административных прав, что это исключительно национальная организация. Эти заявления вызвали реплику Балабанова, представителя с.-л. меньшинства. "Когда случалась здесь ваша рѣчь," говорил Балабанов, "получается одно, а когда отъ боюды дело переходить къ жизни, получается другое. Проф. Грушевский и Винниченко признаютъ за Радой лишь моральныи авторитетъ. Но часть населения считаетъ Раду правительственной властью на Украинѣ, причемъ противопоставляетъ Радѣ другой власти. То, что говорить намъ представителя Радѣ, пусть они скажутъ населенію." После этого Винниченко произнесъ рѣчь, въ которой, съ одной стороны, заявлялъ, что украинцы "добиваются не власти, а организации народныхъ массъ", а съ другой, при сильномъ давлении и возгласахъ "ого" своей аудиторіи, сообщалъ: "быть можетъ, мы являемъ дейреть, въ которомъ укажемъ населенію, что всякое постановление центрального правительства, прежде чѣмъ оно будетъ осуществлено, должно быть рассмотрѣно Центральною Радой" ("Рус. Слово" 23-го июня). Эти разговоры на пароходѣ лучше всего характеризуютъ шаткость первоначальной позиции Радѣ и уклончивую тактику ее вездѣ.

Чтобы мотивировать свой шагъ, Рада, въ противорѣчивыхъ выраженіяхъ, пытавшихся извратить факты, нелгала въ "Универсалѣ" исторію своихъ переговоровъ съ правительствомъ. "Временное российское правительство отвергло наши требованія, оттолкнуло протянутую руку украинскаго народа... оно уклонилось отъ отвѣта, отославъ насъ до будущаго Учредительнаго Собранія... Не пожелало вѣсть съ нами творить новый порядокъ".... Нѣсколько искреннѣе была Рада, когда мотивировала свое выступленіе тѣмъ, что "мы не можемъ бросить нашъ край на про

являть анархичности и разорения", ибо "правительство не в силах создать для нас правопорядок". Другой искренний мотив касался судьбы аграрного вопроса: "никто лучше наших селян не может знать, как хозяйничать на своей земле; потому мы хотим, чтобы, после того, как во всей России отобраны будут помещичьи казенные, царские, монастырские и иные земли в собственность на родовой, после того, как об этом будет издан закон всероссийским Учредительным Собранием, — право и порядок в наших украинских землях, право распоряжения ими принадлежало бы только нам самим."

Этот страх и опасение подвергнуться в прогрессировавшем всероссийском распаде общей судьбы и пережить ужасы всероссийских социалистических экспериментов, несомненно, представлял здоровое и живое начало самосохранения в искусственно раздутую националистическое движение на Украине. В этих, а не в идеалистически-сепаратистских мотивах украинского движения заключался залог его будущего успеха.

Что могло противопоставить этому успеху центральное правительство? Только ту "тактику твердой власти" — и, на почве этой тактики, устранение реальных мотивов украинского обособления, — которую советовала партия народной свободы. Правительство и тут, вместо того, чтобы реагировать быстро и решительно, пока движение оставалось чисто идейным и наносным, пошло путем колебаний и словесных утешаний 16-го июня оно выпустило воззвание к "Гражданам Украины", в котором ублажало украинцев, в интересах "всей освобожденной России", в интересах защиты завоеваний революции от внешних и внутренних врагов, доверить свои национальные интересы "народам", которые "сумели через представителей в Учредительном Собрании выковать те формы государственного и хозяйственного устройства, которые полностью отвечали бы их национальным стремлениям". С своей стороны, временное правительство "выжило себя в обязанность прийти к соглашению с общественно-демократическими организациями Украины относительно переходных мер для обеспечения "прав украинского народа в истинном управлении, самоуправлении и суде". Воззвание упрощало украинцев, в нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины, не наносить смертельного удара всему государству и самим себя".

Конечно, воззвание прозвучало бесцельно и отклика со стороны украинских ищущих политиков не встретило. В своем нетерпеливом стремлении закрепить свои, пока еще психологические завоевания, они спешно возбуждали в наместничествах губерниях вопрос о формальном присоединении к "Универсалу" Рад, о посылке в Рад местных делегатов, о пополнении Рад не-украинскими элементами, наконец, о создании украинского министерства, "генерального секретариата" Рад. В самый день опубликования правительственного воззвания этот секретариат уже был намечен в состав председателя и генераль-секретаря внутр. дѣл, писателя Винниченко, генер. секретаря финансов — Тугань-Барановского, иностранных дѣл (или "международных") — Ефремова, продовольственных — Стасюка, земледѣлія — Маргуса, военного — Петлюры, юстиціи — Садовского. За несколько дней до этого Винниченко в политической бесѣдѣ съ представителями демократических организаций подчеркнул снова, что действия волей вынуждены необходимостью считаться съ стихийным движением народных масс

и направить его в нормальное русло. „Самостійное движеніе“, выставляющее хорунт „открытие фронта враг, настолько выросло за полтора мѣсяца, что съ нами приходится вести серьезную борьбу, а для этого необходимо не порывать связи съ организованной массой, которая, оставшись безъ руководства, можетъ натворить много нежелательнаго“. До соглашения съ центральнымъ правительствомъ, по заявленію Винниченко, Рада не издастъ никакого акта; но правительство должно считаться съ желаніемъ народа. Однако, уже 27 июня тотъ же Винниченко, въ роли председателя генеральнаго секретариата, огласилъ въ засѣданіи Центральной Рады обширную декларацію секретариата. Въ деклараціи заявлялось, что, хотя власть Рады родилась и выросла изъ одного доверія народа, но въ настоящее время „наступилъ моментъ, когда стерлись границы двухъ властей: правительственной и публично-правовой. Размѣры силъ нашей моральной власти настолько разрослись, что они сами собой, подъ натискомъ логического хода событій, безъ боли и безпорядковъ, претворяются въ настоящее народоправство“. Въ Петрограду „украинская демократія не питаетъ враждебности, но проявляетъ полное безразличіе, ибо... имѣетъ собственную власть“. Для ускоренія процесса пересозданія моральной власти въ общественно-правовую и созданія генеральнаго секретариата, въ качествѣ исполнительнаго органа Центральной Рады (вожди движенія подчеркивали, съ обычной уклончивостью, что это не есть еще „министерство“). Такъ какъ Рада теперь „не можетъ уже ограничиться одними національно-политическими требованіями“, а, расширяя свою платформу, „должна стать національнымъ сеймомъ“, то и ея исполнительный органъ „долженъ охватывать все нужды украинскаго народа“. Далѣе декларація подробно перечисляла задачи каждаго „секретаря“, въ особенности, по внутреннимъ, финансовымъ, юридическимъ, международнымъ, просвѣтительнымъ, земельнымъ, продовольственнымъ дѣламъ, и функціи „генеральнаго секретаря“, выдающаго канцелярію и служащаго связью между остальными. Въ заключеніе декларація заявляла, что секретариатъ будетъ „боротись неуклонно“ противъ всѣхъ „дезорганизирующихъ силъ“, будь то „темныя силы контръ-революціи, анархическіе элементы украинства или ошибки и враждебность временнаго центрального правительства“.

Какъ реагировало это правительство на новый „совершившійся фактъ“? Мы видимъ, что уже въ своемъ воззваніи временное правительство стало на точку зрѣнія возможныхъ переговоровъ съ украинскими организаціями. Въ 30-хъ числахъ іюня оно уже направило посольку правительственной делегаціи на Украину, сперва въ цѣляхъ информаций, а потомъ и съ прямой задачей—достиженія соглашения, котораго требовали украинцы. Мы увидимъ, что осуществленіе этой точки зрѣнія сдѣлалось поводомъ къ министерскому кризису, который сонялъ съ общимъ кризисомъ первой коалиціи.

Другія національности.

Въ это же время, 27-го іюня, Центральная Украинская Рада вынесла постановленіе, которое какъ бы суммируетъ всю работу по созданію національныхъ сепаративныхъ внутри Россіи. Рада постановила созвать въ Кіевѣ не позже іюля съѣздъ всѣхъ національностей Россіи, добивающихся автономіи и федераціи. Предполагалось, что на этомъ съѣздѣ примутъ участіе финляндцы, поляки, эстонцы, латыши, литовцы, бѣлоруссы, грузины, евреи, татары, армяне, казакимъ, башкиры, сарты, горные народы, турки, а

также донцы, сибиряки и т. д. Каждой народности, независимо от размеров территории, количества населения, культурного развития, предполагалось дать 10 кв. миль. В программу съезда внесены были следующие вопросы: будущее устройство федеративного государства, государственный язык отдельных федеративных частей, принципы размежевания автономных единиц, права национальных меньшинств, и организация союза городов. Попутно отметить, что на заседании мусульманского комитета 3-го июня обсуждался вопрос о создании в России „инородческого политического блока“, причем решено было образовывать комитет из двух членов комитета и двух отъ комитета буряты и якуты „для выработки культурно-экономических и политических основ создания инородческого политического блока народностей монголо-тюркских племен России“. 2-го июня литовский сейм, большинством народных прогрессистов и эсеров, против социал-демократических и прогрессивных партий высказался за немедленное решение сеймом вопроса о будущем устройстве Литвы и принял незначительным большинством решение, что Литва должна быть независимой. Въ май въ Берлинъ открыто общество восточно-балтийской культуры; при открытии герцог Мекленбургский произнесъ рѣчь о выгодах колонизаціи Литвы и прибалтійскаго края: „22% земель Берлинѣ принадлежитъ казѣ, треть помѣщичьихъ земель будетъ намъ предоставлена добровольно для колонизаціи, треть крестьянскихъ можетъ быть приобретена за плату“.

4. Циммервальдъ и фiasco внѣшней политики коалиціи.

Внѣшняя политика коалиціоннаго правительства. — Стихили враговъ и союзниковъ на циммервальдскую ферму. — Фiasco внѣшней политики совѣта. — Новая уступки М. И. Терещенко совѣту.

Внѣшняя политика коалиціоннаго правительства.

Элементы кризиса, собственно, существовали съ самаго начала коалиціи, ибо они вытекали изъ двойственности ея состава и ея стремленій. Мы уже знаемъ, въ чемъ видѣлся *raison d'être* своего существованія министры стараго кабинета, перешедшіе въ новый. Ихъ цѣлью было пріобрѣсти поддержку „революціонной демократіи“ для политики, основанной задачей которой они ставили поднятіе боеспособности арміи путемъ ея „демократизаціи“ и доведеніе войны до „демократическаго“ мира, но въ согласіи съ союзниками. Внутреннее противорѣчіе первой половины этой задачи вскрылось передъ нами въ наложеніи только что процессъ подготовки русскаго наступленія на фронтъ и въ процессъ фактическаго распада Россіи, тѣсно связаннаго съ такимъ же распадомъ ея вооруженной силы. Мы увидимъ теперь, какъ вскрылось то же внутреннее противорѣчіе навязанныхъ извнѣ, по существу разрушительныхъ, „квази-демократическихъ“ задачъ нашей внѣшней политики съ сохраненіемъ прежнихъ нормальныхъ методовъ этой политики и ея нормальныхъ отношеній къ союзникамъ.

„Извѣстія Совѣта р. и с. д.“, комментируя декларацію новаго коалиціоннаго правительства по внѣшней политикѣ, усматривали главную разницу между повѣденіемъ новаго и прежняго правительства въ томъ, что „временное правительство пераго созыва ни-

когда не решилось бы опираться в своей внешней политике на союзных демократии. Миллюков считался лишь с официальной демократией, с господствующими классами, с правительствами союзных стран... Отныне российская демократия, не порывая с правительствами союзных стран, встает с ними, через головы этих правительств, обращается к народам. И силу в своей борьбе за мир дипломатия будет черпать отныне в сочувствии и поддержке народных масс. Таким образом, внешняя политика нового временного правительства является точным выражением требований революционной демократии" (№ 61, от 9-го мая).

В своих воззваниях "к социалистам всех стран" и "к армии" („Известия" № 55, от 2-го мая), изданных во время министерского кризиса, советъ гораздо определеннее формулировал свою циммервальдскую позицию. Возражая лишь против "сепаратного мира" и признавая, что "иной раз" бываете нужно и наступление, советъ во всем остальном совершенно уравнивал в своей оценке "империалистов" всех стран, признавая русскую революцию лишь "первым криком возмущения одного из отрядов международной армии труда против преступлений международного империализма". Такъ говорить, "через головы правительств", русская дипломатия, конечно, не могла, почему и не была возможности служить "точным выражением" воли "революционной демократии". Иначе понадобилось бы разрушить весь технический аппарат дипломатии, какъ разрушался уже в процессе "демократизации" технический аппарат армии. Надо отдать справедливость М. И. Терещенко: такъ далеко онъ не пошелъ, сохранивъ не только дипломатический аппаратъ, но его больше или меньше правильное функционирование по существу. При его управлении союзные дипломаты знали, что "демократическая" терминология его депешъ является невольной уступкой требованиям момента — и относились къ ней снисходительно, пока рассчитывали, что уступками по формѣ они выиграютъ по существу. Но наступали, наконецъ, такіе моменты, когда это молчаливое согласие правительства с советомъ р. и с. д., с одной стороны, а с другой стороны, с союзной дипломатией упиралъ сь въ границы, перейти которыя было нельзя. И тогда должно было вскрыться для советовъ, что политика М. И. Терещенко была, в сущности, лишь „прохождениемъ политики П. Н. Миллюкова“, а для союзниковъ, что всѣ принсенія имъ жертвы не увеличили способности русской революціи къ реальной поддержкѣ союзнаго дѣла. Нужно правдивѣе, что разочарованіе союта и союзниковъ наступило одновременно, ибо именно напоръ циммервальдцевъ въ советѣ сдѣлалъ невозможнымъ дальнейшее молчаніе союзниковъ.

Собственно, отзывы союзниковъ на декларацию правительства о внешней политикѣ 28 марта и на ноту П. Н. Миллюкова 18 апрѣля, препровождавшую эту декларацию, были получены уже въ послѣдніе дни министерства Миллюкова. Какъ и можно было ожидать, эти отзывы держались въ прѣделахъ послѣдней ноты, а по отношенію къ принципиальнымъ заявленіямъ 28 марта были вѣжливо-уклончивы. Въ ожиданіи своего ухода и по спеціальной просьбѣ Некрасова и Терещенко П. Н. Миллюковъ задержалъ опубликованіе этихъ отзывовъ. А для новаго правительства ихъ опубликованіе явилось бы тяжелейшимъ ударомъ съ самаго начала. Поэтому М. И. Терещенко попытася войти въ переговоры съ союзниками, чтобы получить другіе, болѣе для него удовлетворительные отзывы. Правительственная декларация 6 мая сдѣлала необходимымъ, во всякомъ случаѣ, болѣе точный и опредѣленный отзывъ на основную формулу „безъ аннексий и контри-

будій и т. д., теперь уже официально принятую вторым правительством, а также и отвѣтъ на предложеніе, хотя и выраженное въ осторожной формѣ, о пересмотрѣ договоров и о созывѣ для этого особой союзной конференціи.

Министры-соціалисты, добившись отъ новаго министра иностр. дѣлъ немедленнаго официальнаго уведомленія союзниковъ о новыхъ цѣляхъ войны, пожелали немедленно же переговоры лично съ англійскимъ и итальянскимъ послами (съ Тома они говорили и до вступленія въ министерство). По докладу Церетели на общемъ собраніи совѣта 13 мая, англійскій посолъ отвѣтилъ на заданные ему вопросы, какъ онъ относится къ новымъ принципамъ внѣшней политики и считаетъ ли возможнымъ приступить къ пересмотру договоров, довольно уклончиво: „общіе принципы разногласій не встрѣчаютъ, а вопросъ о конкретныхъ рѣшеніяхъ рѣшить жизнь“. Въ сущности, и изъ числа „конкретныхъ рѣшеній“,—того типа, который у насъ считался „империалистическимъ“,—Англіи приходилось измѣнять, по преимуществу, лишь то, что прямо ея не касалось. Уже 4 мая корреспондентъ „Виржевыхъ Вѣдомостей“ сообщалъ изъ Англіи, что „империалистическія цѣли“ извѣстнаго отвѣта Вальсону въ концѣ 1915 г., собственно, были, въ части, касавшейся Турціи и Австро-Венгріи, „лишь уступкой военной программѣ Россіи“. „Ни расчлененіе Турціи, ни, тѣмъ паче, раздѣлъ Австро-Венгріи отнюдь не является краеугольнымъ камнемъ англійской военной политики“,—и она охотно выброситъ ихъ за бортъ, если на нихъ не настаиваетъ болѣе Россія. Точно такъ же и „вопросы о судьбѣ Эльзаса-Лотарингіи и Триента, объ автономіи Чехіи и Польши интересуютъ Англію лишь съ точки зрѣнія интересовъ ея союзниковъ“. Если союзники отказываются отъ своихъ „интересовъ“, то Англія противъ этого рѣшительно ничего имѣть не можетъ. Франція, въ лицѣ Альбера Тома, также не имѣла ничего противъ того, чтобы отказаться отъ „империалистическихъ“ стремленій... Россіи, разумія подъ ними проливы и Константинополь. Теперь уже не секретъ, что въ числѣ нашихъ соглашеній было одно, въ которомъ весьма ярко проявлялись и французскія „империалистическія“ цѣли: то—соглашеніе, подписанное въ февралѣ 1917 г. Н. Н. Покровскимъ о созданіи автономнаго государства-буфера на лѣвомъ берегу Рейна (обитъ нотами 30 января и 1 февраля 1917 г., опубликованный большевиками). На несоотвѣствующій демократическимъ принципамъ характеръ этого соглашенія указалъ Альберу Тома еще П. Н. Миллюковъ. А Тома поставилъ отицну этого соглашенія условіемъ своего дальнѣйшаго пребыванія въ министерствѣ. По возвращеніи соціалистовъ Кашена и Муте изъ Россіи, въ закрытомъ засѣданіи французской палаты, это соглашеніе было оглашено и вызвало къ себѣ рѣзко-отрицательное отношеніе. Рибо согласился, повидному, считать его недѣйствительнымъ; еще ранѣе онъ сдѣлалъ въ палатѣ заявленіе, что не имѣетъ вообще противъ опубликованія секретныхъ договоровъ, состоявшихся до войны. Такъ какъ до войны единственнымъ секретнымъ договоромъ былъ франко-русскій союзъ, то заявленіе Рибо имѣло, конечно, исключительно демонстративное значеніе. Ни союзные договоры съ Италіей и Румыніей, заключенные передъ выступленіемъ, ни наши соглашенія съ союзниками относительно Турціи и Малой Азіи сюда не входили. Между тѣмъ, Рибо поставилъ свой отказъ отъ соглашенія относительно лѣваго берега Рейна въ связь съ (предполагаемымъ) русскимъ отказомъ отъ проливовъ и Константинополя. Все это очень походило на желаніе союзниковъ воспользоваться труднымъ положеніемъ Россіи, чтобы освободиться отъ той доли обязательствъ, которая возлагалась на нихъ ихъ соглашеніемъ съ Россіей. П. Н. Миллюковъ

въ своей отвѣтной рѣчи Альберу Тома по поводу его прощальной рѣчи въ засѣданіи антимонархическаго союза прямо указалъ на опасность такого исхода при предполагаемомъ пересмотрѣ договоровъ для всѣхъ будущихъ отношеній Россіи къ ея союзникамъ. И надо опять таки отдать справедливость М. И. Терещенко: онъ не допустилъ нашихъ союзниковъ воспользоваться неблагоприятнымъ положеніемъ Россіи для отказа отъ обязательствъ. Въ напечатанныхъ большевиками секретныхъ документахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ нѣтъ ни одного, который списываетъ съ М. И. Терещенко всякое обвиненіе въ этомъ. 11 сентября онъ категорически заявилъ нашему повѣренному въ Парижѣ, что „ни въ обмѣдѣ нѣтъ съ Наполеономъ (т. е. за время управленія П. Н. Миллюкова), ни въ словесныхъ объясненіяхъ моихъ съ Пуленсомъ не возбуждался вопросъ о связи между февральскими соглашеніемъ по поводу восточныхъ границъ Франціи и соглашеніемъ о Константинополѣ и проливахъ. Пуленсъ предложилъ мнѣ опубликовать одновременно съ соглашеніемъ о французскихъ границахъ договоры, заключенные до войны, т. е., собственно, русско-французскую военную конвенцію. На это я заявилъ, что подобное опубликованіе общезвѣстнаго договора вызоветъ въ общественномъ мнѣніи полное недоумѣніе и новыя настоянія на приданіи гласности соглашеній, заключенныхъ уже во время войны. Между тѣмъ, оглашеніе оныхъ, и въ частности итальянскаго и румынскаго, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимымъ.“ Виде опредѣленіе выражается телеграмма отъ 12 сентября. „Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ малозавѣрное соглашеніе не можетъ считаться стоящимъ особо. Выполненіе его зависить отъ исполненія соглашенія о проливахъ..... Малоазійское соглашеніе не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ соглашенія о проливахъ и о Константинополѣ..... Такой точки зрѣнія благожелатели держаться и въ случаѣ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній съ французскимъ правительствомъ“.

Такимъ образомъ, по существу, М. И. Терещенко продолжалъ политику П. Н. Миллюкова, совершенно отбавившись отъ той точки зрѣнія на „аннексіи“, которой онъ держался при исполненіи въ министерствѣ. Но это не мѣшало ему въ своихъ ноткахъ союзникамъ дѣлать широкія словесныя уступки требованіямъ союбта, когда эти требованія становились особенно настоятельными.

Въ первые нѣдѣли управленія коалиціоннаго правительства и въ такихъ выступленияхъ еще не было надобности, такъ какъ политика М. И. Терещенко считалась тождественной съ политикой союбта, а союзники дали новому министру нѣкоторый кредитъ и выжидали, какъ выяснится положеніе. Изъ главы VI, посвященной вопросу о мирѣ, читатель узнаетъ, что къ концу мая положеніе выяснилось въ смыслѣ открытаго занятія союбтомъ циммервальдской позиціи. Тогда дальнѣйшее молчаніе стало для союзниковъ невозможнымъ: загонорили ихъ министры въ палатахъ, и опубликованы были данно заготовленные отвѣты. Это побудило и наше министерство сдѣлать новыя авансы союбту.

Отклики враговъ и союзниковъ на циммервальдскую формулу.

Первымъ официальнымъ откликомъ на формулу мира „безъ аннексій и контрибуцій“ была рѣчь Ветмана-Гольмста 2-го мая. Вопреки распространявшимся слухамъ, что германскій канцлеръ, наконецъ, объявитъ на Пасху условія мира, Ветманъ-Гольмстгъ остался на своей прежней точкѣ зрѣнія: говорить объ условіяхъ мира преждевременно, впродѣ

до некоей военной борьбы, и онъ, канцлеръ, не записитъ въ своей программѣ мира ни отъ правыхъ, ни отъ лѣвыхъ. Но на этотъ разъ нѣсколько рѣче канцлеръ отгородился именно отъ лѣвыхъ, отъ Шейдемава. „Я не дамъ обить себя съ пути“, говорилъ канцлеръ, „тѣми словами, которыми Шейдеманъ счелъ себя въ правѣ бросить въ народъ... о возможности революціи. Германскій народъ, вибѣсь ео мной, не послушаетъ этого слова“. Что касается формулы, Бетманъ-Гольвегъ заявилъ: „веужали мнѣ слѣдуетъ односторонне откинуть всѣ многообразныя потребности германской имперіи въ одну формулу, которая охватываетъ лишь часть всей совокупности условій мира, жертвуетъ удобствами, достигнутыми кровью нашихъ сыновъ и братьевъ и оставляетъ невыясненными всѣ прочіе счета? Отъ такой политики я отказываюсь... Она привела бы къ длительному ущербу для всѣхъ жизненныхъ интересовъ нашего народа, вплоть до послѣдняго рабочего; она означала бы отказъ отъ всей будущности нашего отечества“. Отказался Бетманъ-Гольвегъ выставлять и программу „завоевательную“. „Завоевательная программа, такъ же, какъ и программа отказа отъ военныхъ приобретений, не поможетъ вамъ достигнуть победы и окончить войну“. Что касается отказа Россіи отъ завоевательныхъ наміреній, канцлеръ высказывалъ сомнѣніе, удастся ли ей повліять въ этомъ отношеніи на союзниковъ. Заявляя, что Англія постарается „взаставить Россію и впредь вести англійскую колесницу“, Бетманъ-Гольвегъ предлагалъ Россіи, въ сущности, сепаратный миръ: „мы не уничтожимъ возможности въ будущемъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній и не выставимъ требованій, могущихъ препятствовать ихъ развитію и несовѣстными со стремленіями народовъ къ свободѣ“.

Разумѣется, и союзники не захотѣли стать на отдаленную позицію совѣта и постарались истолковать совѣтскую формулу, ставшую официальной, въ смыслъ полнаго отрицанія ихъ собственныхъ стремленій. 9-го мая Рабо произнесъ во французской палатѣ рѣчь, въ которой воспользовался собственными заявлениями Терещенко, чтобы спасти отъ совѣтской формулы Эльзасъ-Лотарингію и „возмѣщеніе причиненнаго ущерба“. Ссылаясь на свою декларацію при вступленіи въ министерство вибѣсь Бріана, Рабо заявилъ, что можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ Терещенкѣ, „ни отъ чего не отказываясь“. „Я сказалъ тогда, что мы будемъ продолжать борьбу не въ цѣляхъ завоеванія и поработенія народовъ, а одушевленные твердой рѣшимостью вернуть то, что и намъ принадлежитъ“. И онъ ссылался на Вильсона въ подтвержденіе мысли, что достигнуть мира „можно лишь при условіи сокращенія агрессивнаго военного деспотизма, таящаго въ себѣ вѣчную угрозу“. А это можно сдѣлать только продолженіемъ войны,—„и пусть реорганизованная русская армія докажетъ мощнымъ наступленіемъ, что она повинна въ обратномъ въ ней призывѣ“.

Еще ранѣе, чѣмъ Рабо, Асквитъ попытался истолковать русскую формулу въ смыслѣ, приемлемаго для союзниковъ (нужно прибавить: и для самой Россіи). Онъ указывалъ, что терминъ „аннексія“ двусмысленъ и что, по крайней мѣрѣ, въ трехъ смыслахъ „аннексія“ вполне допустима и не должна быть подводиما подъ это одиозное понятіе. Это, во первыхъ, когда рѣчь идетъ объ освобожденіи угнетенныхъ народностей, во вторыхъ, когда идетъ въ виду ихъ объединеніе изъ разрозненныхъ частей, принадлежащихъ разнымъ государствамъ, и, въ третьихъ, „аннексія“ можетъ быть желательна для передачи суверенныхъ правъ на территорію, необходимую для обладанія стратегическими позиціями, которыя нужны не для нападенія, а для самообороны и для защиты отъ на-

надежд в будущем. „Такая аннексія“, прибавлял Асквиг, „вполнѣ оправдывается, если вы можете доказать на основаніи опыта этой войны, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете подвергаться постоянной опасности нападенія“. Толкованіе это, несомнѣнно, вполнѣ подходило не только къ задачамъ Англіи, Франціи и Италіи, но и къ нашему требованію проливовъ. Офіціальныя заявленія британскаго правительства не могли быть такъ опредѣленны, но они клонились въ ту же сторону. Когда въ засѣданіи палаты общинъ 4 мая, извѣстный enfant terrible англійскаго палиamentsа, Филипп Сноуденъ, потребовалъ, чтобы британское правительство присоединилось къ точнѣмъ зрѣнію русскаго совѣта, то Робертъ Сесиль отвѣтилъ обстоятельной рѣчью, въ которой воспользовался нѣкоторыми возраженіями Рамсея Макдональда, чтобы доказать, что формула „миръ безъ аннексій и контрибуцій“ чужда и неправильна. Какъ быть съ Аравіей, съ Арменіей, съ Эльзасъ-Лотарингіей, съ италійской ирредентой, спрашивалъ министръ блоканы, если принять „миръ безъ аннексій“? „Мнѣ хотѣлось бы указать тѣмъ, кому подобныя формулы кажутся привлекательными, что, хотя и вѣрно, что совершенно такихъ актовъ справедливости—недостаточная причина для начала войны, но разъ война открываетъ возможность ихъ осуществленія, то требованіе отказаться отъ нихъ и пожертвовать достигнутыми, весьма желательными результатами принимается другой характеръ“. Точно такъ же и требованіе „безъ контрибуцій“ несовмѣстимо съ возмѣщеніемъ убытковъ Бельгіи, Сербіи, верныхъ провинцій Франціи. Однако же, сдѣлавъ эти оговорки, лордъ Сесиль присоединился къ формулѣ русскаго правительства и категорически заявилъ: „мы начали эту войну, не имѣя въ виду никакихъ империалистическихъ завоеваній или увеличеній территорій. Ни одному англичанину не приходило это въ голову, когда мы вступили въ эту войну. Никто изъ насъ не желаетъ ничего подобнаго завоеванію или увеличенію территорій“. Онъ повторилъ это заявленіе 10 мая, когда паписты возобновили атаку въ лицѣ Оутвейта и Тревеліана, утверждавшихъ, что пренія 3 и 4 мая въ палатѣ произвели въ Россіи „неблагопріятное впечатлѣніе“. „Я охотно вновь подтверждаю“, заявилъ онъ, „что послѣднее заявленіе обновленнаго русскаго правительства соответствуетъ этой политикѣ“ („прочнаго мира, основаннаго на національной свободѣ и международной дружбѣ“, съ устраненіемъ „всѣхъ империалистическихъ цѣлей, основанныхъ на завоеваніи“).

Несомнѣнно русскою формулою въ приложеніи для союзниковъ смыслъ дѣло и ограничилось бы, если бы не было дальнѣйшаго требованія совѣта о пересмотрѣ договоровъ и о созывѣ, кромѣ конференцій союзниковъ, еще и общей международной социалистической конференціи, съ участіемъ представителей всѣхъ интернаціональных партій. Переговоры объ этомъ между союзомъ и социалистами вложены въ другую мѣстѣ (см. VI главу). Для правительства дѣло усложнилось тѣмъ, что, съ одной стороны, въ составъ союзныхъ правительствъ были министры-соціалисты, упорно игнорировавшіе полную невозможность сести совѣтъ съ примервальной позиціи и пытавшіеся найти „общій языкъ“ съ ними; съ другой стороны, крайнія лѣвыя меньшинства въ союзныхъ странахъ также поддерживали предполагаемыхъ единомышленниковъ въ русскій совѣтъ. Союзныя правительства старались пойти навстрѣчу радикальнымъ требованіямъ этихъ группъ такъ далеко, какъ было только возможно. Но, въ концѣ концовъ, пренія въ палатахъ союзныхъ странъ вполнѣ установили, что примирить требованія совѣта съ союзническими интересами, вопреки утвержденіямъ Тома и Гендерсона, было совершенно невозможно.

Наиболее склонным к уступкам и наиболее терпимым оказалось британское правительство. Предметом пререканий были адсь обвиненія въ нежеланіи пропустить въ Россію русских эмигрантовъ интернаціоналистскаго отънка и дать паспорта британскимъ социалистамъ, раздѣлявшимъ тѣ же крайнія мнѣнія. Въ засѣданіи палаты общинъ 30 мая Бонаръ Лоу подробно объяснилъ, почему британское правительство въ этомъ послѣднемъ вопросѣ измѣнило свое первоначальное мнѣніе, склонившееся къ тому, чтобы не допускать пріѣзда въ Россію лицъ, не представлявшихъ мнѣнія британскаго народа. Бонаръ Лоу привелъ телеграммы Бьюкенена отъ 8 и 14 мая, въ которыхъ британскій посолъ въ Петроградѣ передавалъ желаніе М. И. Терещенко, чтобы, помимо уже отправившагося въ Россію Гендерсона, была допущена и поѣздка социалистовъ группы Макдональда. Вандервельде, в О'Грейді убили Бьюкенена, что поѣздка Макдональда будетъ не вредна, а полезна; и самъ Макдональдъ заявлялъ, что въ Петроградѣ будетъ бороться противъ стремленій къ сепаратному миру и будетъ доказывать русскимъ социалистамъ, что ихъ свобода зависитъ отъ успѣшнаго исхода войны. На новый запросъ британскаго военнаго кабинета („такъ какъ адсь возникло сильное теченіе противъ выдачи разрѣшенія, ибо взгляды Макдональда не соответствуютъ мнѣніямъ британскаго рабочаго класса“), Бьюкененъ и Гендерсонъ еще разъ отвѣтили, что отказъ былъ бы большою ошибкой. „Не слѣдуетъ опасаться слишкомъ большаго вреда отъ этой поѣздки“, доказывали они; „серьезнѣе была бы опасность раздражить совѣтъ р. и с. д. въ тотъ моментъ, когда проявляются признаки улучшенія въ его отношеніяхъ къ правительству. Эта опасность больше, чѣмъ опасность распространенія, при настоящихъ условіяхъ, пацифистскихъ мнѣній.“ И Бонаръ Лоу выразилъ „меньшее зло“, имѣя въ виду „облегчить русскому правительству задачу“ создать такое настроеніе въ Россіи, при которомъ „новая Россія можетъ оказать намъ помощь въ вѣдущей нами борьбѣ за свободу“.

„Сильное движеніе противъ выдачи паспортовъ“ не было, однако, остановлено этимъ рѣшеніемъ правительства. Британскіе рабочіе считали, что послѣ отказа британской рабочей партіи послать делегатовъ въ Петроградъ и въ Стокгольмъ, сравнительно малочисленная „независимая“ рабочая партія не имѣетъ права фальсифицировать мнѣніе британскихъ рабочихъ. Это настроеніе особенно усилилось послѣ того, какъ рабочей конгрессъ въ Лидсѣ сталъ на точку зрѣнія русскаго совѣта и постановилъ организовать совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ Англіи. Лига британскихъ рабочихъ требовала отъ правительства отобранія паспортовъ у Макдональда и Джозетта, делегатовъ „независимой рабочей партіи.“ 23-го мая конференція союза матросовъ и кочегаровъ предложила своимъ членамъ „отказаться отъ плаванія на судахъ, перевозящихъ пацифистовъ“, если они не дадутъ подписки добиваться отъ германцевъ и въ Петроградѣ, и въ Стокгольмѣ, самыхъ широкихъ компенсацій родственникамъ моряковъ, погибшихъ отъ подводныхъ лодокъ. Дѣйствительно, 28-го мая мистрисъ Панкхерстъ, давшая такое обѣщаніе, была допущена съестъ на пароходъ, но шедшій вслѣдъ за ней Рамсей Макдональдъ былъ задержанъ и принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ. 29-го мая на Трафальгарскомъ скверѣ состоялась грандіозная манифестація, протестовавшая противъ выдачи паспортовъ и выражавшая сочувствіе рѣшенію матросовъ. Хэвлъкъ Вильсонъ, представитель матросовъ, сдѣлалъ Макдональду на этомъ митингѣ „честное предложеніе“; пусть онъ соберетъ за себя нѣтъ трехъ съ половиной милліоновъ организованныхъ рабочихъ хотя бы полмилліона и пусть тогда ѣдетъ. Если же онъ не сможетъ собрать даже такого меньшин-

ства, то пусть откажется от поѣздки. Нечего и говорить, что пятьсотъ тысячъ голо-
совъ для „независимой“ рабочей партіи были недостигаемою цифрой. На собравшейся
15-го іюня конференціи союза матросовъ поведеніе союза было одобрено 474,700 голо-
сами, и только 52,994 голосовали противъ.

Во Франціи правительство дѣйствовало рѣшительно. Въ своихъ выступленіяхъ
передъ палатами 19-го и 24 мая по вопросу объ отвошеніи правительства къ Сток-
гольмской конференціи Рибо рѣшительно заявилъ, что вопросъ о мирѣ не можетъ быть
дѣломъ партійнымъ, а долженъ быть дѣломъ правительства, олицетворяющаго волю на-
рода; что вредно и опасно „внушать странъ мысль, что миръ уже близокъ,—мысль,
которая можетъ быть вызвана этого рода совѣщаніями“ и что „миръ можетъ быть до-
стигнутъ только путемъ побѣды“. „Правительство выдастъ паспорта для поѣздки въ
Петроградъ только въ томъ случаѣ, если, при проѣздѣ черезъ Стокгольмъ, французскіе
представители не подвергнутся, помимо своей воли, опасности вступить въ сношенія
непріятельскихъ странъ.“ Какъ Бонаръ Лоу, такъ и Рибо опредѣленно намекали на то,
что „сбавительныя формулы“, „всеобъемлющія и двусмысленныя“, являющіяся „ло-
вучкой“ и отвергнутыя палатой, „возникли не въ Петроградѣ, а ввезены извнѣ, и проис-
хожденіе ихъ слишкомъ ясно.“

Фіаско внешней политики совѣта.

При такомъ настроеніи, вылившемся къ концу мая, союзныя правительства рѣ-
шили настоять на опубликованіи своихъ оффиціальныхъ отвѣтовъ на ноту Терещенко
отъ 3-го мая, возвышавшую новый куръ русской внешней политики. Отвѣты эти ле-
жали въ министерствѣ уже давно—англійскій съ 11 мая, американскій съ 12-го мая и
французскій съ 13-го мая. Ноптыянъ М. Н. Терещенко ввези въ нихъ измѣненія, которые
бы сдѣлали ихъ пріемлемыми для совѣта р. и с. д. утѣшались, лишь очень слабымъ
успѣхомъ для англійской и французской ноты, и не имѣли никакого успѣха съ американской
нотой, отсрочая лишь на день ея опубликованіе. 27-го мая были опубликованы первыя
двѣ, 28-го мая—последнія. Англійская нота заявляла, что британское правительство
„сердечно раздѣляетъ чувство“ русской ноты; „оно вступило въ эту войну, не какъ въ
завоевательную“, а для того, чтобы „побудить къ уваженію международныхъ обязательствъ“,
къ чему „прибавлено имѣть освобожденіе народностей, угнетенныхъ чужой тираніей.“
Но нота осторожна напоминала, что вѣдъ „свободная Россія объявляла намѣреніе осво-
бодить Польшу“, не только русскую, но и германскую. Она напоминала и то, что „мы
должны вѣдать угазованія такого порядка, который... откинетъ всякіе законные
поводы къ будущей войнѣ.“ Объединяясь съ русскими союзниками въ принятіи и
въ одобреніи“ принциповъ посланія Вильсона къ конгрессу, британское правительство
заявляло, что въ „общихъ чертахъ“ соглашенія, заключающіяся отъ времени до времени
союзниками, сообразуются съ указанными рамками.“ Однако же, „если русское пра-
вительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово изслѣдовать со
своими союзниками и, если нужно, пересмотрѣть эти соглашенія“. Французская нота
была еще опредѣленнѣе. Сославшись на декларацию 27-го марта, которую правитель-
ство республики „приняло съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія“, и указавъ о новой
нотѣ 3-го мая, французская нота и въ дальнѣйшемъ отыщала, собственно, на ноту
П. Н. Миллюкова отъ 18-го апрѣля. „Правительство республики раздѣляетъ вѣру времен-

наго правительства въ восстановление политической, экономической и военной мощи страны. Оно не сомнѣвается, что провозглашенные мѣры, имѣющія цѣлью улучшить условия, при которыхъ русскій народъ намеренъ продолжать войну до побѣды надъ врагомъ, болѣе чѣмъ когда либо угрожающимъ его національному достоинству, позволяютъ ему прогнать врага изъ своей земли... и тѣмъ принять дѣятельное участіе въ совместной борьбѣ союзниковъ. Такихъ образомъ, будутъ сведены на нѣтъ усилія, постоянно возобновляемы нашими противниками съ цѣлью посѣять раздоръ между союзниками и укрѣпить ложные слухи объ ихъ взаимныхъ рѣшеніяхъ". Далѣе дѣлался рядъ оговорокъ по поводу русской формулы. „Франція не домышляетъ притѣснять ни одного народа, ни одной національности—даже находящейся нынѣ въ числѣ ея враговъ. Но она желаетъ, чтобы гнѣвъ, тяготѣвшій надъ міромъ, былъ, наконецъ, уничтоженъ и чтобы были наказаны тѣ, кто содѣлалъ поступки, покрывшіе позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ". Франція „предоставляетъ своимъ врагамъ захватные и корыстные помыслы", сама она „вступила въ войну только для защиты своей свободы и національнаго достоинства и для обезпеченія въ будущемъ всему міру уваженія къ независимости народовъ". Въ упоминанію о „независимости Польши, провозглашенной Россіей", нота присоединяла восторженное притѣсненіе „усиліямъ народовъ, дѣлаемымъ въ разныхъ частяхъ міра,—народовъ, еще находящихся въ оковахъ зависимости, осужденной исторіей". Прямо и опредѣленно нота заявляла, что ко всѣмъ этимъ задачамъ, преслѣдующимъ „побѣду права и справедливости", Франція „сама" присоединяетъ одну: „она желаетъ возвращенія вѣрныхъ и преданныхъ ей областей—Эльзаса и Лотарингіи" и „возмѣщеніе убытковъ на стою безчеловѣчнаго опустошенія, а также необходимыхъ гарантій для предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ непримиримой провокаціей нашего врага". Высказавъ увѣренность, что „только принятая этимъ принципомъ русская внѣшняя политика достигнетъ цѣли" и что „только послѣ побѣдной борьбы союзники могутъ создать прочный и длительный миръ на основѣ права", нота кончала очень осторожнымъ „увѣреніемъ", что французское правительство „преисполнено желанія прійти къ соглашенію не только по вопросу о способѣ продолженія войны (это составляло обычную задачу союзныхъ конференцій)... но также и объ ея окончаніи" путемъ изученія и установленія съ общаго согласія условій, при которыхъ союзники могутъ рассчитывать на достиженіе окончательнаго рѣшенія, согласно съ тѣми идеями, которыми они руководились при веденіи настоящей войны.

Всего непріятнѣе для М. И. Терещенко оказался текстъ американской ноты, въ которой Френсисъ не согласился измѣнить ни одного слова. Имъ Вильсона у нашихъ радикаловъ внѣшней политики пользовалось особымъ почетомъ. Разсѣлъ заявлялъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, что онъ желаетъ „мира безъ побѣды" и что перемиріе одной изъ сторонъ ненабѣжно сдѣлаетъ миръ несправедливымъ и непрочнымъ. Поклонники Вильсона закрывали глаза на тотъ несомнѣнный фактъ, что своимъ вступленіемъ въ войну Америка окончательно привнала справедливымъ дѣломъ одной изъ борющихся сторонъ и тѣмъ самымъ покинула позицію „мира безъ побѣды". Американскій отвѣтъ на русскія отвлеченныя формулы долженъ былъ выяснить это до конца, и, разорвавъ послѣднія иллюзіи, окончательно отнять почву у новаго дурца внѣшней русской поли-

твия. Вильсонъ былъ въ этомъ отношеніи безжалостенъ и сразу, въ самомъ началѣ своей ноты, ударилъ въ самое больное мѣсто этого новаго курса. „Приблизжается къ Россіи американская делегація, чтобы... обсудить наилучшіе способы сотрудничества“, — такъ начиналась эта нота; а между тѣмъ „въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль“ самыя задачи этого сотрудничества „значительно затуманивались ошибочными и неправильными утвержденіями“. Вильсонъ тутъ же указалъ съ обычной своей прямою источникъ этихъ „неправильныхъ утвержденій“. „Война стала складываться противъ Германіи. Германскіе правящіе круги проявляютъ отчаянное желаніе спастись отъ неизбежнаго пораженія. Для этого они прибѣгаютъ къ всѣмъ рѣшительно средствамъ, какія находятся въ ихъ распоряженіи“. Въ частности, „они прибѣгаютъ даже къ пользованію влияніемъ тѣхъ группъ и партій нѣмецкихъ подданныхъ, къ которымъ сами они никогда не относились справедливо, прилично или хотя бы терпимо. Черезъ ихъ посредство они налаживаютъ пропаганду по обѣимъ сторонамъ океана, съ цѣлью сохранить за собой влияніе дома и власть за границей, на пагубу тѣхъ самыхъ людей, которыми они пользуются“.

Чего добивается Германія? Американская нота отвѣчаетъ точно и правильно: она „ищетъ залога, чтобы война кончилась восстановленіемъ status quo ante“. „Можемъ ли мы допустить восстановление status quo ante bellum?“ Нѣтъ. Видѣ „именно изъ status quo ante возникла настоящая несправедливая война, — именно изъ мощи германскаго правительства внутри имперіи и изъ широко распространеннаго господства и влияния его въ этой имперіи“. „Правящіе классы въ Германіи... несправедливо пріобрѣли для себя и для своихъ частныхъ властолюбивыхъ плановъ своекорыстныя преимущества по всему пути отъ Берлина до Багдада и далѣе. Иностранныя правительства, одно за другимъ, оказались, благодаря этому влиянію, хотя и безъ открытаго завоеванія ихъ территорій, запутанными въ сѣть интригъ, направленныхъ не противъ чего-либо меньшаго, какъ миръ и свобода міра“. Вотъ тотъ status quo, который „долженъ быть измѣненъ такимъ способомъ, который помѣшалъ бы когда-либо снова произойти такой чудовищной нещѣ“, и для этого „петли интриги должны быть равновѣсны... путемъ исправленія уже причиненныхъ золъ, и нѣры должны быть приняты для предотвращенія возможности когда-либо снова сплести или починить эту сѣть“.

Чего хочетъ Америка? „Ея положеніе въ настоящей войнѣ“, говоритъ нота, „такъ ясно и гласно, что никто не можетъ отгоняться непониманіемъ“. Эта ясность положенія Америки и была рѣшительнымъ камнемъ преткновенія для идеологій русскаго совѣта. „Америка не ищетъ ни матеріальной пользы, ни какого бы то ни было пріращенія. Она сражается не за выгоду или своекорыстную задачу“. И, однако, она сражается: мало того, она начала сражаться, со всѣмъ свѣжимъ пыломъ неистощенныхъ силъ и нетронутаго энтузіазма, когда въ Россіи затонули о „разбойнической“ войнѣ „империалистическаго правительства“. Въ приведенныхъ цитатахъ уже угадана отрицательная задача участія Америки въ войнѣ: мы знаемъ, чего больше не хочетъ Америка. Чего же она добивается въ положительномъ смыслѣ? Вильсонъ отвѣчаетъ однимъ изъ своихъ удивительныхъ опредѣленій, въ которыхъ сложность и глубина мысли борются съ ясностью и точностью выраженія. „Братство человѣчества не должно быть долѣе красивымъ, но пустымъ фразой. Ему надо дать строеніе силы и реальности. Нація должны осуществить общую свою жизнь и учредить дѣйственное сотрудничество для обезпеченія

этой жизни против нападеній самодержавной и себялюбивой аластї. Для этих цѣлей мы можемъ расточать свою кровь и достояніе, ибо мы всегда этихъ цѣлей желали. Если мы теперь не будемъ расточать на нихъ кровь и благосостоянія и не получимъ успѣха, то, быть можетъ, мы никогда не будемъ способны снова объединиться и составить силу для великаго дѣла челоуѣческой свободы. Насталъ день одержать вверхъ или покориться. Если силы автократіи смогутъ насъ подавить, то онѣ подавятъ. Если мы останемся объединены, то побѣда обезпечена, и она дастъ намъ свободу. Тогда мы сможемъ быть великодушны: по ни тогда, ни теперь, мы не должны быть слабы; не должны упустить ни одного средства обезпечить справедливость и безопасность“.

Новый курсъ англійской политики потерпѣлъ, такимъ образомъ, очеидное для всѣхъ фіаско. „Можно по этому поводу негодовать, можно наговорить множества жалкихъ словъ“, писала газета „Дей“, „можно громить буржуазію, можно попытаться замолчать или заглушить правду—это дѣло вкуса, но шла въ мішѣ не утаишь... Съ демократической Россіей заглушили такъ, какъ не осмѣливались говорить съ царской Россіей... Первоначально насъ испугались..., но дни шли за днями, и трезвые политики за границей присматривались къ тому, что у насъ происходитъ, и сдѣлали свои выводы“.

Новыя уступки М. И. Терошенко совѣту.

Все негодованіе теперь, послѣ асѣхъ прежнихъ выходовъ противъ Англіи и Франціи, обрушилось на Вудро Вильсона. „Слова за народами“, писали теперь „Извѣстія Совѣта р. и с. д.“. „Президентъ Вильсонъ ошибается, если думаетъ, что такіе мысли могутъ найти доступъ къ сердцу революціоннаго народа. Россійская революціонная демократія слишкомъ хорошо и твердо знаетъ, что путь къ страстно ожидаемому асеобщему миру лежитъ только черезъ объединенную борьбу трудящихся асего міра съ мировымъ империализмомъ. Не могутъ, поэтому, сбить никакія туманныя высокопарныя фразы. И само собой понятно, какія чувства вызовутъ въ ней странная претензія изобразить все болѣе и болѣе возрождающійся въ международномъ социализмѣ духъ братства и мира какъ... результатъ иѣмецкой интриги“. Однако же, офиціозъ коалиціоннаго правительствасчелъ за лучшее подавить въ себѣ эти „чувства“ и принять въ отвѣтахъ союзниковъ два шага впередъ по пути, намѣченномъ „революціонной демократіей“: во-первыхъ, „признаніе принципа“ и, во-вторыхъ, „согласіе на пересмотръ договоров“. „Наше правительство“, заваяла „Извѣстія“ отъ 13-го мая, „сумѣетъ сдѣлать изъ этого согласія надлежащіе выводы, а именно, преаратитъ пересмотръ договоровъ въ коренное иѣненіе ихъ въ томъ направленіи, котораго требуетъ революціонная Россія“, автравивши изъ договоровъ, при помощи „народовъ Англіи и Франціи“, „все, въ чемъ могъ найти приближеніе империализмъ“. Въ этому требованію присоединились и органъ меньшеавковъ с. д. („Рабочая Газета“). „Англіійская и французская буржуазія“, гоарила газета 28 мая, „готова переиѣнить флагъ, но подъ новымъ флагомъ они желаютъ проавести старый грузъ... На такой почвѣ никакого соглашенія между нами и ими быть не можетъ... Но, въ такомъ случаѣ, послать ультимативную ноту и, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, рвать съ союзниками? Нѣтъ, конечно нѣтъ... Должна быть сдѣлана попытка пересмотра (прежняго соглашенія между союзниками) путемъ специально созванной конференціи представителей союзныхъ правительствъ“.

Ближайший шаг М. И. Терещенко, въ отвѣтъ на полученныя ноты союзниковъ, былъ, такимъ образомъ, прекузанъ. 31 мая М. И. Терещенко передалъ Альберу Тома при его прощальномъ визитѣ, слѣдующую ноту, опубликованную затѣмъ 3-го іюня. „Русская революція является не только переворотомъ во внутреннемъ строѣ Россіи, но и могучимъ идейнымъ движеніемъ, выявившимъ волю русскаго народа въ стремленіи къ равенству, свободѣ и справедливости какъ во внутренней жизни государства, такъ и въ области международныхъ отношеній. Въ волѣ этой члены русскаго революціоннаго правительства почерпаютъ свои силы; въ служеніи ей — ихъ долгъ и задача“. Послѣ этого введенія нота повторяла сакраментальныя фразы совѣтскаго пацифизма о „стремленіи къ достиженію всеобщаго мира на основаніяхъ, исключающихъ всякое насилие, откуда бы оно ни исходило, равно какъ и всякіе империалистическіе замыслы, въ какой бы формѣ они ни проявлялись“, и о томъ, что „вѣрный этапъ принциповъ русскій народъ твердо рѣшилъ бороться съ явными или скрытыми империалистическими замыслами нашихъ противниковъ какъ въ политической, такъ и въ финансовой или экономической области“. Подчеркнувъ этотъ свое разногласіе съ формулами союзниковъ, М. И. Терещенко указывалъ далѣе и на тотъ способъ устраниенія этого разногласія, который былъ уже предрѣшенъ. „Если въ отношеніи дѣлей, преслѣдуемыхъ на войнѣ, и могущъ проявляться различія во взглядахъ между нашими и союзными правительствами, мы не сомнѣваемся, однако, что такое единеніе между Россіей и ея союзниками обеспечить въ полной мѣрѣ общее соглашеніе по всѣмъ вопросамъ на основаніи выставленныхъ русскою революціею принциповъ“. „Привѣтствуя рѣшенія тѣхъ союзныхъ державъ, которыя изъявили готовность идти навстрѣчу желанію русскаго правительства подвергнуть пересмотру соглашенія, касающіяся конечныхъ задачъ войны“, нота предлагала „созвать для этой цѣли конференцію представителей союзныхъ державъ, которая могла бы состояться въ ближайшее время, когда сойдутся для этого благоприятныя условія“. Въ пересмотра объявлялось лишь одно соглашеніе (5 сент. 1914 г. въ Лондонѣ) о незаключеніи однимъ изъ союзниковъ сепаратнаго мира.

Заранѣе условленная съ вождями совѣта, русская нота была, конечно, встрѣчена совѣтскою печатью съ полнымъ сочувствіемъ: это уже не „дѣловыи дипломатическій языкъ Миллюкова“ („Раб. Газета“ 4 іюня). Подчеркнутыя слова о „насилии“ и „империалистическихъ задачахъ“ были истолкованы, какъ относящіеся также и къ союзникамъ: Россія этотъ „разрывала закодированный кругъ всемірнаго империализма“ и давала „борьбѣ русской революціи съ системой всемірнаго империализма“ о „широкую международную постановку“. Уточнивую фразу о „благопріятныхъ условіяхъ“ оффиціозъ совѣта также толковалъ въ своемъ смыслѣ: такіа условія создадутся, когда „международная борьба демократіи“ „побудитъ правительства Англіи и Франціи пойти навстрѣчу требованіямъ російской революціи“. „Рѣшающую роль въ развитіи этой борьбы должна сыграть международная конференція, созываемая въ Стокгольмѣ по инициативѣ исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. Къ концу работъ этой конференціи в. р. правительство и приурочиваетъ постановку на практическую почву вопроса о пересмотрѣ договоровъ“ („Ивѣстія Совѣта р. и с. д.“ 4-го іюня). А такъ какъ въ этому времени уже начала выясняться проблематичность созыва Стокгольмской конференціи, то непримиримая идеологія совѣта и экспортунавиъ М. И. Терещенко легко

нашим примиреніе въ уклончивой фразѣ, отлагавшей пересмотръ договоровъ ad calendarum astae. Советскій офиціозъ могъ заявлять, что нота Терещенко „знаменуетъ собой рѣшительный поворотъ въ истокахъ международной политики Европы“ (таки же), а европейская дипломатія могла безъ особаго труда примириться съ новой русской фразеологіей, тѣмъ болѣе, что тутъ же М. И. Терещенко давалъ сомнѣникамъ и дружественной къ нимъ части русскаго общественнаго мнѣнія яркій реваншъ. Въ одинъ день со своей полой министръ иностранныхъ дѣлъ опубликовалъ перехваченную переписку Роберта Гримма съ федеральнымъ советникомъ Гофманомъ объ условіяхъ германскаго мира (см. VI главу); въ этому документу были приложены скупанные объясненія Гримма, данныя Церетели и Скобелеву, двумъ министрамъ, гарантировавшимъ Терещенко благонадежность Гримма при его вѣздѣ въ Россію. Объясненія Гримма, по сообщенію правительства, были признаны Скобелевымъ и Церетели „неудовлетворительными“, и заявленіе кончалось сообщеніемъ: „временное правительство постановило предложить Роберту Гримму покинуть предѣлы Россіи. Р. Гриммъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи“. Нужно прибавить, что М. И. Терещенко сдѣлалъ этотъ шагъ въ тотъ моментъ, когда въ частномъ совѣщаніи членовъ Г. Думы было намѣчено обсужденіе вопроса внѣшней политики и долженъ былъ подвергнуться публичной критикѣ первый мѣсяцъ новаго курса. Давъ знать частнымъ образомъ, что, „для поддержанія равновѣсія,“ онъ не явится съ объясненіемъ къ членамъ Г. Думы, чтобы не быть вынужденнымъ явиться также и передъ совѣтомъ, М. И. Терещенко старался установить нѣкоторое равновѣсіе и въ своемъ активѣ и пассивѣ передъ болѣе широкимъ фронтомъ русскаго общества.

По отношенію къ общей задачѣ коалиціоннаго кабинета эти частные шаги и мѣры, разумеется, имѣли лишь второстепенное значеніе. Оправдываетъ или нѣтъ коалиціонный кабинетъ ту поддержку, которую онъ получалъ отъ союзниковъ и отъ извѣстной части общественнаго мнѣнія, поддерживавшей правительство перваго состава,—это зависѣло теперь исключительно отъ того, удастся или не удастся русское наступленіе. Оно готовилось, какъ мы видѣли, въ полномъ противорѣчій со всей остальной обстановкой, созданной условіями „демократической“ поддержки правительства. За поддержку эту приходилось платить, — и цѣна уплаты далеко превышала стоимость получившейся „поддержки“. Чтобы отдать себѣ отчетъ, чѣмъ именно приходилось жертвовать, еще недостаточно ознакомиться съ жертвами, принесенными „революціонной демократіей“ въ области военнаго дѣла и внѣшней политики. Нужно остановиться еще на тѣхъ положительныхъ требованіяхъ, которыя ставили съ оими министрамъ-соціалистамъ „демократическія“ организаціи въ области, ближе всего къ касавшейся: въ области социальныхъ реформъ, въ рабочемъ и земельномъ вопросахъ.

5. Уступки демагогамъ „пролетаріата“.

Уступки рабочему классу.—Разрушеніе народнаго хозяйства.—Отставка А. И. Коновалова.—Роль Гендерсона.—Торжество большевистской тенденціи („рабочій контроль“).—Податное обложеніе „буржуазіи“.

Уступки рабочему классу.

„Пролетарій“, выйдя съ солдатами, одинъ изъ главныхъ героевъ революціи, долженъ былъ и по господствующей теоріи социализма, и по практическимъ соображеніямъ,

назначать для массовой победы, преимущественную и осязательную выгоду. Но, не успевшим существованию русской промышленности, в особенности в военное время, и при полной неподготовленности и неорганизованности рабочего класса, эта выгода вводилась жизнью в очень тесные рамки. Меры охраны труда уже были поставлены на очередь и отчасти проведены еще законодательством царского правительства и двух Государственных Дум. Можно было, конечно, говорить о дальнейшем развитии и усовершенствовании этих мер, но это уже были детали, не соответствовавшие широкому размаху момента. Выйти из этих рамок охраны труда, намеченных мировым законодательством, можно было только в область утопии,—в область немедленного осуществления социалистического производства, при котором уже ни в какой охране труда не было надобности. Русская жизнь, здесь, как и в других областях, сразу пошла общими путями, реальности и утопии, постоянно сбиваясь с одного на другой—и не подвигаясь вперед ни по тому, ни по другому.

О создании министерства труда думало уже первое временное правительство, предполагавшее отдать этот портфель социалисту. Получив отказ, это правительство решило пойти путем европейских прецедентов и, в вид подготовительной меры, создать „отдел труда“ при министерстве торговли и промышленности. Глава этого министерства, А. И. Ковалев, являясь одним из самых видных представителей промышленного класса, в то же время пользовался симпатиями социалистических кругов. „Отдел труда“ был организован, и за полтора месяца своего существования развернул широкую деятельность. Вот характеристика его деятельности, сданная компетентным лицом, проф. М. Вернадским („Русское Слово“, 9-го мая 1917 г.).

„Центр тяжести работы отдела лежал в создании новых законодательных норм, обеспечивающих свободу рабочих организаций. Вследствие того, что каждому законопроекту приходилось подвергаться длительным обсуждениям в коллегиальном органе,—комитете, состоявшем из представителей промышленников и рабочих,—за истекшее время удалось издать только один закон—о рабочих комитетах в промышленных заведениях, об этой основной ячейке рабочего представительства. Были подготовлены законодательные предложения о профессиональных рабочих союзах, о примирительных камерах, о биржах труда. Начато было выяснение трудного вопроса о восьмичасовом рабочем дне, для чего отдел представил ряд материалов. Законопроект, обеспечивающий т. наз. „забастовочное право“, находился в стадии обсуждения. Решено было также предпринять серьезное статистическое исследование рабочего рынка, и особая комиссия установила принципы первой „трудовой переписи“. Намечена была программа первоначальных изменений наших страховых законов, и часть работы исполнена. Кроме того, впредь до учреждения особой комиссии по установлению нравных начал трудового договора, в отделе велась энергичная деятельность по предварительному пересмотру устава о промышленном труде и по вопросу об учреждении особой трудовой инспекции“.

В коалиционном кабинете, министерство труда во главе которого стал М. И. Скобелев, получило, однако, не одно только наследство более или менее подготовленного материала. Оно стояло лицом к лицу с недовольным и возмущенным рабочим классом, еще более требовательным к своему министру-социалисту, чем к министрам „буржуазным“.... Не желая ждать плодов правительственного законодательства,

рабочий класс требовал немедленных выходов для себя и немедленных же мер воздействия на предпринимателей, получивших, по его убеждению, „сказовые барыши“ от войны. С первых же дней революции „пролетариат“ пошел явочным путем. Он требовал немедленного введения 8-ми часового рабочего дня, немедленного же увеличения рабочей платы, не признавал надъ собой власти представителей заводской администрации, отрицал пользу и значение технического надзора, смотря на него, какъ на лишнее и несправедливое стѣсненіе, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе избавиться, хотя-бы приемами непосредственного насилия. Нужно прибавить, что вся эта требовательность рабочего класса совпала съ періодомъ крайняго стѣсненія промышленности, все болѣе вынуждавшейся продолжать свое существованіе за счетъ казны и уже стоявшей подъ знакомъ приближавшагося кризиса, вследствие быстро прогрессирующаго разстройства транспорта, крайне затруднявшаго доставку фабрикамъ топлива и сырого материала. Бесконечные споры о томъ, кто виноватъ въ понижении производительности фабрикъ, вызвали ли его упадокъ производительности труда, при его дорогой оплатѣ, или невозможность работать вследствие недостатка сырья и топлива, новыя ли претензіи рабочихъ или унаследованная отъ стараго режима хозяйственная разруха, являлись типичнымъ выраженіемъ нарастающаго конфликта между трудомъ и капиталомъ.

Въ началѣ представители промышленности пытались наладить соглашеніе съ рабочими, идя при этомъ на самыя широкія уступки, лишь бы сохранить предприятия на ходу. Вотъ, въ видѣ примѣра, одно изъ такихъ соглашеній, состоявшееся 11-го марта между петроградскимъ советомъ р. и с. д. и петроградскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ о введеніи 8-ми ч. рабочего дня, учрежденіи фабрично-заводскихъ комитетовъ и примирительныхъ камеръ. „1) Впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочего дня вводится на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ восьмичасовой рабочий день (8 часовъ дѣйствительнаго труда) во всѣхъ сѣнахъ, причемъ наканунѣ воскресенья работы производятся 7 часовъ, сокращеніе часовъ работы не нѣтъяетъ размѣра заработка, и сверхурочныя работы допускаются лишь съ согласія фабрично-заводскихъ комитетовъ. 2) Фабрично-заводскіе комитеты (советы старостъ) избираются на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права изъ числа рабочихъ даннаго предприятия и служатъ для сношеній рабочихъ съ правительственными и общественными учрежденіями, для формулировки мнѣній рабочихъ по вопросамъ общественно-экономической жизни, для разрѣшенія внутреннихъ взаимоотношеній между рабочими и для представительства рабочихъ передъ администраціей предприятий. 3) Для разрѣшенія недоразумѣній между администраціей предприятий и рабочими учреждаются примирительныя камеры изъ равнаго числа представителей обѣихъ сторонъ; въ случаѣ, если соглашеніе не достигнуто, споръ переносится въ центральную примирительную камеру, составленную въ равномъ числѣ изъ представителей совета р. и с. д. и общества фабрикантовъ и заводчиковъ. Удаленіе мастеровъ или лицъ администраціи, и тѣмъ болѣе насильственный самосудъ, недопустимы безъ разбора для примирительной камерой“. Идеаломъ при составленіи такихъ соглашеній являлась формула, принятая всероссийскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ, 21-го марта: „Великія социальныя проблемы, стоящія передъ Россіей“ въ частности, аграрная и рабочая, должны быть разрѣшаемы путемъ постепеннаго и планомернаго законодательства, основаннаго на согласованіи справедливыхъ интересовъ различныхъ классовъ и модиченіи этихъ интересовъ государственному и общественному благу“.

Разрушение народного хозяйства.

Действительность оставила далеко в стороне и этот идеал, и эти соглашения. Уже 22 марта известный экономист, социаль-демократ П. П. Маслов, в "открытом письме советам рабочих депутатов" "хотѣлъ крикнуть на всю Россію", что "отечество въ опасности... не отъ вишняго врага,... не отъ реакціонеровъ"... Она "тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидаютъ" и о чемъ "слишкомъ мало думаютъ": она "въ возможности разстройства народнаго хозяйства", какъ результатъ несогласованности "классовыхъ интересовъ рабочаго класса съ общегосударственными интересами". "Чего стоятъ „завоеванный восьмичасовой день“, спрашивалъ Масловъ, „если совсѣмъ нѣтъ работы? Чего стоятъ повышеніе заработной платы, если нѣтъ пашущаго хлѣба?... Нужна усиленная добыча каменнаго угля, чтобы не остановить фабрикъ, работающихъ въ промышленныхъ центрахъ. Нужна усиленная добыча рудъ и выработка металла для металлургическихъ заводовъ, нуженъ хлопокъ для текстильныхъ фабрикъ и т. д. И прежде всего нужно усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ для доставки этихъ матеріаловъ, усиленный ремонтъ паровозовъ и вагоновъ. Эту огромную работу не могутъ рѣшить самостоятельно ни временное правительство, изъ кого бы оно ни состояло, ни промышленники, безъ активнаго участія совета рабочихъ депутатовъ“.

Этотъ горячій призывъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 10 мая въ засѣданіе коалиціоннаго правительства явились представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности, во главѣ съ Н. Н. Кутлеромъ, председателемъ совета съѣздовъ торговли и промышленности, и нарисовали ясную картину той хозяйственной разрухи, отъ которой предостерегалъ рабочихъ П. П. Масловъ. При сложившихся условіяхъ, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могутъ. Промышленникамъ приходится оплачивать трудъ не за счетъ доходовъ, а за счетъ основныхъ капиталовъ, которые будутъ израсходованы въ короткій срокъ, и тогда предприятия придется ликвидировать. Такъ напр. въ Донецкомъ районѣ 18 металлургическихъ предприятий владѣютъ основнымъ капиталомъ въ 195 милліоновъ рублей, имѣютъ валовую прибыль за послѣдній годъ 75 милліоновъ и дивиденды 18 милліоновъ. А рабочіе требуютъ увеличенія заработной платы на 240 мм. р. въ годъ болѣе существовавшей до сихъ поръ расцѣпки. Промышленники соглашаются увеличить плату на 64 милліона. Но рабочіе не хотятъ и слышать объ этомъ. Они не соглашаются и на предлагаемую владѣльцами уступку всей прибыли. Они говорятъ: пусть предприятие перейдетъ къ государству. Но вѣдь и государство не можетъ оплачивать рабочихъ въ ущербъ дальнѣйшему существованію предприятия. Промышленники заявили коалиціонному правительству, что, сознавая серьезность положенія, они готовы на всякія жертвы. Они готовы на пересмотръ всѣхъ налоговыхъ тяготъ, вопроса о военной прибыли, имущественнаго, наследственнаго, и др. налоговъ; они готовы даже на полный отказъ отъ военной прибыли, лишь бы сохранить предприятия до урегулированія общаго положенія.

Любопытны іренія въ правительствѣ, вызванныя докладомъ Н. Н. Кутлера. Министръ труда М. И. Оболеневъ находилъ, что стремленіе рабочихъ увеличить свой заработокъ—воплотѣ естественно и законно, ибо ихъ заработная плата была до сихъ поръ чрезвычайно низка, а за годы войны они были свидѣтелями необычайнаго обогащенія предпринимателей, принимавшаго иногда совершенно небрежныя размѣры. Имущіе классы

должны отказаться от претензий классового эгоизма в пользу государства; промышленники должны отказаться от прибылей и дивидендов не только текущего, но и прошлых годов. Къ этому присоединились и развили тѣ же мысли В. М. Черновъ и И. Г. Церетели. Заявление Кутлера, что всѣ эти мѣры приемлемы, но онѣ осуществимы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ рѣчь идетъ о немедленномъ крахѣ промышленности, который неизбежно поведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ и дастъ имъ „предметный урокъ“, вызвало протесты не только министровъ-социалистовъ, но и А. И. Коновалова. Сами они противопоставили пессимистическому прогнозу Кутлера, принятому ими за предложеніе произвести надъ рабочими недостойные „эксперименты“, только два предложенія: во-первыхъ, прекратить войну, а для этого побудить промышленниковъ стать на точку зрѣнія „демократическаго мира“, и во-вторыхъ, немедленно ввести органы правительственного контроля въ особенно угрожаемыя предприятия. Кн. Львовъ сдѣлалъ послѣ этого обычное для него оптимистическое резюме о „возможности надѣяться на успѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій“, намѣчаемыхъ правительствомъ въ области обложенія; а для детальной разработки плана мѣропріятій для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ рѣшено было устроить совѣщаніе трехъ министровъ: труда, торговли и промышленности и финансовъ. На слѣдующій же день, 11 мая, три министра: Скобелевъ, Коноваловъ, и Терещенко, собрались и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Во-первыхъ, необходимо, для устранения подозрѣній „революціонной демократіи“ относительно необычайныхъ прибылей „имущихъ классовъ“, въ ускоренномъ порядкѣ провести новыя нормы для всѣхъ видовъ прямого обложенія: военной прибыли, подоходнаго и помущественнаго налога. Военную прибыль („сверхъ-прибыль“) рѣшено обложить такъ, чтобы, по возможности, вся она перешла въ казну. Вернуть этимъ путемъ доходы предыдущихъ двухъ лѣтъ войны, уже разошедшіеся по рукамъ акціонеровъ и получившіе то или другое, производительное или непроизводительное употребленіе, было, очевидно, невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, часть ея рѣшено вернуть усиленіемъ ставокъ подоходнаго и помущественнаго обложенія. По мнѣнію трехъ министровъ, такіа рѣшительныя мѣры должны были увеличить авторитетность правительства при его вмѣшательствѣ въ конфликтъ между трудомъ и капиталомъ. Самое это вмѣшательство предполагено было министрами въ формѣ посланки особыхъ правительственныхъ комиссаровъ въ административные органы предприятий, гдѣ возникаютъ недоразумѣнія. Въ основныхъ отрасляхъ промышленности, какъ горную, металлургическую, текстильную и т. д., предполагено еще болѣе рѣшительное вмѣшательство государства, а въ остальныхъ случаяхъ даже и „огосударствленіе“ предприятий. Относительно урегулированія рабочей платы министръ труда высказалъ пожеланіе, чтобы рабочіе обращались со своими требованіями не прямо къ отдельнымъ предпринимателямъ, своимъ хозяевамъ, а къ посредничеству государственной власти, которая, соответственно выработаннымъ нормамъ оплаты труда въ цѣлой данной отрасли его или профессіи, уже опредѣляла бы конкретные размѣры, сообразуясь съ условіями труда въ томъ или другомъ отдельномъ предприятии. Это было громоздко и мало опредѣленно, но, все же, было принято. Каждое изъ трехъ министерствъ должно было затѣмъ выработать проекты отдельныхъ мѣропріятій, намѣченныхъ въ совѣщаніи 11 мая.

При разработкѣ въ відомствахъ въ ближайшіе дни, намѣченная программа обогатилась новыми чертами, — въ направленіи чего-то средняго между государственнымъ и

военным социальным. Для урегулирования рабочего вопроса намечалось распределение труда по отдельным местностям и отдельным отраслям промышленности; затѣм, организация широкой сети примирительных камер, обращеніе къ которым должно было быть обязательно для обѣихъ сторонъ, окончательное же рѣшеніе по вопросам о заработной платѣ должно было выполняться особыми органами, учрежденными правительствомъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Упорядоченіе производства и распределения продуктовъ также предполагалось достигнуть мѣрами широкаго государственнаго вмешательства. Для правильнаго распределения угля и нефти проектировалось введеніе товарной монополіи на минеральное топливо. Производство другихъ нужныхъ для народнаго хозяйства и для обороны предметовъ должно было обеспечиваться синдицированиемъ частныхъ предпріятій въ важѣйшихъ отрасляхъ промышленности подъ контролемъ государства по примѣру Германіи. Въ качествѣ регулирующихъ органовъ предполагалось созданіе въ центрахъ и на мѣстахъ различныхъ профессиональных комитетовъ, по типу существующихъ (кожевеннаго и др.), но подлежащихъ демократическому переустройству. Въ перспективѣ рисовалось учрежденіе центрального комитета по урегулированію народнаго хозяйства и введеніе всеобщей трудовой повинности. Намѣченный планъ долженъ былъ быть официально объявленъ правительствомъ въ особой деклараціи, два проекта которой (Скобелева и Степанова) были представлены министерствомъ труда и министерствомъ торговли и промышленности. Оба проекта исходили изъ подтвержденія твердой рѣшимости правительства „теперь же властно выйти въ хозяйственную жизнь страны и подчинять ее государственному контролю и регулированію“. Но въ средствахъ достигнуть этой цѣли они существенно расходились.

Отставка А. И. Коновалова.

Раньше, чѣмъ работа по составленію деклараціи была доведена до конца, она послужила поводомъ къ частичному министерскому кризису. Вечеромъ 18 мая А. И. Коноваловъ, одинъ изъ трехъ совпавшихся министровъ, отправилъ министру предсѣдатель заявленіе, что „при создавшихся условіяхъ онъ пришесть къ мысли о полной невозможности лично для себя продолжать руководить министерствомъ торговли“. Несмотря на всѣ убѣжденія товарищей, что уходъ его будетъ истолкованъ, „какъ несогласіе либеральной буржуазіи съ взглядами временнаго правительства“, А. И. Коноваловъ не взялъ назадъ своей отставки. Но, — очевидно, для избѣжанія только что указанной опасности, — онъ изложилъ мотивы своего ухода очень уклончиво. „Принципально“ онъ не расходился съ министрами труда, хотя „не отрицалъ, что положеніе его, какъ министра торговли, не могло упрочиться послѣ недавнихъ выступленій М. И. Скобелева“ (разумѣется, по поводу заявленія министра труда передъ совѣтомъ р. и с. д. 13 мая о необходимости „забрать прибыли изъ кассъ предпріятій и банковъ“ „безопаснымъ обложеніемъ (до 100%) нищатаго класса“, „взавести акціонеровъ подчиняться государству“ въ формѣ „трудоустройственной повинности“ и т. д.). М. И. Скобелевъ объявлялъ выдуманной акціонеровъ заявленіе, что „рабочіе предъявляютъ чрезвычайныя экономическія требованія“. А. И. Коноваловъ „стоялъ всецѣло за повсемѣстныя организаціи примирительныхъ камеръ, за работу коллективныхъ тарифовъ, за созданіе въ большихъ промышленныхъ центрахъ арбитражныхъ комиссій“, но онъ скептически относился къ той формѣ общественнаго контроля и къ тому способу регулированія промышленнаго производства, которое намѣ-

чало въ своей деклараціи правительство". По мнѣнію А. И. Копылова, "насажденіе демократическихъ органовъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской дѣятельности, сводится къ тому, что въ большинствѣ промышленныхъ предпріятій окажутся люди экономически неопытные, и вмѣсто улучшенія получится дезорганизация." Эту частную причину, побудившую А. И. Копылова сложить съ себя отвѣтственность за катастрофу, которой онъ не могъ предупредить, онъ сводилъ къ болѣе общей причинѣ—той же самой, которая побудила уйти А. И. Гучкова, когда разрушалось военное дѣло, и П. Н. Милюкова, когда разрушалась наша внѣшняя политика. "Надежда на предупрежденіе кризиса", говорилъ А. И. Копыловъ, "могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконецъ, проявило дѣйствительную полноту власти: если бы, послѣ трехмѣсячнаго опыта, оно стало на путь нарушенной и поправной дисциплины". Но онъ "не видѣлъ даже и признаковъ проявленія правительствомъ этой полноты власти". Гораздо откровеннѣе высказался А. И. Копыловъ о связи между предстоящей экономической катастрофой и кризисами въ другихъ областяхъ государственной жизни въ своей рѣчи на сѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ въ Москвѣ, наканунѣ своей отставки, 17-го мая. "Россію ведетъ къ катастрофѣ антигосударственная тенденція, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами", говорилъ онъ здѣсь: тенденція къ "безперервному поправанію правъ однихъ и созданію привилегій для другихъ". Указавъ на катастрофическое положеніе на фронтѣ, на торжество враговъ, на тревогу соотечественниковъ, А. И. Копыловъ останавливался затѣмъ подробнѣе на причинахъ "этой катастрофы, которая готова потрясти до основанія и разрушить весь строй нашей экономической жизни". "Бросаемые въ рабочую среду лозунги, возбуждая темныя инстинкты толпы, несутъ за собой разрушеніе, анархію и разгромъ общественной и государственной жизни. Подъ влияніемъ этой агитаціи безотвѣстныхъ лицъ, рабочая масса выдвигаетъ требованія, осуществленіе которыхъ связано съ полнымъ крушеніемъ предпріятій. Совнательное разжиганіе страстей ведется планомерно и настойчиво; огни требованія непрерывно сѣются другими. Формы предъявленія этихъ требованій принимаютъ все болѣе нетерпимый и недопустимый характеръ. И, если въ ближайшее время не проявятся отрезвленія отуманенныхъ головъ, если люди не поймутъ, что они рубятъ тотъ сулъ, на которомъ сидятъ, если руководящимъ элементамъ совѣта р. и с. д. не удастся овладѣть движеніемъ и направить его въ русло закономѣрной классовой борьбы, то мы будемъ свидѣтелями приостановки десятковъ и сотенъ предпріятій. Государство не можетъ взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительно-привилегированное положеніе за счетъ всего населенія". Вотъ для чего, слѣдовательно, была нужна, по мнѣнію А. И. Копылова, та полнота правительственной власти, на проявленіе которой онъ не рассчитывалъ, и вотъ почему онъ скептически относился къ "насажденію" односторонняго "демократизма" въ русской промышленности. Надо думать, что невозможность того и другого, правильнаго правительственнаго метода и правильнаго содержанія правительственной программъ, стала ему понятна давно. Но именно его личные связи съ демократіей и опасеніе перетолкованія его мотивовъ классовыми и "буржуазными" побужденіями заставили его терпѣть до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ дать свою подпись подъ завідоме для него неосуществимой и опасной правительственной деклараціей.

Роль Гендерсона.

В самый момент отставки А. И. Коновалова, ночью 18-го мая, приехал в Петроград великобританский министр труда Артур Гендерсон. Появлять на отставку русского министра торговли и промышленности он уже не мог. Но по отношению к программе нового курса в рабочем вопросе он сыграл у нас роль, отчасти напоминающую роль Альбера Тома в утверждении нового курса нашей внешней политики. „Я приехал“, заявил Гендерсон, „чтобы помочь правительству своим опытом в разрешении очередных промышленных и экономических вопросов“. И, приняв очередной лозунг „государственного контроля“ за то, что понималось под этим лозунгом в Англии, он всецело положил весь своего влияния на сторону „бросаемых“ в рабочую среду лозунгов, возбуждающих темные инстинкты толпы. Он объяснял правительству, объяснял совету р. и с. д., объяснял в Петроград, объяснял в Москву все громадные преимущества „вмешательства государства в дело регулирования промышленности, во взаимоотношения труда и капитала“. „Вы должны знать“, говорил Гендерсон московскому биржевому комитету (14-го июня), „что вся промышленность, вся работа по снабжению армии взята английским правительством под строгий контроль. И у нас, в Англии, при контроле над промышленниками, нет почти конфликтов с рабочими. Все требования рабочих у нас рассматриваются государством, и оно, если находит возможным удовлетворить их, — удовлетворяет.... Когда началась война, мы предложили рабочим временно отказаться от борьбы за свои права, и они во имя интересов государства отказались. Было время, когда рабочие работали семь дней в неделю, не зная ни праздников, ни отдыха.... Интересы государства должны быть на первом месте. Не думайте, что это — социализм. Я понимаю социализм, как альтруистическое применение коллективного труда в жизни государства. Это есть временная необходимость, ибо государство ведет сейчас войну за собственную жизнь“. И русский министр труда, уже опираясь на английского, говорил московским журналистам (16-го июня): „Когда мы говорим о решительном вмешательстве государства в промышленность, в целях урегулирования ее и введения контроля, то речь идет здесь, конечно, не о социалистическом производстве и не о государственном социализме, а о том минимуме предприятий, в которых нуждается народно-хозяйственная жизнь страны и которые проведены уже в Англии“. Он прибавлял к этому: „французский, бельгийский и английский капитал, занятый в русских предприятиях, уже ушел неизбежность подчинения себя контролю, и официальные представители этого союзного капитала заявляли временному правительству, что они идут навстречу желаниям правительства ввести регулирование и контроль в их предприятиях и установить минимум доходности“.

Торжество большевистской тенденции.

(„Рабочий контроль“).

Увы, из этих шагов союзного капитала — „навстречу желаниям правительства“ — была такая же двусмысленность, как и в готовности Альбера Тома признать лозунг „без аннексий и контрибуций“. Действительно, опасаясь за окончательное разрушение своих предприятий при сложившейся в России обстановке промышленного производства, иностранцы весьма охотно прибегали к правительственному „контролю“, ви-

да въ немъ гарантію противъ чрезвычайныхъ требованій рабочихъ. Заявленіе объ этомъ было официально передано черезъ Гендерсона русскому правительству, въ почтеніе русскими промышленниками*).

Но русскіе рабочіе и ихъ руководители хотѣли совѣтъ другого. Подъ „контролемъ“ они понимали, дѣйствительно, переходъ къ „соціализаціи“ фабрикъ, а потому вовсе не удовлетворялись тѣмъ „минимумомъ“, о которомъ говорилъ Скобелевъ, и не думали о тѣхъ жертвахъ, о которыхъ упоминалъ Гендерсонъ. По ихъ мнѣнію, контроль долженъ былъ быть не „государственнымъ“, а „общественнымъ“, подъ чѣмъ они подразумѣвали контроль рабочій. Эта позиція всего ярче обрисована на конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ и совѣтовъ старостъ Петрограда, открывшейся 30 мая. Въ отвѣтъ на убѣжденія М. И. Скобелева, что „мы находимся въ буржуазной стадіи революціи“, что „самое безпощадное обложеніе не можетъ разрѣшить фивансовой проблемы“, что „русскій капитализмъ самъ по себѣ“ для того, чтобы даже конфискація всѣхъ капиталовъ устранила фивансовую разруху, что „захватъ фабрикъ и заводовъ не измѣнитъ условій труда рабочаго класса“ и не подвинетъ впередъ революцію,—въ отвѣтъ на все это организаціонный комитетъ конференціи (въ которой преобладали большевики) предложилъ такую резолюцію. „Путь къ спасенію отъ катастрофы всей хозяйственной жизни лежитъ только въ установленіи дѣйствительнаго рабочаго контроля за производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ. Для такого контроля необходимо, чтобы во всѣхъ рѣшающихъ учрежденіяхъ было обеспечено за рабочими большинство (не менѣе двухъ третей голосовъ) и чтобы фабрично-заводскіе комитеты, а равно профессиональные союзы

*) Директоръ общества франко-русскаго завода въ началѣ Іюня просилъ правительство не позже 15-го Іюня принять весь заводъ въ свое распоряженіе, слагая съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оплату труда, въ виду экономическихъ требованій рабочихъ, превращающихъ доходность предпріятія, производительность котораго, къ тому же, упала на 50%. Онъ сообщилъ объ этомъ французскому послу и совѣту р. н. с. д. 12-го Іюня Гендерсонъ получилъ и передалъ Терещенко обращеніе фирмъ съ „преобладающимъ англійскимъ капиталомъ“ (Невская прядильная мануфактура, Невская стеариновая, Невская хлопчатобумажная фабрики, Воронина, Лютьшъ и Чешеръ, Спасская хлопчатобумажная, Калининскій пивоваренный заводъ, русская нефтяная фабрика, акц. о-во Уильямъ Хартлей) о „принятіи контроля надъ предпріятіями, на основаніи существующаго въ Англіи правительственнаго контроля“, русскимъ правительствомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднее приняло на себя отвѣтственность за опредѣленіе правъ рабочихъ, „разрѣшеніе вопроса о заработной платѣ“, „обеспечило защиту отъ насилія надъ личностью и имуществомъ“. Мотивы просьбы: „серьезное положеніе промышленности“, „возможность, что много предпріятій вкростеся“, „остановка угрожающаго разоренія“, „обезопасеніе личности и имущества“. Срокъ контроля: „пока не наладится общее положеніе и, во всякомъ случаѣ, до окончанія войны“. Вотъ тотъ документъ, который въ социалистической печати („Дѣло Народа“) былъ объявленъ урокомъ отечественнымъ промышленникамъ. Впрочемъ, „Дѣло Народа“ тутъ же дало урокъ и англійскимъ предпринимателямъ. „Если они думаютъ“, заявила газета, что правительственный контроль въ революціонной Россіи означаетъ то же самое что.... въ Англіи, то они жестоко ошибаются. Государственный контроль за британскими фабриками и заводами, ограничивъ прибыли и хозяйскія права капиталистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне сильно урѣзавъ права рабочихъ, запретивъ имъ стачки, подвергая ихъ перспективѣ административной ссылки за агитацію, свѣда на-нѣтъ дѣйствія фабричнаго законодательства... Этого врем. правительство, считающееся съ нашей трудовой демократіей, допустить не можетъ“. А въ „этомъ“ и была вся сущность англійской регламентаціи производительности фабрикъ, работающихъ на экспортъ.

получили право участвовать въ контролѣ, съ открытіемъ для нихъ всѣхъ торговыхъ и банковыхъ книгъ и съ обязательствомъ сообщать имъ всѣ данныя. Рабочій контроль долженъ быть немедленно развитъ въ полное урегулированіе производства и распредѣленія продуктовъ рабочими. Рабочій контроль долженъ быть продолженъ (распространенъ) на всѣ финансовыя и банковыя предприятия. Спасеніе страны отъ катастрофы требуетъ, чтобы рабочему и крестьянскому населенію было внушено самое полное и безусловное довѣріе (увѣренность), что руководящія и полновластные учрежденія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ государства, не останавливаются передъ переходомъ въ руки народа большей части прибылей, доходовъ и имуществъ крупнѣйшихъ банковыхъ, финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ магнатовъ капиталистическаго хозяйства". Далѣе развѣртывался планъ, — "пока длится война", — введенія "въ общемъ государственномъ масштабѣ общаго сельскохозяйственныхъ орудія, одежды и обуви на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты", а "послѣ осуществленія указанныхъ мѣръ" — "осуществленіе всеобщей трудовой повинности", для чего необходимо "введеніе рабочей милиціи (красной гвардіи), съ постепеннымъ переходомъ къ общенародной поголовной милиціи, съ оплатой труда рабочихъ и служащихъ капиталистамъ" и, наконецъ, — не послѣ всего, а прежде всего, какъ основное условіе "успѣшнаго проведенія... перевода рабочихъ силъ на производство угля, сырья и транспорта, а также перевода рабочихъ изъ производства военныхъ снарядовъ на производство необходимыхъ продуктовъ" — "переходъ всей государственной власти въ руки совѣтовъ р. и с. д.". Конечно, здѣсь видна рука Ленина, который, вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, и защищалъ приведенную резолюцію не только противъ меньшевизма Давидова, но даже и противъ большевика Авиллова. Однако, если не весь Ленинскій планъ перехода къ полусоціализму, то требованія резолюціи объ установленіи рабочаго контроля надъ предприятиями были распространены широко за предѣлы чистаго большевизма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего напечатанный въ тѣ же дни министромъ путей сообщенія Н. В. Некрасовымъ знаменитый циркуляръ 27 мая, прозванный "приказомъ № 1" путевого вѣдомства. Железнодорожные рабочіе петроградскаго узла, недовольные прибавками "комиссіи Паханова", предъявили требованія, за неисполненіе которыхъ грозили общей железнодорожной забастовкой. Правительство, въ огласѣніи съ исп. комитетомъ совѣта с. и р. д., рѣшило "самыми рѣшительными мѣрами, противодействовать надвигающейся разрукѣ"; но подѣ, "самыми рѣшительными мѣрами", кроми противодействія "отдѣльнымъ выступленіямъ", Н. В. Некрасовъ разумѣлъ... полную передачу контроля и надблденія за всѣми отраслями железнодорожнаго хозяйства, съ правомъ отвода въ двухмѣсячный срокъ любого начальствующаго лица, железнодорожному союзу служащихъ. Въ совѣщаніи по перевозкамъ министру сказали, что въ лучшемъ случаѣ только недоразумѣніемъ можно объяснить пониманіе подобной мѣры, какъ мѣры "твердой власти", и что много названія, какъ "демагогическая", она не заслуживаетъ. Трудно было повѣрить, дѣйствительно, въ серьезность зафеминистическихъ объясненій министра, что "привлеченіе организацій къ общегосударственной работѣ... заставить ихъ отрѣшиться отъ узко-профессіональных рѣшеній и сдѣлать ихъ органами государственности". Всякій понималъ, что насаждаемое такимъ образомъ начало ничего общаго не имѣетъ съ военнымъ социализмомъ Гендерсона. Мини-

етерство просто плыло по течению, а течение вело в большевистское русло. Диреклярь 27 мая дезорганизовал желѣзнодорожное хозяйство; а в то же время министерство торговли изъ всѣхъ городовъ Россіи получало повѣстія, что исполнительные комитеты мѣстныхъ революціонныхъ организацій налагаютъ таксы на товары, запрещаютъ вывозъ и производство паѣлій, закрываютъ торговля предприятия, опечатываютъ товары, устраниаютъ законныхъ владѣльцевъ отъ распоряженій предприятиями и т. д. Вотъ чего боялся и не могъ остановить А. И. Коноваловъ, вотъ чего не понималъ Гендерсонъ, вотъ что... Прекрасно понималъ и чему отнюдь не по „государственнымъ“ соображеніямъ подчинялся Некрасовъ. Этими дѣйствительными положеніемъ дѣла объясняется и то, почему никто изъ сколько-нибудь компетентныхъ зватковъ промышленности не согласился заявить мѣсто А. И. Коновалова и почему та декларация, которая его испугала, совсѣмъ не была опубликована правительствомъ. Виѣсто нея, 28-го іюня появилось „обращеніе министра труда ко всѣмъ рабочимъ Россіи“. М. И. Скобелевъ былъ вынужденъ, наконецъ, сказать „товарищамъ рабочимъ“, чтобы они „помнили не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желаніяхъ, но и о возможности ихъ удовлетворенія, не только о своемъ благѣ, но и о жертвахъ, необходимыхъ во имя закрѣпленія революціи и торжества нашихъ конечныхъ идеаловъ“. Картина злоупотребленій, нарисованная воззваніемъ, совершенно подтвердила тотъ докладъ Н. Н. Кутлера правительству полтора мѣсяца тому назадъ, промѣжъ котораго тогда спорили министры-соціаллисты. „Въ настоящее время“, говорило воззваніе, „часто стихійныя выступленія берутъ верхъ надъ организованностью, и вопреки всѣмъ государственнымъ возможностямъ, не считаясь съ состояніемъ предприятий, въ которыхъ вы работаете, и во вредъ классовому движенію пролетаріата, вы иногда добываетесь такого увеличенія заработной платы, которое дезорганизуетъ промышленность и истощаетъ казну, ибо изъ казенныхъ средствъ сейчасъ оплачивается большая часть производительныхъ предметовъ. Нерѣдко рабочіе, вопреки указаніямъ профессиональныхъ союзовъ, отказываются отъ всякихъ переговоровъ съ владѣльцами предприятий и наставляютъ, подъ угрозой насилій, на удовлетвореніи выставленныхъ требованій. При полной свободѣ организацій, такой пріемъ отстраненія своихъ интересовъ является недопустимымъ для сознательныхъ рабочихъ. Когда же они примѣняются въ предприятияхъ, изготовляющихъ предметы первѣйшей государственной необходимости—и въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ,—они превращаются въ прямую угрозу завоеваніямъ революціи... Но еще болѣе недостойными революціонной демократіи являются поступки тѣхъ рабочихъ, которые, не сознавая всей сложности и отвѣтственности техническаго и хозяйственнаго управленія предприятиями и бѣдности Россіи опытнымъ техническимъ и административнымъ персоналомъ, чинятъ насилія надъ служащими и директорами, удаляютъ ихъ по своему усмотрѣнію, виѣшиваются самочинно въ техническое управленіе предприятиями или даже пытаются захватить всецѣло въ свои руки промышленныя заведенія... Враги революціи вихомолку злорадеваютъ, видя, какъ, вследствие изгнанія вами техническаго персонала, разрушается вашими трудомъ налаженное производство и какъ затрудняется сношеніе съ другими странами, когда рабочими преслѣдуются служащіе на нашихъ заводахъ иностранные граждане... Захватъ же фабрикъ и заводовъ дѣлаетъ рабочихъ, не имѣющихъ ни опыта управленія, ни необходимыхъ оборотныхъ средствъ, на короткій срокъ хозяевами, но вскорѣ приводитъ ихъ въ закрытію захваченнаго предприятия или въ подчиненію рабочихъ еще худшему предпри-

нимательскому произволу. Товарищи рабочие, не захвати отдельных фабрик, а высокая организация хозяйства, сознательность народных масс и широкое развитие производительных сил страны ведут к нашему социалистическому идеалу“.

Что же предпринимало правительство, чтобы противодействовать всем описанным и разрушительным явлениям? А. Н. Ковалов был прав, когда говорил, что овъ не видит ни малѣйшихъ признаковъ желанія правительства прибѣгнуть къ дѣйствіямъ, къ проявленію твердой власти. Какъ военный министръ уговаривалъ солдатъ, такъ министръ труда увѣщевалъ рабочихъ—бороться плавотѣрными средствами классовой борьбы, а не дикими приемами насилія. Тамъ и адѣсь—это были только слова, которыя тотчасъ же уступали другимъ словамъ, нѣвшамъ больше демагогической силы и привлекательности. Демагоги завтрашняго дня тотчасъ получали перевѣсъ, какъ только вчерашніе демагоги начинали совѣтовать благоразуміе и проповѣдывать правила государственной мудрости.

Къ рабочимъ обращались слова; дѣла приѣвлялись по отношенію къ „нищимъ классамъ“. Единственнымъ положительнымъ результатомъ всего проектированного плава мѣропріятій противъ „экономической разрухи“ осталось „суровое обложеніе“ „буржуазинъ“.

Податное обложеніе „буржуазинъ“.

Вопросъ объ изысканіи новыхъ финансовыхъ средствъ, конечно, самъ собой ставился на очередь при громадномъ ростѣ нашей задолженности, заставлявшей предвидѣть послѣ войны расходъ до двухъ съ половиной миллиардовъ на уплату процентовъ по государственному долгу, вѣсго 400 милліоновъ платившихся до войны. Ростъ военныхъ расходовъ и отпаденіе такого первостепеннаго дохода, какъ доходъ съ винной монополіи, ставили уже передъ царскимъ правительствомъ задачу найти новые источники обложенія. Было объективно безспорно, что увеличеніе одного только прямого обложенія, какъ бы оно ни было значительно, покрыть всѣ потребности не можетъ, и что единственнымъ крупнымъ источникомъ государственнаго дохода, кромѣ займовъ, могутъ явиться только нововведенія въ области косвеннаго обложенія (ародъ, напр., государственныхъ монополій). Но этотъ неизбежный практической выводъ, неоднократно подчеркивавшійся новымъ министромъ финансовъ, А. Н. Шингаревымъ, вступившимъ въ эту должность по условію, поставленному при образованіи коалиціоннаго кабинета, съ 1-го іюля, рѣшительно отменялся классовымъ сознаніемъ „революціонной демократіи“. Мы уже видѣли, что сами представители торговли и промышленности, идя навстрѣчу требованіямъ объ отнятіи полученныхъ ими „сказочныхъ“ военныхъ прибылей, соглашались на высокое обложеніе своихъ доходовъ, не только настоящихъ, но и прошедшихъ. Проекты такого обложенія, начатые разработкой при М. И. Терещенко, были закончены при А. И. Шингаревѣ и приняты врем. правительствомъ 13-го іюня. По новому закону, прежде всего, сильно увеличивались ставки подоходнаго налога. Только бѣднѣйшіе плательщики были облегчены тѣмъ, что отъ платежа налога были освобождены всѣ, получавшіе доходы меньше 1000 руб. (прежде освобождались только получавшіе меньше 850 руб.). Зато всѣ остальные облагались гораздо тяжелѣе, чѣмъ прежде, и эта тяжесть обложенія возра-

стала быстрее, чѣмъ ростъ доходовъ. *) Вотъ что платили съ доходовъ разныхъ размѣровъ прежде и теперь:

Съ	1000 рублей прежде	8, теперь	12
"	3000 " "	45 "	68
"	5000 " "	100 "	150
"	10000 " "	300 "	600
"	25000 " "	1313 "	3000
"	100.000 " "	8000 "	20000
"	400.000 и выше "	48000 "	120000

Другими словами, прежде плательщики вносили отъ 0,73% до 12% дохода, теперь же, въ быстрѣе повышающейся прогрессии, отъ 1,1% до 30%. Но это еще далеко не все. Съ доходовъ, превышавшихъ въ 1917 году 10000 р., нужно было уплатить еще дополнительный одновременный налогъ, въ такомъ же размѣрѣ, какъ ежегодный: другими словами, такіе „капиталысты“ платили двойной подоходный налогъ (1200 р. — 240.000 р. вмѣсто 600—120.000 р.). Исключеніе было сдѣлано только для заработковъ личнымъ трудомъ отъ 10 до 50 тысячъ: съ такихъ личныхъ заработковъ приплачивалась лишь половина, т. е. подоходный налогъ превращался въ полуторный. На высшихъ ступеняхъ отбиралось такимъ образомъ уже 60% дохода. А такъ какъ, кромѣ подоходнаго и одновременнаго, нужно было платить еще и другіе государственные налоги (поземельный, съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, промысловый, подоходный, на приростъ прибылей) и мѣстные (земскіе, городскіе, волостные), то могло случиться, что плательщику пришлось бы отдать не только весь доходъ, но и приплатить изъ капитала. Въ виду этого законъ дѣлалъ снисхожденіе: всѣ налоги вмѣстѣ не должны были превышать 90% дохода, для чего въ соответственной мѣрѣ уменьшался одновременный налогъ. И это, однако, еще не все. Третья мѣра, опубликованная 13 іюня, удваивала ставки на приростъ прибыли въ военное время (военная сверхъ-прибыль), установленныя закономъ 13 мая 1916 года: прежде при 8% дохода на капиталъ съ прироста уплачивалось 20%; при доходѣ свыше 20% на капиталъ приростъ облагался 40%. Теперь обложеніе прироста прибылей устанавливалось въ 40% уже при доходѣ съ капитала въ 6% (вмѣсто 8%); а при доходѣ въ 20% на прироста бралось 80%. Въ предпріятіяхъ, не публикующихъ отчетовъ, прежде взималось круглымъ числомъ 20% съ прироста. Теперь, при приростѣ въ 1000 р. платилось 30%, и эта сумма поднималась до 60% при приростѣ свыше 100.000 р.. Такъ же облагался и приростъ дохода съ личного труда. Взяты въ совокупности, всѣ эти мѣры далеко превосходили все то, что было сдѣлано въ области повышенія прямого обложенія въ Англіи, которую справедливо ставили въ этомъ отношеніи въ примѣръ Гендерсонъ. Новое русское обложеніе составляло уникальнѣе, невиданный нигдѣ въ мѣрѣ. Это, конечно, нисколько не помѣшало „революціонной демократіи“ попрежнему вопить о чрезвычайномъ обогащеніи „буржуевъ“ и причислять къ нимъ самого министра финансовъ А. И. Шингарева.

*) Иногда даже такъ, что невыгодно становилось получать высшій доходъ.

6. Демагогія въ аграрномъ вопросѣ.

Постановка аграрнаго вопроса.—Первыя уступки демагогіи.—Вроженіе въ деревнѣ.—Черновъ и земельные захваты.—Роль крестьянскаго съѣзда.—Пути вліянія на провинцію и на правительство.

Постановка аграрнаго вопроса.

Первостепеннымъ социальнымъ вопросомъ, выдвинутымъ русской революціей, былъ, собственно, не столько вопросъ рабочій, нормальное разрѣшеніе котораго должно было протекать въ рамкахъ, прочно установленныхъ европейской теоріей и практикой, сколько специфически русскій вопросъ—земельный. Какъ тамъ партія социаль-демократовъ, такъ здѣсь партія социалистовъ-революціонеровъ считала рѣшеніе этого вопроса своей главной и основной задачей. Но здѣсь это рѣшеніе нужно было еще создать. Если рабочій классъ, хотя и плохо, но все же до нѣкоторой степени организованный, могъ считать выразителями своихъ классовыхъ мнѣній союзы рабочихъ депутатовъ, то вовсе неорганизованное крестьянство не могло сколько-нибудь быстро создать органъ своей коллективной воли. Въ параллель совѣтамъ р. и с. д., вожди „революціонной демократіи“ попытались, правда, создать „совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ“ и для этого собрали въ началѣ мая „всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ“. Но было совершенно ясно, что правильнаго представительства отъ подлинной народной толпы нельзя ожидать на этомъ съѣздѣ. Въ громадномъ оперномъ залѣ Народнаго дома, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, собралось, наконецъ, около четырехъ сотъ делегатовъ, вмѣсто ожидавшихся полутора тысячи, преобладали солдатскія шинели и пиджаки, а выступали обычные партійные и митинговые ораторы. Подлинное крестьянство себя не узнавало на этомъ съѣздѣ. Этихъ хотѣлъ было воспользоваться одинъ изъ организаторовъ крестьянскаго союза 1905 года, Семенъ Мазуренко, и задумалъ возстановить этотъ союзъ, устроить выборы съ самаго низу, по волостямъ, и собрать настоящій крестьянскій съѣздъ. Ему удалось сдѣлать это только для немногихъ мѣстностей Россіи. Такъ, подлинное волостное крестьянство не могло составить „всероссійскаго“ съѣзда, а „всероссійскій“ съѣздъ собрался не отъ волостей, а въ лучшемъ случаѣ, отъ уѣздныхъ городовъ, пославшихъ тѣхъ лицъ, которые нѣмъ, по своей профессіи, связъ отъ деревней, или же лицъ, ими рекомендованныхъ. Естественно, что отъ безпартійной и темной крестьянской массы явились партійные и интеллигентные—или полунинтеллигентные—представители, которые, въ свою очередь, наложили свою партійную печать на русскую деревню и невольно, неизбежно фальсифицировали ея волю. Партійной печатью крестьянства сдѣлалась, конечно, печать социалистовъ-революціонеровъ,—той партіи, которая была известна, какъ профессиональная защитница интересовъ крестьянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и во главу крестьянскаго движенія выдвинуты были не привычные вожди съѣзда р. и с. д., какъ Либертъ, Данъ, Церетели, Чхеидзе и т. д., а лидеры партіи с.-р., какъ Черновъ, Авксентьевъ, Гоць. Они принесли съ собой партійный долгъ—проводить въ жизнь эсъ-эровскую программу.

Именно, вслѣдствіе своей большей глубины и меньшей опредѣленности, аграрный вопросъ не успѣлъ выдвинуться впередъ при первомъ составѣ временнаго правительства. Это правительство понимало, конечно, необходимость самой широкой постановки аграрнаго вопроса. Даже правые элементы этого правительства мирились съ рѣшеніемъ, пред-

ложенимъ партіей народной свободы, (которая вновь пересмотрѣла на майскомъ сѣздѣ свою аграрную программу, пополнивъ ее существенными деталями изъ законопроекта, внесеннаго ею во вторую Гос. Думу). Но это правительство полагало, что рѣшить аграрный вопросъ по существу можетъ и должно только Учредительное Собрание; на обязанности же временнаго правительства лежитъ, по-первыхъ, довести этотъ вопросъ до Учредительнаго Собрания въ неоспорченномъ видѣ и, во-вторыхъ, собрать и разработать сложныя фактическія данныя, безъ которыхъ рѣшеніе вопроса было бы невозможно. Однако же, по условіямъ военнаго времени, всякое правительство, революціонное, какъ и царское, должно было по необходимости имѣть дѣло съ крестьяниномъ, какъ съ производителемъ и держателемъ хлѣбныхъ запасовъ. Правда, въ нормальное время главнымъ продавцомъ хлѣба былъ помѣщикъ. Но ко времени революціи запасы помѣщичьего хлѣба были уже въ значительной степени использованы для нуждъ арміи. Правительство, вышедшее изъ Государственной Думы, должно было преслѣдовать въ вопросѣ о главномъ предметѣ народного пропитанія ту же самую политику, которую въ качествѣ оппозиціи оно проводило при царскомъ правительствѣ. Эта политика известна: она клонилась къ признанію необходимости сосредоточить закупку хлѣба въ рукахъ государственнаго аппарата, хотя и при содѣйствіи общественныхъ организацій и свободной торговли. Государство съ каждымъ годомъ войны все равно расширяло рамки своихъ закупокъ; становилось уже естественнымъ—подумать о закупкѣ въ всей свободной части урожая, съ тѣмъ, чтобы взять на обязанность государства не только содержаніе арміи, но и потребленіе тѣхъ классовъ и той части страны, которые обыкновенно являлись не продавцами, а покупателями хлѣба. Стать на эту точку зрѣнія—уже, въ сущности, значило обратить хлѣбъ въ предметъ государственной торговои монополіи, съ тѣмъ неизбежнымъ послѣдствіемъ, что вся государственная закупка этого предмета должна была производиться по закрѣпленнымъ („твердымъ“) цѣнамъ, обеспечивающимъ производителямъ стоимость производства и доставки хлѣба къ мѣсту продажи („франко—станція“), но передающимъ въ руки государства всю торговую прибыль, часть которой затѣмъ должна была идти на содержаніе правительственныхъ продовольственныхъ органовъ и на уплату опредѣленнаго (небольшого) процента частнымъ комиссіонерамъ казны. Весь этотъ планъ былъ уже разработанъ при участіи дѣятелей Гос. Думы—будущихъ министровъ и членовъ „временнаго комитета“,—въ дореволюціонное время. Онъ подвергался многимъ и серьезнымъ возраженіямъ, но въ послѣдствіи былъ признанъ и подтвержденъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ, и органами „революціонной демократіи“. Какъ бы то ни было, медлить съ государственной хлѣбной монополіей было нельзя, и монополія была установлена, съ повышеніемъ прежнихъ твердыхъ цѣнъ (Риттиха) на 40—60% въ среднемъ. Невѣроятнымъ послѣдствіемъ этой игры явилась и слѣдовавшая на ней: въ виду приближенія весны нужно было обезпечить будущій урожай, а для этого гарантировать владѣльцамъ земли плоды ихъ новаго посѣва и дать имъ необходимыя для посѣва рабочія руки (военнопленныхъ). Въ виду того, что аграрныя смуты въ это время уже начинались, охрана посѣвовъ становилась совершенно необходимой, и 13 апрѣля правительство издало соотвѣтствующее распоряженіе. Охрана посѣвовъ, „какъ общаго достоянія государства“, возлагалась „на силъ свободныхъ и совѣстныхъ гражданъ и, тѣмъ болѣе, на организаціи“. Но если бы общественная охрана посѣвовъ и инвентаря отдѣльныхъ посѣвщиковъ все же оказалась безсильной предупредить наслѣд-

ственные действия", правительство признавало "обязанностью государства возмещать владельцам причиненные им этими действиями убытки". Соответственно этому, правительство предупреждало, что "всякое насилие против хозяйств частных владельцев и крестьян будет ложиться тяжелым бременем на денежные средства государства, а, следовательно, на само население". При этом "возмещение убытков государству... не освобождает виновных в насильственных действиях от уголовной и гражданской ответственности в законном порядке".

Первый уступки демагоги.

Все это было в порядке вещей, но далее в то же распоряжение, впервые, после довольно продолжительной борьбы и колебаний, просочилась мутная струя аграрной демагогии. Дело в том, что за министром земледелия уже стояло одно из тех "демократических" совещаний, громоздко и пестро составленных — далеко не из одних знатоков дела, — которыми "революционная демократия" старалась, по мере возможности, надбавить все министерства. Совещания эти должны были не только "контролировать", "буржуазных" министров, но и "толкать" их в направлении волн "революционной демократии". И вот в каком направлении продовольственное совещание толкнуло временное правительство. "Если окажется, что часть земли, по тем или иным причинам, грозит остаться незащищенной, то правительство предоставляет местным правительственным органам право принудительной передачи пустующих земель в арендное пользование другим земледельцам или право собственными силами этих органов обрабатывать такую землю". Таким образом, создавалась первая законная опора для того, что потом получило название "правотворчества снизу". Было совершенно ясно — на это указывалось и при обсуждении и в во временном правительстве, — что создать "те или иные причины" для прекращения самой возможности посева (напр., согнать с поля военнопленных рабочих, разрушить орудия и т. д.) было не так трудно, как передача прав только одним "местным продовольственным органам" была иллюзорна потому, что органы эти не могли скоро создаваться, и на их место неизбежно должны были оказаться те же самоназначенные "общественные организации". Эти соображения заставили правительство осторожно редактировать резолютивную часть постановления: лишь в случае отказа владельца засейте землю разрешалось местным продовольственным комитетам "передать ее в аренду для данного посева по справедливой цене местным земледельцам или организовать самим производство посева". Но и добиться "отказа" можно было тоже "тем или иными причинами".

В постановлении 13 апреля указана и другая уступка "демократическим" требованиям в аграрном вопросе, — уступка, положившая пока еще незамысловатое начало будничным крупным разногласиям и тоже таившая в себе зерно аграрной смуты. "Принимая необходимым дать немедленно законный способ к разрешению всех возникающих недоразумений на почве земельного вопроса, правительство в ближайшее же время опубликует положение об особых местных и местных земельных комитетах, на которые будет возложено разбирать споры об арендных отношениях и других делах по земельному вопросу, до тех пор, пока

последний не будет разрешен окончательно Учредительным Собранием". Здесь уже намечался не только объект, но и метод "правотворчества снизу".

Однако, правительство попыталось придать требовавшейся от него истребительный характер и ввести ее в русло своих собственных предположений. 21 апреля появилось постановление, которым создавались местные земельные комитеты (губернский, уездные, волостные), во главе с "главными", на обязанности которых была возложена не только разработка "неотложных временных истребительных" и "улаживание местных аграрных отношений и столкновений" на основании самостоятельных принципов, но и собирание научного материала, на основании которого "главный комитет" должен был выработать проект земельной реформы для Учредительного Собрания. Для этой цели предполагалось совершить громадную подготовительную работу: привести в известность количество и запас земель на местах, а также определить размеры земельной нужды, выработать, применительно к местным особенностям земельного уклада и хозяйства, "предположительные ответы" на ряд вопросов (главный комитет поставил 28 вопросов на обсуждение местных), составить цифровые расчеты для перераспределения земли. По составу комитеты были, конечно, связаны с общественными организациями. Но в главный комитет правительство назначило целый ряд специалистов по аграрному вопросу. На местах "образование комитетов возлагалось на особых уполномоченных", которые должны были "объединить и организовать все местные интеллигентные и специальные силы", "установить связи и сотрудничество с теми организациями и учреждениями, правительственными, общественными и частными, которые могут быть полезны в работах комитета" и, вообще, — содействовать организации волостных, уездных и губернских комитетов, независимо от "продовольственных". На содержание членов комитетов была составлена смета в 300.000 р. в год на губернию.

Из двух задач, поставленных новой сетью комитетов, первая и главная в глазах правительства, собирание материалов — была совершенно оставлена в стороне. Как исполнилась вторая? Она была понята, как полная свобода для народного "творчества снизу" при содействии всевозможных самостоятельных органов, которые министерства земледелия коалиционного периода признавались и санкционировались как "земельные комитеты". Тут именно надо различать два равных момента: 1) самостоятельное возникновение и 2) утилизация для целей, поставленных приемником А. И. Шингарева, министром земледелия В. М. Черновым.

Брожение в деревне.

О характере первого периода может дать понятие сводная статья об исполнении на месте постановления об охране посевов, напечатанная в "Известиях с. р. и с. х." от 31 мая. Мы нарочно выбираем, в интересах объективности, именно этот источник. "Все деревни находятся в брожении", говорится тут: "однообразных установившихся отношений не существует. В одних местах крестьяне самостоятельно захватили землю частных владельцев, снимают военнопленных и рабочих, забирают инвентарь, в других местах частные владельцы по старому берут с крестьян бешеные арендные цены за пашню и покосы и тем обостряют еще более отношения крестьян и частных владельцев... Деревня почти повсюду неорганизована, почти повсюду не имеет определенных указаний из центра, и каждая волость, а зачастую и каждое

сею действует по своему. Въ одномъ мѣстѣ „организуешь“ крестьянъ прїхавшій солдатъ, въ другомъ—наѣзжій студентъ, въ третьемъ—просто какой-нибудь случайный чело-
вѣкъ; и очень рѣдко организаторами комитетовъ являются люди, ясно понимающіе бл-
жайшія задачи революціи въ земельномъ вопросѣ. Образованные случайными способами,
крестьянскіе комитеты чаще всего отражаютъ въ своей дѣятельности политическіе взгляды
своихъ создателей. Если комитетъ находится подъ вліяніемъ людей, знающихъ о поста-
новленіяхъ крестьянскаго совѣта въ Петроградѣ, или о постановленіяхъ всероссійскаго
совѣщанія совѣтовъ р. и с. д., то они действительно организуютъ крестьянъ: тамъ со-
здаются примирительныя камеры для установленія высоты арендныхъ цѣнъ, для устано-
вленія размѣра заработной платы, тамъ принимаются мѣры, чтобы поля не остались не-
засѣянными и чтобы не было пустующей земли. И въ то же время тамъ крестьяне пре-
красно знаютъ, что Учредительное Собраніе будетъ рѣшать вопросъ о землѣ въ полномъ
объемѣ, и что земля перейдетъ въ руки трудящихся на ней гражданъ. Но тамъ ихъ
комитетовъ пока у насъ очень мало. Въ большинствѣ случаевъ, комитеты не имѣютъ
сколько-нибудь сознательныхъ руководителей. Нерѣдки случаи, когда комитеты нахо-
дятся въ рукахъ анархически-настроенныхъ элементовъ, подстрекающихъ крестьянъ за-
хватывать помѣщичью землю, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, призывающихъ ихъ
къ тому, чтобы снимать у помѣщиковъ рабочихъ, отбирать у нихъ скотъ, машины,
орудія, рубить лѣсъ, травить хлѣбъ и т. д. Бываютъ случаи, что анархическіе элементы
запрещаютъ подписываться на „Земель Свободы“, призываютъ солдатъ къ дезертирству“.

Такимъ образомъ, картина, рисуемая авторомъ, изображаетъ океанъ волнующейся
стихіи, среди котораго появляются островки движенія, организуемаго партійно нѣмъ центра.
На этихъ островкахъ „аренды на земли сильно понижены, увеличена заработная плата
сельскихъ рабочихъ, улучшились условія пастбы крестьянскаго скота, и почти не было
никакого обостренія борьбы между богатыми и бѣдными крестьянами (о помѣщи-
кахъ авторъ даже и не упоминаетъ: само собой разумѣется, что они подчинились усло-
віямъ переходнаго состоянія къ окончательной „передачѣ земли въ руки трудящихся“).
Но тамъ, гдѣ бушуетъ стихія, „гдѣ были самочинные (не „комитетскіе“) захваты и
раздѣлы частновладельческихъ земель“, тамъ эти захваты пользы крестьянамъ не при-
несли. „Бывало бы, чего лучше? Земли стало вдоволь, и тамъ, гдѣ хочешь, засѣвай,
сколько можешь—вѣдь вся земля перешла въ руки крестьянъ“. Но въ действительности,
крестьяне со всей землей не справились: посѣяли плохо и забрасывали или часть
своей надѣльной земли, или часть захваченной помѣщичьей. „Бывали случаи сдачи бѣд-
ными дворами своихъ долей захваченной земли богатымъ дворянамъ... Безлошадные
крестьяне, послѣ смятія ихъ самихъ и членовъ ихъ семей съ „помѣщичьихъ“ работъ—
попали въ работники на „помѣщичью“ же землѣ къ сильнымъ крестьянамъ, кото-
рымъ, по словамъ этихъ бѣдняковъ, высасываютъ изъ нихъ послѣдніе соки. При такихъ
условіяхъ взаимная вражда богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ послѣ „захвата“ земель не
уменьшилась, а увеличилась“, а площадь распаханной земли въ общемъ „сохранилась,
а не выросла“. Эпическое спокойствіе этого рассказа о земельной неурядицѣ само по
себѣ останется краснорѣчивымъ памятникомъ того уровня правосознанія, при которомъ
„регулировать“ „сопоставительными элементами“ стихійный и полемическій захватъ помѣ-
щичьихъ земель, не встрѣчая никакого классового сопротивленія.

Черновъ и земельные захваты.

Систематическіе захваты земли, не дожидаясь Учредительнаго Собрания,—такова основная задача, поставленная вторымъ періодомъ земельного кризиса, при вступленіи въ управление министерствомъ земледѣлія В. М. Чернова. Конечно, эту задачу онъ не могъ осуществить прямо, при посредствѣ „подбуржуазнаго“ правительства, не могъ даже и при посредствѣ провозглашаемаго органа „главнаго совѣта“. Онъ рѣшился вступить съ крестьянскими низами въ сношенія непосредственно, минуя центральныя инстанціи. Первоначально онъ даже изъявилъ намѣреніе тотчасъ по вступленіи въ министерство уѣхать въ деревню, чтобы лично пракоснуться къ низамъ, къ подлинной русской жизни, отъ которой онъ, по его словамъ, отвыкъ во время своего пребыванія за-границей. Но большая политика задержала его въ Петроградѣ: скоро онъ долженъ былъ и самъ убѣдиться, что легче и выгоднѣе давать направленіе мѣстной партійной дѣятельности изъ центровъ,—хотя и помню стѣсняющихъ коллегій. Съ своими коллегами В. М. Черновъ вообще мало стѣнялся: какъ А. Ф. Керенскій въ первомъ правительствѣ игралъ роль „защитника демокріи“, такъ В. М. Черновъ въ коалиціонномъ кабинетѣ усвоилъ себѣ привилегированную роль „селянскаго министра“. Противъ Керенскаго онъ началъ открытую борьбу и въ своемъ печатномъ органѣ „Дѣло Народна“, гдѣ появлялись его многочисленные и длинныя статьи, и въ партійныхъ организаціяхъ социалстовъ-революціонеровъ. По поводу его публичнаго выступленія 18-го мая на крестьянскомъ съѣздѣ противъ вступленія арміи ему пришлось даже объясняться въ правительствѣ, которому онъ принужденъ былъ сообщить аутентическій текстъ своей рѣчи, — тотъ, за который онъ согласенъ былъ отзѣчаться. Онъ сдѣлалъ это со свойственной ему доводчивостью и гибкостью. Онъ, „какъ писателі“, „воздержится отъ вмѣшательства въ автономную область стратегіи“ и „вообще очень боится чрезырннго вмѣшательства политики, а тѣмъ болѣе безответственнаго политиканства въ стратегію“... „Сколько неудачъ, сколько вавантуръ не произошло бы, если бы меньше было этого вмѣшательства“.

Сепаратно выступилъ В. М. Черновъ и по аграрному вопросу при самомъ открытіи „главнаго земельного комитета“, званія котораго начались 19-го мая. Въ то время, какъ проф. А. С. Подпиковъ, предсѣдатель комитета, въ своей вступительной рѣчи счелъ нужнымъ опровергнуть „заблужденіе, будто переходъ предстоящей земельной реформой вся земля будетъ отнята у владѣльцевъ безвозмездно“, и сочувственно отиѣтилъ совпаденіе по существу рѣшеній съѣзда партій народной свободы по аграрному вопросу съ лозунгами другихъ демократическихъ и крестьянскихъ партій *); въ то время, какъ онъ указывалъ, что „наиболѣе настоятельнымъ является изысканіе мѣръ къ устраниенію тѣхъ эспессовъ и самосудовъ, которые наблюдаются на мѣстахъ въ аграрной области (и о которыхъ затѣмъ подробно свидѣтельствовалъ, на основаніи наблюденій съ мѣстъ, товарищъ министра земледѣлія, к.-д. А. Г. Хрущевъ),—В. М. Черновъ прямо заявилъ, что „происходящее нынѣ аграрное движеніе есть вексель на будущее,—вступленіе на тотъ

* Работавшіе въ комитетѣ членъ партіи народной свободы, Н. Н. Черниковъ и А. А. Кауфманъ, дѣйствительно, не расходились съ комитетомъ въ общихъ принципахъ, или, точнѣе, въ комитетѣ при обсужденіи общихъ принциповъ обыкновенно исходило большинство, согласное формулировать ихъ почти такъ, какъ они были приняты въ программѣ партіи народной свободы.

путь, по которому стихийное стремление крестьянства къ землѣ выльется въ законныя формы, вступленіе стихійныхъ силъ на путь правотворчества". Черновъ, правда, отмежевался при этомъ отъ захватныхъ стремленій большевиковъ. Направить стихийное аграрное движеніе на путь созданія „правовыхъ юридическихъ нормъ" должны были, въ его глазахъ, мѣстные земельные комитеты, „главною задачею" которыхъ онъ призналъ „организацию народныхъ силъ". Но, по существу, все это было лишь упорядоченіемъ и систематизаціей захвата, а вовсе не его отрицаніемъ.

Главный земельный комитетъ не шелъ по линіи В. М. Чернова. Въ своей деклараціи, которую онъ опубликовалъ 21 мая, главный комитетъ выставлялъ лишь одно общее положеніе будущей реформы, соотвѣствующее „провозглашеннымъ всѣми демократическими партіями страны программамъ", а именно: „всѣ земли сѣльско-хозяйственнаго назначенія должны перейти въ пользованіе трудового земледѣльческаго населенія". Съ словомъ „всѣ" произошелъ эпизодъ, характеризующій настроеніе главнаго комитета. Большинство 12 противъ 8 высказалось за исключеніе этого слова. Тогда В. М. Черновъ потребовалъ пониженнаго голосованія. Комитетъ постановилъ произвести простую баллотровку, при которой 14 членовъ высказались за слово „всѣ", 7 воздержались и только 4 высказались противъ. Въ остальной части деклараціи комитетъ призывалъ, что „окончательнаго" рѣшенія земельного вопроса не можетъ быть принято и, тѣмъ болѣе, осуществляемо до созыва Учредительнаго Собранія". Онъ рѣзко осудилъ „попытки самочиннаго удовлетворенія населеніемъ своихъ земельныхъ нуждъ путемъ захвата чужихъ земель", призвавъ, что такія попытки „представляютъ огромную опасность для государства и вѣсто ожидаемаго рѣшенія земельного вопроса создадутъ множество новыхъ вопросовъ въ области земельныхъ отношеній, — вопросовъ, которые нельзя уже будетъ потомъ разрѣшить безъ сильнѣйшаго потрясенія всей народной жизни". „Правильное рѣшеніе земельного вопроса", по мнѣнію комитета, „можетъ быть только при томъ условіи, если въ основу его будетъ положенъ общегосударственный планъ поселеннаго устройства, а не интересы и желанія отдѣльныхъ группъ населенія или отдѣльныхъ мѣстностей". Компетенція мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, на которые Черновъ возлагалъ всю надежду для осуществленія своего „пути" разрѣшенія аграрной реформы посредствомъ созданія *faits accomplis* до Учредительнаго Собранія, ограничивалась въ деклараціи главнаго комитета „подготовкой всей земельной реформы, а также поддержаніемъ порядка и спокойствія въ области земельныхъ отношеній".

Нѣтъ, это было не „путь" В. М. Чернова. Министръ земледѣлія принялся усиленно искать другихъ путей и способовъ дѣйствія.

Роль крестьянскаго съѣзда.

Естественнѣе всего было обратиться къ крестьянскому съѣзду. Во второй день засѣданія съѣзда, 5 мая, В. М. Черновъ и выступилъ передъ нимъ, но съ рѣчью общаго политическаго содержанія. Онъ провѣлъ здѣсь основную мысль о связи между организаціей крестьянскихъ массъ и господствующимъ вліяніемъ въ правительствѣ крестьянскихъ министровъ. „Вы неорганизованы, говорилъ онъ, и я, поэтому, выступилъ, быть можетъ, слишкомъ рано; организуйтесь въ деревнѣ, посылайте нашихъ депутатовъ въ Учредительное Собраніе, и тогда мы добьемся всего, чего хотимъ". Такова была, освобожденная отъ ораторскихъ слововязаній и черновскаго лукаваго многословія, руко-

водящая идея министра. Собственно въ аграрному вопросу крестьянскій съѣздъ перешелъ только вечеромъ 16-го мая и днемъ 17-го, когда были прочтаны доклады товарища министра П. А. Вихляева „объ упраздненіи частной собственности на землю“ и С. С. Маслова объ условіяхъ временнаго пользованія землей до Учредительнаго Собранія“. Бакъ показываютъ заглавія, докладчики стали на точку зрѣнія не большинства главнаго комитета, а В. М. Чернова и его партійныхъ единомышленниковъ. П. А. Вихляевъ признавалъ необходимымъ для „развитія селско-хозяйственныхъ силъ“ — „распространеніе на всю землю одинаковаго земельного закона и равномерное распредѣленіе земельной территории между отдѣльными земледѣльческими семьями, соответственно потребительной нуждѣ“. Земельный кредитъ отиѣлся, производство селско-хозяйственныхъ орудій и удобрений переходило органамъ мѣстнаго самоуправления. С. С. Масловъ (будущій министр) требовалъ, для „облегченія“ работы Учредительнаго Собранія, немедленнаго прекращенія всякаго перехода земель и выхода изъ общины на отрубъ, приостановки всѣхъ землеустроительныхъ межевыхъ работъ и передачи всѣхъ земель въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ. Въ томъ же засѣданіи и Ленинъ внесъ проектъ резолюціи большевиковъ, предлагавшій немедленно захватить земли безъ всякаго выкупа и организовать для этого на мѣстахъ спеціальныя исполнительныя комитеты, организовать прямой обіѣтъ хлѣба на предметы фабричнаго производства, устранивъ при этомъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, конфисковать помѣщичій скотъ и орудія въ комитеты, создать особые „совѣты батрацкихъ депутатовъ“ для борьбы противъ зажиточныхъ крестьянъ, и, наконецъ, взять всю государственную власть въ руки совѣтовъ р. и с. д. Послѣ возраженій Чернова противъ „грубыхъ механическихъ игръ“ захвата, крестьянскій съѣздъ 25-го мая принялъ всѣми голосами противъ двухъ, при одномъ воздержавшемся, проектъ резолюціи всѣхъ-равнаго типа, „окончательно обработанный комиссіей при участіи В. М. Чернова“ (объясненіе г. Шрейдера). Резолюція прямо и открыто вступила въ полемику съ декларацией главнаго комитета — или лучше сказать, разъяснила ее въ своемъ смыслѣ. „Всероссійскій совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ заявляетъ всему россійскому крестьянству“, торжественно провозглашала резолюція, „что отнынѣ не только окончательное рѣшеніе земельного вопроса въ Учредительномъ Собраніи, но и все дѣло подготовки этого рѣшенія въ центрѣ и на мѣстахъ переходить въ руки самого трудового населенія. Поэтому, очередной и самой отвѣтственной задачей передовой части крестьянства является организація выборовъ въ волостныя и уѣздныя земства и организація при нихъ земельныхъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобы въ основу ихъ работъ по подготовкѣ земельной реформы легли (очевидно, вмѣсто общаго положенія главнаго комитета) слѣдующія начала: переходъ всѣхъ земель (т. е. не только одного „селско-хозяйственнаго“ пользованія) — государственныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ — въ общенародное достояніе для уравнительнаго трудового пользованія безъ всякаго выкупа“. Такимъ образомъ, не только передавались въ „общенародное достояніе“ уже состоявшія въ немъ „государственныя земли“, но и крестьянское землевладѣніе (въ рубрикѣ „частновладѣльческихъ земель“) переходило изъ крестьянской собственности въ „уравнительное трудовое пользованіе“. По объясненію г. Шрейдера, это значило, въ демагогическомъ толкованіи авторовъ, что каждый крестьянинъ „будетъ нѣхать земли на полосу обмежаванную столько, сколько хватить силъ,“ — вопреки всѣмъ даннымъ статистики, по которымъ при „уравнильности“ пришлось бы на каждого крестьянина

всего по одной-две десятины. Резолюция выражала „глубокое убеждение, что частная собственность, съ ея лѣсами, водами и вѣтрами, будетъ отиѣнена въ Народномъ Учредительномъ Собраніи“, и основывала эту увѣренность на „непоколебимой вѣрѣ въ растущую силу, организованность и сознательность трудящагося крестьянства“. Отъ временнаго правительства декларація ждала лишь того, чтобы оно „оказало всемірное содѣйствіе свободному проявленію воли трудового народа“ во всѣхъ земельныхъ комитетахъ, „отъ волостныхъ до главнаго“, которые, „пользуясь выборнымъ началомъ, утверждать свою волю, требующую, чтобы подготовка земельной реформы производилась въ направленіи распределенія земли отъ узды частной собственности безъ выкупа“. Резолютивная часть въ восьми пунктахъ перечисляла тѣ „условія“, при которыхъ „осуществимо безболѣзненное подготовленіе и осуществленіе земельной реформы безъ явныхъ и захватныхъ дѣйствій“. Главнымъ изъ этихъ условий было, что „всѣ земли безъ исключенія должны перейти въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, съ предоставленіемъ опредѣленія права обработки, обсеянія, уборки полей, покоса травъ и т. д.“. Въ нихъ же распоряженіе должны были поступить всѣ „способныя рабочія руки (вольныя дружины, артели военнопленныхъ и т. д.)“; они должны были быть приняты „самыя рѣшительныя мѣры по реквизиціи и всестороннему использованию сельско-хозяйственныхъ машинъ..., а также... живого инвентаря“; они же должны были контролировать „сборъ сѣна, зерна, уловъ рыбы, заготовленіе строевого лѣса и дровъ“, „съ цѣлью недопущенія ни скрыванія... запасовъ..., ни хищническаго обращенія съ естественными запасами земли“. Установленіе арендныхъ цѣнъ и стоимости сельско-хозяйственного труда также „всдѣло“ предоставлялось мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ, для чего „должна быть устранена всякая стѣснительная опека губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ и односторонній подборъ ихъ личнаго состава изъ помѣщичьяго класса“. Наконецъ, требовалось „строгое и неуклонное, подъ контролемъ земельныхъ комитетовъ, проведеніе въ жизнь запрета купли, продажи, залога и перехода по завѣщанію земли до Учредительнаго Собранія“ — „въ цѣляхъ сохраненія неприкосновенности земельнаго запаса“.

Въ заключеніе этихъ „постановленій“ резолюція приглашала крестьянство „къ спокойному, но твердо и неуклонному проведенію въ жизнь, въ правовыхъ нормахъ, тѣхъ завѣтныхъ думъ и чаяній трудового крестьянства, которыя издавна выражены въ дорогихъ для каждаго крестьянина лозунгахъ: „земля и воля“. Чтобы еще яснѣе подчеркнуть политическое значеніе партійнаго цѣлителя, положеннаго здѣсь на резолюцію, собранію предлагали принять еще отдѣльно слѣдующее „воззваніе къ населенію“: „всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ призываетъ крестьянство и все трудовое населеніе Россіи голосовать при выборахъ въ Учредительное Собраніе только за тѣхъ, кто общается защищать передачу земель въ общенародное достоиніе безъ выкупа и на уравнительныхъ началахъ“.

Пути вліянія на провинцію и на правительство.

Очевидно, такую программу нельзя было провести черезъ главный комитетъ, изъ 60 членовъ котораго только шесть были социалистами-революціонерами, а кромѣ нихъ и 14-ти народныхъ социалистовъ и трудящихся было еще и 17 членовъ партіи народной свободы, 3 социаль-демократовъ, 4 прогрессиста и 14 октябристовъ, и правые. Вотъ по-

чену для действительной работы решено было создать непредусмотренный уставом главного комитета „советъ“ изъ 13 выборныхъ и 6 членовъ по должности. Его составъ резко передвинутъ былъ въ сторону социалистовъ-революционеров: изъ 19 членовъ 12 принадлежали къ народническимъ теченіямъ, остальные дробились между с.-д. (2), к.-л. (2) и правыми (3). Черезъ этотъ „советъ“ В. М. Черновъ собственно и проводилъ все свои законопроекты, представлявшіеся потомъ во временное правительство мимо главного комитета. Но этого мало. Циркулярная деятельность министра земледѣлія, давая директивы на мѣстѣ и направлявшая, такимъ образомъ, работу земельныхъ комитетовъ, не проходила и черезъ этотъ советъ. В. М. Черновъ установилъ непосредственные сношенія съ мѣстными земельными комитетами, и чиновники министерства земледѣлія являлись пропагандистами партійной резолюціи „всероссійскаго сѣзда“. Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ это дѣлалось („Русское Слово“ 24-го іюня). На второмъ губернскомъ крестьянскомъ сѣздѣ въ Пензѣ вынесена была резолюція о передачѣ всей земли трудящемуся народу. Въ связи съ этимъ постановленіемъ, въ Пензу командированъ былъ Черновымъ представитель отъ министерства земледѣлія, Я. М. Аксель. Онъ собралъ общее собраніе губернскихъ исполнительнаго (р. и с. д.) и земельного комитетовъ, которые послѣ его доклада о томъ, что резолюція Пензенскаго крестьянскаго сѣзда можетъ „подать поводъ къ самочиннымъ захватамъ земель и повести къ несоціалистическому пользованію землей“, послѣ двухдневныхъ горячихъ преній, постановили новую резолюцію, въ разъясненіе резолюціи крестьянскаго сѣзда. Комитеты признали „единственнымъ способомъ ликвидировать въ духѣ правовой аграрной политики создавшееся тяжелое положеніе“—„расширеніе функций земельныхъ комитетовъ по учету, завідуванію и распредѣленію земли“. Въ виду этого, пензенская резолюція повторяла все основныя требованія „всероссійскаго сѣзда“ о передачѣ земельнымъ комитетамъ въ „завідуваніе“ всѣхъ земель, всего владѣческаго инвентаря.—въ томъ числѣ и „перешедшихъ во временное пользованіе крестьянъ“, о „предоставленіи всецѣло“ имъ же всѣхъ распоряженій объ арендной платѣ и т. д. „Министерство земледѣлія“, прибавляетъ корреспондентъ „Р. С.“, „одобрило эту резолюцію и рѣшило провести ее въ жизнь черезъ особыхъ уполномоченныхъ—разъѣзжныхъ. Министерствомъ земледѣлія уже отпущены телеграммы объ исползованіи для этихъ цѣлей землеустроительныхъ комиссій“.

Изъ провинціи аграрныя резолюціи, внушенныя министерскими чиновниками, снова возвращались въ центръ, и здѣсь, уже опираясь на „волю трудового народа, недвусмысленно выраженную совѣтомъ крестьянскихъ депутатовъ и всероссійскимъ сѣздомъ этихъ совѣтовъ“, В. М. Черновъ съ еще большей рѣшительностью продиктовалъ сѣзду рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ резолюцію, развернувшую послѣднія цѣли социалистовъ-революционеровъ, единственные въ мірѣ принципы „уравнительнаго землепользованія“. Въ засѣданіи сѣзда 22 іюня Черновъ огласилъ проектъ этой резолюціи, уже проведенный черезъ аграрную секцію сѣзда: вмѣстѣ съ резолюціей о земельныхъ комитетахъ, она была принята сѣздомъ съ незначительными поправками. Вотъ эти принципы: 1) земля съ ея нѣдрами, водами, и лѣсами должна быть изъята изъ товарнаго обращенія, 2) верховное право распоряженія ею принадлежитъ всему народу, завідующему ею черезъ демократическіе органы самоуправленія, начиная отъ волостного сѣмства и кончая центральной властью, 3) пользованіе землей должно быть обезпечено за тру-

довымъ сельскохозяйственнымъ населеніемъ подъ условіями, гарантирующими ростъ производительныхъ силъ и развитіе кооперативнаго и общественнаго хозяйства, 4) право пользования, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, должно быть гарантировано специальными юридическими нормами, на началахъ общаго гражданскаго равенства, 5) мѣстные нормы, срокъ и условія пользования вырабатываются и периодически пересматриваются ближайшими къ народу органами самоуправления, подъ контролемъ вышнихъ, 6) передача участковъ одного пользователя другимъ, равно какъ и порядокъ вознагражденія за неиспользованныя улучшенія и т. д., регулируются специально выбранными органами, 7) характеръ переходныхъ мѣръ, необходимыхъ въ мѣстностяхъ съ наиболѣе запутанными поземельными отношеніями, равно какъ срокъ дѣйствія этихъ переходныхъ мѣръ определяются специальными распоряженіями, предварительно выработанными на мѣстахъ“.

Слѣдующимъ шагомъ, послѣ использования для партійныхъ цѣлей с.р. всѣхъ этихъ мѣстныхъ и центральныхъ „сѣздовъ“ и „совѣтовъ“, было—подчинить ихъ постановленіямъ главный земельный комитетъ и черезъ него и само временное правительство. Первое вышло безъ особаго труда. Главный комитетъ поручилъ своему совѣту проредитровать и представить на утвержденіе правительства слѣдующую поправку къ уставу комитетъ, включившую въ себя признаніе основнаго принципа черновскихъ резолюцій. „Въ вѣдѣніи земельныхъ комитетовъ, впредъ до разрѣшенія земельного вопроса Учредительнымъ Собраніемъ, поступаютъ всѣ земли селско-хозяйственнаго пользованія, лѣса и воды мѣстнаго хозяйственнаго значенія. Комитетами предоставляется право устанавливать и регулировать порядокъ хозяйственнаго пользованія названными угодьями“. Далѣе, 3-го іюня, уже передъ самымъ кризисомъ министерства, главный комитетъ принялъ слѣдующее постановленіе, датирующее его полную капитуляцію передъ эс-эровскимъ толкованіемъ аграрнаго движенія. „Общее собраніе... выяснило, что въ рядѣ мѣстностей происходитъ серьезная ломка въ земельномъ укладѣ, которая вызываетъ стремленіе населенія къ новымъ земельнымъ правоотношеніямъ... На основаніи этого представляется совершенно необходимымъ, чтобы земельными комитетами были предоставлены широкія права по урегулированію земельныхъ отношеній. Необходимо, чтобы временное правительство издало распоряженіе, чтобы всѣ земли находились въ вѣдѣніи земельныхъ комитетовъ съ предоставленіемъ имъ... права принимать мѣры къ охранѣ земель и хозяйствъ, къ болѣе правильному использованию ихъ въ интересахъ какъ трудового населенія, такъ и общегосударственныхъ“.

Но заставить коалиціонное правительство осуществить партійныя рѣшенія въ аграрномъ вопросѣ было не такъ легко, ибо это противорѣчало самому принципу коалиціи. Какъ въ нивцовальныхъ вопросахъ, такъ и въ социальныхъ, единственно возможной точкой вѣнья коалиціоннаго компромисса было—предоставить всѣ принципиальныя рѣшенія Учредительному Собранію, не предвзятыя этихъ рѣшеній совершившимися фактами, переходъ которыми хотѣлъ поставить его въ аграрномъ вопросѣ Черновъ. Вѣстственно, что возбужденные министромъ земледѣлія вопросы должны были являться конфликтными вопросамъ. Какъ смотрѣлъ на „правотворчество снизу“ министр-предсѣдатель, вн. Г. Е. Львовъ, видно изъ слѣдующаго сообщенія, появившагося въ печати 11 іюня. „Въ виду распространяющихся въ странѣ захватовъ частновладельческихъ земель, порубокъ лѣса и иныхъ правонарушеній, совершаемыхъ часто

подъ видомъ исполненія постановленій волостныхъ и другихъ комитетовъ, министр внутр. дѣлъ кн. Львовъ вошелъ во временное правительство съ представленіемъ о необходимости принятія безотлагательныхъ мѣръ къ прекращенію всякаго рода аграрныхъ правонарушеній. Находя всѣ самовольные захваты земель и всякаго рода вышатаательства въ управленіе хозяйства дѣйствіями, нарушающими интересы государства, министр внутр. дѣлъ считалъ необходимымъ признать незаконными и не подлежащими исполненію всѣ постановленія мѣстныхъ общественныхъ организацій, направленные къ нарушенію правъ землевладѣльцевъ, и возложить на мѣстныя власти обязанности привлечь лицъ, виновныхъ въ нарушеніи правъ частной собственности, а также въ составленіи и изданіи подобныхъ постановленій, къ судебной ответственности.

Столкновение между двумя непримиримыми политическими мировоззрѣніями, отразившимися въ приведенныхъ документахъ, становилось неизбежнымъ, какъ только поступили на разсмотрѣніе правительства законопроекты Чернова, изготовленные въ совѣтъ главнаго комитета. Въ засѣданіи 24-го іюня министр земледѣлія представилъ 10 такихъ проектовъ, изданія которыхъ онъ требовалъ въ срочномъ порядкѣ. Среди нихъ были залежавшіеся еще съ начала мая законопроектъ о воспрещеніи земельныхъ сдѣлокъ, принявшій со времени своего возбужденія болѣе пріемлемую форму, но проведенный лишь слѣдующимъ правительствомъ въ серединѣ іюля. Рядъ другихъ проектовъ открывалъ путь земельнымъ комитетамъ къ непосредственному распоряженію хлѣбомъ, сѣномъ, гдѣсь, инвентаремъ, артельными дѣлами и т. д., въ дѣлахъ устраненія „ячовыхъ“ распоряженій всѣмъ этимъ—отдѣльными лицами или группами. Мотивировка была прежняя: „быстрое проведеніе этихъ законовъ направить живую энергію крестьянства, разбуженнаго революціей, въ нормальное русло, вмѣсто эксцессовъ мѣстнаго характера“. Отсрочивать положительное аграрное законодательство до Учредительнаго Собранія значило, по мнѣнію министра земледѣлія, „искушать долготерпѣніе деревни и расшатывать эту базу политической устойчивости новаго строя“. Никакихъ постановленій въ этомъ засѣданіи вынесено не было, а въ ближайшіе дни вопросъ объ аграрныхъ проектахъ Чернова спелся съ министерскимъ кризисомъ.

7. Политическіе зигзаги и фіаско политики Церетели.

Внутренній противорѣчія коалиции.—Роль Церетели.—Роль съѣзда совѣтовъ р. и с. д.—Организация демонстраціи 10-го іюня.—Поворотъ тактики Церетели.—Манифестація 18-го іюня.—Наступленіе 18-го іюня и его неудача.

Внутренній противорѣчія коалиции.

Мы теперь прослѣдили всѣ главные струи, изъ которыхъ слагалась дѣятельность перваго коалиціоннаго правительства. Мы видѣли въ этой дѣятельности два рѣзко различныхъ теченія, которыя принципиально не могли слиться, и, не будучи въ состояніи уступить другъ другу, дожавъ были, равно или поздно, вступить въ открытую борьбу.

Съ одной стороны стоялъ военный министр, пытавшійся вдохнуть революціонный энтузіазмъ въ разлагающуюся армію и добровольно повести противъ непріятеля жаждущихъ мира солдатъ: попытка, въ которой, по ядовитому, но вѣрному заключенію Чернова, было гораздо больше политики, чѣмъ стратегіи. Въ союзъ съ нимъ, министр иностранныхъ дѣлъ пытался, путемъ совесенныхъ уступокъ „революціонной демократіи“, спасти отъ ея непониманія сущность нашихъ интересовъ и нашихъ отношеній къ союзникамъ. Оба эти министра, Керенскій и Терещенко, представляли въ министерствѣ, такъ сказать, идейную традицію революціонной власти, внѣшнимъ символомъ которой оставался кн. Львовъ, все болѣе сводившій свою личную роль къ регистраціи обружавшихъ и обходявшихъ его съ разныхъ сторонъ политическихъ теченій. На другой сторонѣ стояли министры-социалисты, двое изъ которыхъ являлись официальными представителями приливавшего извнѣ социальнаго прилива въ сферѣ рабочей и земельной. Одинъ изъ нихъ, Скобелевъ, былъ совершенно безсиленъ противостоять росту социальной опасности со стороны непомѣрныхъ претензій „пролетаріата“, иллюзіи котораго вначалѣ онъ наивно раздѣлялъ самъ. Другой, Черновъ, самъ раздувалъ социальный пожаръ въ деревнѣ, сознательно пользуясь демагогіей, какъ орудіемъ партійнаго успѣха въ низахъ, и прикрывая ее на верхахъ, довольно провратно, теоріей о „введеніи въ нормальное русло“ „народной воли“, призванной перелить „възовыя чашни“ въ идеальное разрѣшеніе, во всероссійскомъ масштабѣ, всего аграрнаго вопроса вѣymi органами этой воли, отъ волостныхъ комитетовъ до Учредительнаго Собранія.

Роль Церетели,

Истиннымъ посредникомъ между двумя теченіями, пытавшимися удержать ихъ въ состояніи нѣкотораго равновѣсія, былъ теперь уже не кн. Львовъ, выпустившій изъ рукъ всякое вліяніе на ходъ событий, а И. Г. Церетели, взявшій на себя спеціальную задачу мирить совѣтскую идеологію съ конкретной министерской работой. Но, именно, Церетели лучше другихъ долженъ былъ понимать и невозможность этого примиренія, которую онъ предвидѣлъ. Едва удавалось ему зырнуть у господствующаго большинства „рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“ нужную ему резолюцію, какъ тотчасъ же, за стѣнами засѣданій, большевистская оппозиція пріобрѣтала въ этой резолюціи новую мишень для нападеній, которыми и подкапывала довѣріе къ совѣтскому большинству въ петроградскихъ казармахъ и въ рабочихъ кварталахъ столицы. Тогда Церетели спѣшилъ повернуть фронтъ отъ коалиціоннаго правительства къ „революціонной демократіи“ и разражался критикой правительственныхъ „ошибокъ“, стараясь перехватить при этомъ демагогическіе дозунги своихъ конкурентовъ и представляя ихъ, въ возможно пріемлемомъ видѣ, въ видѣ очередныхъ требованій „демократіи“ отъ правительства. Не успѣвалъ онъ повернуть вновь въ правительственное русло благосклонность „демократіи“, какъ новая волна демагогическихъ дозунковъ, все болѣе непріемлемыхъ, опять сбивала его съ ногъ и заставляла искать новаго компромисса на ближайшую недѣлю. Въ этихъ мотаніяхъ вправо и влѣво и власть, и ея ходатаи передъ совѣтомъ въ теченіе іюня растеряли окупательно весь запасъ своего вліянія, а своимъ противникамъ, большевикамъ, предоставили вполне достаточный срокъ, чтобы организовать рабочихъ, создать и матривать для перваго вооруженнаго заподаенія на временное правительство. И. Г. Церетели

въ памятной юбилейной сессіи 27-го апрѣля принялъ Ленина подъ свою защиту, какъ „идейнаго“ противника,—и этой точкѣ зрѣнія онъ остался вѣренъ до конца. Онъ даже условно соглашался съ правотой точки зрѣнія Ленина, если его собственная исходная точка, возможность соглашенія съ буржуазіей, оказалась бы ошибочной. „Никогда Ленинъ не призываетъ къ выступленіямъ, нарушающимъ ходъ революціи“, заявлялъ Церетели... „Платформа Ленина заключается въ томъ, что..., разъ буржуазія неспособна понять общегосударственныхъ задачъ момента, то (тогда) надо ее устроить, и пусть совѣтъ р. и с. д. завладѣетъ всей властью. Можно не соглашаться съ Ленинымъ—я съ нимъ не согласенъ, потому что я глубоко убѣжденъ, что идеи депутата Шульгина*) не могутъ быть идеями русской буржуазіи. Но если бы я хоть на минуту повѣрилъ, что эти ваши идеи—идеи всей цѣлковой буржуазіи, то я бы сказалъ: въ Россіи не осталось никакого пути спасенія, кромѣ отчаянной попытки теперь же объявить диктатуру пролетаріата и крестьянства“. Эта цитата очень хорошо объясняетъ практическую беспочвенность примиренческой повѣди Церетели и ея идейное безсиліе передъ большевистской тактикой. Какъ въ области внѣшней политики Церетели обвинулъ глубокое непониманіе точки зрѣнія Циммервальда, считая себя ея сторонникомъ, такъ и въ области внутрѣшней политики онъ совершенно не повѣлъ идеи „диктатуры пролетаріата“, въ томъ спеціально—синдикалистскомъ смыслѣ, въ которомъ эта идея уже въ 1905 году легла въ основу стремленій Ленина, Нарвуса и Тропцаго. „Идейное и принципиальное“ обоснованіе „диктатуры пролетаріата“ было еще тогда дано Ленинымъ въ брошюры „Полѣта кадетовъ и задача рабочей партіи“, вышедшей во время первой Думы. Событія конца 1917-го года показали, что обоснованіе это не измѣнилось. „Научное понятіе диктатуры“ говорилъ уже тогда Ленинъ, „означаетъ не что иное, какъ ничѣмъ не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стѣсненную, непосредственно на насиліе опирающуюся власть... Народъ, масса населенія, неоформленная, „случайно“ собравшаяся въ данное мѣсто, сама и непосредственно выступаетъ на сцену, сама чинитъ судъ и расправу, принимаетъ власть, творитъ новое революціонное право... Это есть именно диктатура революціоннаго народа. Почему только революціоннаго, а не всего народа?“ Отвѣтъ Ленина въ точности воспроизводитъ аргументацію Жоржа Сореля и французскихъ синдикалистовъ, объясняющую, почему такіе принципы, какъ всеобщее избирательное право или Учредительное Собраніе, считаются ими только хитрыми выдумками для того, чтобы держать на уздѣ пролетаріатъ. „Потому“, отвѣчаетъ Ленинъ, „что во всемъ народѣ, страдающемъ постоянно и самымъ жестокимъ образомъ, есть люди, забытые физически, замученные, люди запуганные нравственно, напиримѣръ, теоріей о непротивленіи злу насиліемъ, или просто забытые не теоріей, а предрасудкомъ, обычаямъ, рутиной, люди равнодушные, то что называется обывателями, мѣщанами, которые болѣе способны отстраняться отъ острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (какъ бы тутъ въ драгѣ

*) В. В. Шульгинъ говорилъ о большевистской агитаціи на петроградской сторонѣ подъ „фирмой Ленина“,—о натравливаніи солдатъ на офицеровъ, крестьянъ на помещиковъ, Россіи на союзниковъ, о требованіи заключенія мира „во что бы то ни стало“, о томъ, что правительство „сидитъ подъ домашнимъ арестомъ“, подъ наблюденіемъ „часового“, приставаемаго къ „буржуямъ“ социалистическими партіями.

не влетѣло). Вотъ почему диктатуру осуществлять не весь народъ, а только революціонный народъ". Съ такимъ же правомъ и кучка людей, представленная „совѣтомъ“, назвала себя „революціонной“ демократіей. Ошибка—а потому и нравственная отвѣтственность Церетели—заключалась въ томъ, что онъ принципиально не умѣлъ и не могъ отмежеваться отъ этой синдикалистской, а не социалистической доктрины, принятіе которой на практикѣ началось съ первыхъ же публичныхъ выступленій большевиковъ, въ союзъ съ анархистами. Когда 5-го мая, судъ разбиралъ искъ Кшесинской о выселеніи большевиковъ, захватившихъ ея особнякъ „съ разрѣшеніемъ революціонной власти“, и судья въ недоумѣніи спросилъ обвиняемаго Богдатева, „какъ можетъ улупа создавать законы“, Богдатева отвѣчалъ въ духѣ синдикалистской теоріи: „въ революціи, когда идетъ процессъ строительства новой жизни, и улупа имѣетъ значеніе: въ революціонномъ нравотворствѣ участвуетъ весь народъ, создавая норму обычнаго права“.

Роль съѣзда совѣтовъ р. и с. д.

Всѣ перипетіи колебаній совѣтскаго примиренчества между защитой коалиціоннаго правительства и уступками большевистскому анархо-синдикализму легко прослѣдить на ходѣ занятій высшаго органа „революціонной демократіи“, съѣзда совѣтовъ р. и с. д., собравшагося въ началѣ іюня и закончившаго свои засѣданія въ концѣ этого мѣсяца. Съѣздъ собрался, собственно, для обсужденія программныхъ вопросовъ. Но событія политической жизни столицы постоянно отвлекали его къ вмѣшательству въ очередныя аферы дня, и въ преніяхъ, обыкновенно завершавшихся виртуозной эволюционистской Церетели, проходила передъ глазами читателя все основное политическое содержаніе борьбы, положившей конецъ двухлѣтнему существованію первой коалиціонной власти.

Съѣздъ совѣтовъ р. и с. д., по мысли его организаторовъ, долженъ былъ быть „парламентомъ революціонной демократіи“, его „полномочнымъ органомъ“, передъ которымъ министры-социалисты были отвѣтственными и должны были дать отчетъ за первый мѣсяцъ своей дѣятельности. Правда, на съѣздъ раздавались требованія, чтобы и сѣ правительство, въ цѣломъ, признало надъ собой его верховную власть. Но Церетели категорически заявилъ, что буржуазные министры участвуютъ въ правительствѣ на коалиціонномъ началѣ и опираются на другіе классы и организаціи, что коалиція отвѣчаетъ соотношенію силъ данной минуты и что соотношеніе это можетъ и должно быть измѣнено лишь дальнѣйшимъ развертываніемъ революціи. Въ процессѣ этого развертыванія „буржуазія“ будетъ постепенно отпадать отъ революціи, но отбросить ее теперь же — значило бы преждевременно ослабить революцію. В. М. Черновъ высказался еще опредѣленнѣе: онъ указалъ на то, что пока — организованы лишь поверхностные слои демократіи, что „буржуазія“ организована гораздо лучше и что отбрасывать ее — значитъ „сужать социальный базисъ революціи“ и открывать двери „контр-революціи“. А. Ф. Керенскій напоминалъ съѣзду, какая участь постигла великую французскую революцію и русскую революцію 1905 года, вследствие переоцѣнки демократіей своихъ силъ и преждевременнаго ея изолированія. Словомъ, министры-социалисты рассматривали свое сотрудничество съ „буржуазіей“, не только какъ неизбѣжную дань моменту, но и какъ необходимое условіе дальнѣйшаго „углубленія“ революціи. Наоборотъ они напоминали съѣзду, что русская революція — буржуазная, что

она иной быти и не может по самому строгому смыслу теорин Маркса и всего „научного социализма“. Либеръ видѣлъ особый „трагизмъ положенія“ въ томъ, что „буржуазія заставила с.-д. взять власть и отвѣтственность“... „Буржуазія отъ нея отказывалась, и больше некому было взять, кромѣ насъ. Видъ какъ а.-н. и у дъ власть должна существовать въ странѣ; безъ власти жить нельзя. Передъ нами стоялъ выборъ: или наша власть, или власти никакой“. Трагично было здѣсь то, что умирные социалисты на глазахъ у социалистовъ-утопистовъ и демагоговъ должны были дѣлать дѣло „буржуазіи“.

Въ пятидневныхъ преріяхъ (3—9 іюня) большевики подвергли эту двусмысленную позицію социалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ жестокой критикѣ. Ленинъ спрашивалъ: „Чѣмъ нынѣшніе министры-соціалисты отличаются отъ ушедшихъ, Милюкова и Коновалова?“ и отвѣчалъ: „Ничѣмъ, или только революціонной фразеологіей“. Послать своихъ представителей въ правительство, совѣтъ р. и с. д. „пересталъ быть революціоннымъ и сталъ реформистскимъ: чтобы революція продолжалась, крестьянство, пролетаріатъ и солдаты должны пройти мимо этого страннаго сѣзда, затухающаго своей классовой характеръ (сѣзда, большинство котораго представляютъ мелкобуржуазные и калѣтствующие элементы, прибавляла газета „Впередъ“) — и мимо министровъ-соціалистовъ“. Троцкій сравнивалъ коалиціонную власть съ „примирительной камерой“. Это — „власть, расколотая нахвостъ“. „Такая власть не можетъ управлять стравой въ революціонную эпоху“. „Правительство безсильно, оно не можетъ осуществить своихъ задачъ, потому что парализовало себя союзомъ съ буржуазіей“, развивалъ ту же мысль Каменевъ. „Министры-соціалисты — живые мертвецы“, заявлялъ Зиновьевъ. И сразу же, съ перваго засѣданія сѣзда, большевики поставили министровъ-соціалистовъ въ положеніе подсудимыхъ, потребовавъ у нихъ отвѣта, почему они, сторонники интернаціональнаго взгляда въ вопросѣ о мирѣ, выгнали изъ Россіи вождя европейскаго интернаціонализма, Гримма. Мѣсяцъ прошелъ, и ничего не сдѣлано ни въ области внѣшней политики, ни въ социальныхъ вопросахъ, ни въ сферѣ политической борьбы съ противниками, — возмущались ораторы оппозиціи.

Отвѣты Керенскаго, Церетели, Скобелева, Пѣшехова, даже Чернова показали, что мѣсяцъ пребыванія у власти, дѣйствительно, не прошелъ для нихъ даромъ. Но оны по-вѣляли на нихъ въ направленіи обратномъ тому, котораго желали нетерпѣливые послѣдователи русскаго утопическаго социализма. И министры терпѣливо и многословно, въ цѣломъ рядѣ лекцій на основныя темы государственной жизни, пытались разъяснить сѣзду, гдѣ начинается вредная утопія и темное невѣдѣіе въ большевистскихъ требованіяхъ: ставить „ультиматумы“ союзникамъ, дѣйствовать „явно-сепаративно-розничнымъ путемъ“ (Черновъ) вводить социализмъ посредствомъ ареста капиталистовъ („насъ спрашиваютъ, что мы будемъ дѣлать, если станемъ властью“, говорилъ Ленинъ въ засѣданіи 4 марта; — „отвѣчаемъ: арестуемъ всѣхъ капиталистовъ; это будетъ нашъ первый шагъ“) и вести, такимъ образомъ, Россію къ сепаративному миру и къ гражданской войнѣ, въ которой погибнетъ революція (Церетели). Скобелевъ и Пѣшеховъ дали явныя реальныя постановки вопросовъ рабочаго и продовольственнаго. На сѣздѣ эти государственныя рѣчи нанали себѣ поддержку и одобреніе среди значительнаго большинства. Объясненіе Церетели по вопросу о высылкѣ Роберта Гримма въ первомъ засѣданіи было одобрено 640 голосами противъ 121, при 14 воздержавшихся. А формула одобренія, которою завершилась въ первый день прерія обѣ отношеніи сѣзда къ коалиціонной власти, была принята 543 голосами противъ то-

го же меньшинства 126 (52 воздержались, 65, утомленные безконечными прениями, не присутствовали в залѣ").

Въ революціи высказывалось „полное до-ѣрие“; но министры-соціалисты приглашались, однако, рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе проводить въ жизнь принятую временнымъ правительствомъ демократическую платформу, какъ въ области „демократическаго мира“ и „демократизація арміи“, такъ и въ области рабочаго и земельнаго вопросовъ. Пресекъ резолюціи меньшевиковъ-интернаціоналистовъ предлагалъ еще, „чтобы съѣздъ потребовалъ отъ временнаго правительства изданія особаго закона объ упраздненіи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта (на эту тему было сказано много рѣзкихъ словъ о „контръ-революціи“ въ Г. Думѣ) и чтобы правительство не позже перваго сентября назначило созывъ Учредительнаго Собранія“. На первое пожеланіе съѣздъ, послѣ рѣчей министровъ, признавшихъ заслугу Г. Думы передъ революціей, отвѣтилъ уклончивой формулой, которою Г. Дума признавалась фактически упраздненной революціей, а ея собраніе—частными совѣщаніями ея „бывшихъ“ членовъ. Второе пожеланіе было принято въ общей формѣ: „Въ особенности съѣздъ требуетъ скорѣйшаго созыва Учредительнаго Собранія“.

Организація демонстраціи 10-го іюня.

Въ то время, какъ въ залѣ засѣданій съѣзда министры-соціалисты одерживали моральную побѣду, за ея стѣнами, въ казармахъ и рабочихъ кварталахъ Петрограда, эта недѣля (3-10 іюня) была использована для того, чтобы дискредитировать ихъ въ глазахъ массъ и организовать то движеніе „мимо съѣзда и мимо министровъ-соціалистовъ“, которое возвѣстилъ Ленинъ. На Вибрской сторонѣ рабочимъ убѣждали, что съѣздъ „продался буржуазии“, что онъ держитъ равнѣніе по министрамъ, „бывшимъ“ соціалистамъ, министры—по кн. Львову, а кн. Львовъ—по Бюкенену. Рабочимъ внушали, что Церетели получилъ отъ Терещенко 10 милліоновъ, которые тотъ взялъ у банкировъ. Прапорщикъ Сѣмашко, недавно освобожденный солдатами изъ гауптвахты и выбранный командиромъ перваго пулеметнаго полка, убѣждалъ солдатъ, что министры-соціалисты „сидятъ въ мягкихъ креслахъ, во дворцахъ, и не заботятся о рабочихъ и солдатахъ. Съѣздъ поддерживаетъ правительство „кровопійцевъ и измѣнниковъ“. Солдаты заявляли, что черезъ нѣсколько дней они выйдутъ на улицу и разгромить буржуазію. На Васильевскомъ островѣ неизвѣстныя лица приглашали рабочихъ вооружаться и выходить на улицу; въ толпу были брошены слухи, что послѣ демон-

*) По точному подсчету, доложенному 12 іюня, партійный составъ съѣзда опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

Соціалистовъ-революціонеровъ	285
Меньшевиковъ с.-д.	248
Большевиковъ	105
Интернаціоналистовъ	32
Соціалистовъ внѣ фракцій	73
Объединенныхъ с.-д.	10
Народныхъ соціалистовъ	3
Трудовиковъ	5
Анархистовъ-коммунистовъ	1
Всего	1090 чел.

Всѣ эти депутаты были присланы отъ 305 совѣтовъ р. и с. д., въ томъ числѣ и крестьянскихъ организацій, 53 районныхъ и областныхъ совѣтовъ, 21 представитель явился отъ дѣйствующей арміи, 8 отъ тыловыхъ учреждений, 5 отъ фронта.

страдія тогчась похитнє хлїба, а солдатамъ увеличатъ пайскъ. Народъ пугали „контр-революціей“. По заявленію Луначарскаго, на дачѣ Дурново образовался самочинно революціонный комитетъ изъ представителей 90 заводовъ. По признанію другого большевика, Ногина, центральный комитетъ, видя невозможность удержать массы, рѣшилъ дать выходъ революціонной энергіи и постановилъ организовать демонстрацію. Дѣйствительно, газета „Правда“ напечатала отъ имени (большевистскаго) п. к. с.-д. партіи, петроградскаго комитета той же партіи, военной комиссіи при этомъ комитетѣ и центрального бюро профессиональных союзовъ, воззваніе съ приглашеніемъ рабочихъ и солдатъ выйти на улицу для „мирной демонстраціи“ (но было извѣстно, что часть демонстрантовъ выйдетъ съ оружіемъ). Воззваніи заключали въ себѣ большевистскіе лозунги: „долонъ царскую думу и гос. совѣтъ“, „долонъ десять министровъ капиталистовъ (десятымъ оказывался А. Ф. Керенскій)“, „вся власть всероссійскому совѣту р. с. и крест. д.“, „пересмотрѣть декларацию правъ солдата“, „да здравствуетъ контроль и организація промышленности“, „пора кончить войну“, „пусть совѣтъ р. д. объявляетъ справедливыя условія мира“, „ни сепаратнаго мира съ Вильгельмомъ, ни тайныхъ договоровъ съ французскими и англійскими капиталистами“ и т. д. Подъ воззваніями находимъ, между именами другихъ большевистскихъ организацій, также и названія войсковыхъ частей петроградскаго гарнизона (первый пулеметный полкъ, бровевой дивизионъ, Павловскій полкъ, Московскій гренадерскій, первый запасный, 6-й саперный, Петроградскій, Исамайловскій, Семеновскій, Егерскій, команда морского корпуса, Финляндскій, 2-й балтійскій экипажъ, команды „Алорры“ и „Штандарта“).

9 іюня свѣдѣнія о томъ, что готовится, дошли, наконецъ, и до сѣзда совѣтовъ р. и с. д. Въ этотъ день сѣздъ перешелъ къ вопросу о войнѣ. Докладчикъ Данъ защищалъ среднюю позицію между „національной“ и крайней интернаціональной, рекомендовалъ послать делегацію отъ совѣта за границу для побужденія союзныхъ демократій перейти на точку зрѣнія русской революціи, защищаятъ беспособность арміи, — какъ самое дѣйствительное средство заключенія общаго демократическаго мира — и въ вопросѣ о наступленіи высказывался за ограниченіе наступленія „стратегическими“ задачами, а не „политическими“, которые выдвигаетъ „буржуазная печать“. Послѣ Дана Ленинъ сказалъ рѣчь, въ которой уличалъ министровъ-соціалистовъ и совѣтъ въ противорѣчіи съ настроеніемъ массы, доказывалъ, что единственный дѣйствительный способъ кончить войну и заставить похрипѣть себѣ въ Европѣ — это вести классовую борьбу противъ своихъ капиталистовъ и банкировъ. „Искренній союзъ на дѣлѣ съ угнетенными классами“ или, словами крестьянскаго письма, „побольше напирайте на буржуазію, чтобы она лопалась по всѣмъ швамъ; тогда война кончится“: такова основная мысль Ленинской рѣчи, упрощенной до уровня большевистскихъ лозунговъ дня. Длинный отвѣтъ на нее далъ А. Ф. Керенскій, прочитавшій радиотелеграмму Леопольда Баварскаго и доказывавшій, что большевики своей борьбой противъ союзныхъ капиталистовъ „бессознательно“ ведутъ Россію по ливні „нѣмецкаго принца“, что, „выйдя слабыми изъ своего международнаго положенія, мы окажемся въ распоряженіи той ближайшей капиталистической державы, которая особенно нуждается въ рынкахъ и въ территорияхъ для эксплуатаціи. Этотъ совершенно вѣрный отрицательный аргументъ въ пользу продолженія войны онъ докопалъ затѣмъ очень сомнительнымъ положительнымъ аргументомъ въ пользу „демократическаго политикѣ мира“. „Мы заставляемъ, какъ наше правительство, такъ и правительства де-

шокартических странъ Европы, постепенно переходить на наши позиции", и отъ рѣчи Рыбо до заявления германскихъ в.-д. въ Стокгольмѣ „дистанція волею небольшого размаха“. „Наша международная политика даетъ огромные и положительные результаты... она единственная, которая ведетъ къ торжеству задачъ, которыя мы себѣ ставимъ“. О военныхъ вопросахъ Беренскій не говорилъ, потому что отбѣлалъ сообщеніе о нихъ раньше, въ закрытомъ засѣданіи съѣзда.

Въ одиннадцать часовъ вечера пренія объ отношеніи къ войнѣ были прерваны заявленіемъ председателя Н. С. Чендое, который возобновленнымъ голосомъ заявилъ, что „завтрашній день можетъ оказаться роковымъ для русской революціи“, въ виду ожидаемыхъ демонстрацій и неизбежныхъ контръ-демонстрацій. Послѣ двухчасового перерыва, въ часть ночи, Гегечкори отъ имени президіума огласилъ готовый текстъ доклада „Правды" и проектъ контръ-воззванія отъ съѣзда, который былъ принятъ единогласно, также, какъ и „постановленіе" о запрещеніи всякихъ уличныхъ выступленій на три дня, подъ угрозой быть объявленнымъ „врагомъ революціи". Затѣмъ засѣданіе съѣзда было перенесено въ Таврическій дворецъ, какъ лучше защищенный, и оттуда рядъ членовъ былъ командированъ въ рабочіе кварталы и во всѣ воинскія части для предупрежденія демонстрацій. Въ три часа ночи въ Таврическомъ дворцѣ было получено извѣстіе, что Ц. К. большевиковъ рѣшилъ подчиниться съѣзду и призывать рабочихъ и солдатъ къ отказу отъ устройства демонстрацій. Дѣйствительно, изъ „Правды" были выброшены призывы къ вооруженной демонстраціи и записаны резолюціей Ц. К., „отинившей" важное значеніе имъ на два часа дня демонстрацію, „въ виду" рѣшеній съѣзда. Однако же, часть номеровъ „Правды" вышла въ первоначальномъ видѣ. Сохранился призывъ къ вооруженной демонстраціи и въ „Солдатской Правдѣ".

Ночной объѣздъ делегатовъ выяснилъ, что, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ формальной отинвы демонстраціи большевистскимъ Ц. К.,—выступленій не будетъ. Но рядомъ съ этимъ делегаты привезли рядъ свѣдѣній о враждебномъ отношеніи рабочихъ и гарнизона къ съѣзду и къ нимъ лично. Ихъ общее впечатлѣніе было, что демонстрація только отложена. Отожнивъ открытое столкновеніе, большевистскій Ц. К. тѣмъ самымъ призналъ свои силы еще недостаточными. Это подтвердилось и исходомъ выборовъ въ районныя думы столицы, и тѣмъ фактомъ, что въ рабочей секціи петроградскаго совѣта р. и с. д. большевики составляли меньшинство и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что главная ихъ сила была не въ рабочемъ классѣ, а въ двухъ-трехъ полкахъ, особенно распропагандированныхъ. Однако, нельзя было отперцать, что пропаганда большевиковъ, лившая уровню пониманія массъ, и ихъ главнѣйшимъ желаніямъ, уже пустила глубокіе норы въ рабочей и солдатской массѣ и въ будущемъ достигнетъ еще болѣе значительныхъ результатовъ. „Переживаемые тревожные дни", писалъ органъ совѣта, („Извѣстія" отъ 11-го іюня), „постоянно зовутъ добросовѣстно задуматься въ ходѣ событий. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ снова и снова повторять все тѣ-же ошибки, которыя разъ и два кончались благополучно, но въ третій или въ четвертый разъ могутъ свалить революцію въ бездну". Въ чемъ же органъ совѣта усматривалъ ошибки, которыхъ надо избѣгать, и причины, вызвавшія тревожные дни, которыя не должны повторяться? Эти причины „не въ тактикѣ той или другой партіи, не въ дѣйствіяхъ злонамеренныхъ агитаторовъ, не въ провокаторской игрѣ темныхъ силъ...; подлинный источникъ всѣхъ опасностей—глубокаго народно-хозяйственный кризисъ, порожденный

трехлѣтней войны и обостряемый политикою нмущихъ классовъ, не желающихъ при-
нести въ жертву революціи свои привилегіи и свои матеріальные интересы". Такъ легко
отвѣтственность слагалась съ сознательныхъ факторовъ, на которыхъ она действительно
лежала, на стихійныя условія и, на ихъ фонѣ, на классовые интересы „капиталистовъ".
Этимъ путемъ публицистъ совѣтскаго большинства благополучно выбирался на торную
дорогу совѣтской тактики: „само собой ясно, что коренной способъ борьбы съ анархіей
заключается" не въ пересмотрѣ партійныхъ программъ, не въ арестахъ агитаторовъ и
не въ розыскахъ темныхъ силъ, а „не въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ за скорѣйшую
ликвидацию войны всеобщимъ миромъ на демократическихъ началахъ и скорѣйшее про-
ведение въ жизнь необходимыхъ финансово-экономическихъ реформъ, и преодоленіе гру-
бого своекорыстія нмущихъ классовъ".

Статья „Извѣстій" проходила мимо событій 10-го іюня, чтобы еще разъ подчерк-
нуть основные тезисы резолюціи сѣзда. Но этимъ не ограничилось психологическое
дѣйствіе съ трудомъ предупрежденной демонстраціи. Черезъ нѣсколько дней „Правда"
могла торжествовать „переломъ въ настроеніи" сѣзда. „Делегатамъ надобно слушать
безконечныя рѣчи вождей меньшевиковъ и народникова, на всѣ лады излагающихъ мысли
г. Миллюкова противъ большевиковъ. Несостоявшаяся демонстрація 10-го іюня, тѣмъ не
менѣе, стала большой демонстраціей. Делегаты сѣзда, поѣхавшіе въ рабочіе кварталы,
въ поляхъ „успокаивать" рабочихъ и крестьянъ, соприкоснулись съ землей. Они собрали
тамъ рядъ впечатлѣній, которыя должны будутъ подѣйствовать на нихъ осѣжающее послѣ
кадетскихъ рѣчей, услышанныхъ ими на сѣздѣ отъ Либеровъ, Дановъ и К^о. И сѣздъ,
какъ будто, готовъ на минуту качнуться влѣво". Въ доказательство гасета приводила
тотъ фактъ, что И. Г. Церетели въ 24 часа долженъ былъ совершенно измѣнить свои
планы.

Поворотъ тактики Церетели.

Въ этомъ изображеніи дѣла почти нѣтъ никакого преувеличенія. Дѣйствительно,
крутой поворотъ настроенія сѣзда обнаружился уже на другой день, 11 іюня. Ско-
павъ окончаніе преній о войнѣ, сѣздъ принялъ резолюцію, хотя не столь откровенно
пораженческую, какъ отвергнутая имъ резолюція большевиковъ, но по существу гораздо
болѣе близкую къ позиціи Ленна, чѣмъ къ позиціи Керенскаго. Подчеркнувъ происхо-
жденіе войны изъ империалистическихъ стремленій господствующихъ классовъ во всѣхъ
странъ, резолюція вполне откровенно высказывается противъ „окончанія войны путемъ
разгрома одной изъ группъ воюющихъ сторонъ". Сообразно съ этимъ и „усиліе боевой
мощи нашей арміи изображается не какъ способъ достигнуть побѣды, а какъ временное
средство, нужное лишь „до тѣхъ поръ, пока войнѣ не будетъ положенъ конецъ между-
народными усиліями демократіи". Разумѣется, и „вопросъ о наступленіи долженъ быть
рѣшаемъ исключительно съ точки зрѣнія чисто военныхъ и стратегическихъ соображеній".
Мы уже знаемъ эту формулу скрытыхъ противниковъ наступленія. Для заключенія мира
гораздо болѣе „необходима немедленная посылка делегацій въ союзныя и нейтральныя
страны", чтобы „обратить вниманіе демократіи всѣхъ воюющихъ странъ на то, что ихъ
недостаточно энергичное противодѣйствіе послѣднимъ заявленіямъ ихъ правительствъ о
захватническихъ цѣляхъ войны ставитъ въ крайне тяжелое положеніе
русскую революцію и затрудняетъ международное единеніе трудящихся". Отъ врем. пра-

ательства резолюція требует „принятія въ кратчайшій срокъ всѣхъ зависящихъ мѣръ“ для присоединенія союзныхъ державъ къ русской формулѣ мира, которую она приняла только условно, и „теперь же принятія мѣръ для ускоренія пересмотра договоровъ... въ направленіи... отказа отъ захватной политики“. Для большей „успѣшности“ своихъ дѣйствій министерству рекомендуется „скорѣйшее обновленіе личнаго состава министерства и дипломатическаго корпуса путемъ его демократизаціи“. Конечно, отъ всѣхъ правительствъ вообще требуется „содѣйствіе скорѣйшему возсозданію революціоннаго интернаціонала и созыву международнаго социалистическаго съѣзда для востановленія международной солидарности трудящихся въ выработкѣ окончательныхъ условій мира и мѣръ проведенія ихъ въ жизнь“.

Покончивъ такимъ примирительнымъ аккордомъ пренія о войнѣ и мирѣ, съѣздъ въ томъ же застѣваніи попытался ликвидировать и свой конфликтъ съ большевистскими настроеніями столицы. Предупредивъ демонстрацію 10-го іюня, онъ рѣшилъ вознаградить своихъ противниковъ назначеніемъ общей „манifestаціи революціонной Россіи“ въ ближайшее воскресенье, 13-го іюня. Свое отношеніе къ демонстраціи 10-го іюня, инициаторовъ которой ораторы большинства только что называли „измѣнниками и предателями революціи“, съѣздъ выразилъ въ резолюціи, „настолько мягкой“, по выраженію докладчика Либера, „что она осуждаетъ не инициаторовъ предполагавшейся демонстраціи, а лишь самую попытку демонстраціи.“ „Съѣздъ могъ бы,“ по словамъ Либера, „богѣе опредѣленно назвать то, что предполагалось 10-го іюня, но президіумъ предлагаетъ съѣзду ограничить себя, для сохраненія единенія между демократіей“. И действительно, центръ тяжести резолюціи былъ перенесенъ на „враговъ революціи, пытающихся разъединить ея силы“ и на „сопротивленіе контр-революціонныхъ слоевъ иущихъ классовъ“, растущее съ появленіемъ на очереди „все болѣе коренныхъ вопросовъ глубокихъ экономическихъ преобразованій.“ Какъ по сигналу, вся социалистическая печать принялась, имѣсто большевиковъ, за обличеніе „контр-революціи“. И большевики, послѣ смущенія первыхъ дней, когда они старались свалить съ себя вину за возможность вооруженнаго выступленія, быстро перешли въ оборону въ наступленіе. Изгнаніе изъ дачи Дурново и изъ особняка Кшесинской, большевики снова пытались туда вернуться. Отъ министра юстиціи Перверзева усиленно начали требовать освобожденія арестованныхъ большевиковъ и анархистовъ. Опубликованіе имъ дѣла провокатора и шпіона Малиновскаго, въ которомъ оказались замѣшанными вожди большевиковъ, Ленинъ и Зиновьевъ, только усилило раздраженіе противъ министра юстиціи.

И. Г. Церетѣли, въ своихъ усиліяхъ задобрить большевиковъ, рѣшилъ сдѣлать имъ, кромѣ назначенія манифестаціи 18 іюня, еще двѣ уступки. Онъ потребовалъ отъ временнаго правительства немедленнаго упраздненія Гос. Думы и немедленнаго же назначенія срока созыва Учредительнаго Собранія. Первое предложеніе встрѣтило сопротивленіе со стороны кн. Львова и другихъ министровъ. Резолюція съѣзда, собственно, признала Г. Думу и Г. Совѣтъ фактически упраздненными, и дѣло сводилось тутъ въ непризнанію за членами Г. Думы права получать жалованье, какъ единственнаго формальнаго проявленія того факта, что нандаты ихъ еще не кончились. Совѣтъ старѣйшинъ Г. Думы по этому поводу вынесъ 15 іюня резолюцію, въ которой было указано, что независимо отъ положенія Г. Думы, какъ законодательнаго собранія при старомъ стрѣбѣ, она получаетъ новое значеніе и признаніе, вслѣдствіе оказанныхъ ею революціи услугъ;

что члены Думы „принуждены сохранять свое значеніе народныхъ представителей“ до Учредительнаго Собранія, что именно въ качествѣ таковыхъ они признавались и временнымъ правительствомъ въ цѣломъ рядѣ актовъ, въ которыхъ власть обращалась къ нимъ за содѣйствіемъ и получала его; что Г. Дума „не могла перестать существовать, какъ органъ народнаго представительства“, хотя она и „отказалась отъ непосредственной государственной дѣятельности“, и что „частное совѣщаніе членовъ Г. Думы считаетъ своимъ патристическимъ долгомъ попрежнему громко позвѣщать свой голосъ въ тяжелую для родины годину, предупредить ее о грозящихъ опасностяхъ и указывать на правильный путь“. Права Гос. Думы формулированы здѣсь такъ осторожно и сдержанно, а ея члены дѣлали изъ этихъ правъ такое скромное употребленіе, и государственная ихъ заслуга передъ революціей была такъ очевидна и бесспорна для всѣхъ, что созданному Думой правительству было морально невозможно поднять на нее руку. И вопросъ о формальномъ закрытіи Гос. Думы затѣялъ самъ собой, не попавъ на повѣстку общаго совѣщанія министровъ.

Иначе рѣшился вопросъ о скорѣйшемъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Съ требованіемъ объ этомъ и о назначеніи дня созыва депутація съѣзда обратилась къ кн. Львову еще 8 июня, т.-е. за два дня до несостоявшейся демонстраціи, указавши, что вопросъ этотъ чрезвычайно волнуетъ народные массы. Послѣ 10 июня И. Г. Церетели вновь возбудилъ этотъ вопросъ, потребовавъ рѣшенія его въ смыслѣ революціи съѣзда, т.-е. созыва Учредительнаго Собранія къ началу сентября. Напрасно особое совѣщаніе по составленію законопроекта о выборахъ въ Учредительное Собраніе, — начавшее работать, вслѣдствіе различныхъ промедленій самихъ же демократическихъ и національных организацій, лишь 25 мая — заявляло, что ранѣе 2-хъ мѣсяцевъ со времени образованія волостныхъ и городскихъ органовъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, при самомъ строгомъ расчетѣ и при самыхъ энергичныхъ усиліяхъ всѣхъ прикосновенныхъ учрежденій, приступить къ выборамъ будетъ невозможно. Напрасно то же самое утверждало и юридическое совѣщаніе при временномъ правительствѣ, останавливавшееся на серединѣ ноября, какъ срокъ созыва. Церетели настаивалъ на томъ, что, по политическимъ соображеніямъ, долженъ быть назначенъ болѣе близкій срокъ, хотя бы вслѣдствіи и пришлось его отмѣнить. Въ концѣ концовъ, временное правительство подчинилось настояніямъ лидера „революціонной демократіи“. 14 июня, т.-е. до предполагаемой демонстраціи 18 июня, было опубликовано постановленіе: произнести выборы въ Учредительное Собраніе 17 сентября и назначить срокомъ созыва 30 сентября 1917 г. Между тѣмъ, только между 1 — 20 сентября, самое раннее, могли начать повсемѣстно функционировать вновь вводимыя демократическія волостныя и земскія управы, безъ которыхъ некому было руководить выборами. Такъ какъ правительство не хотѣло передавать выборы въ руки партійныхъ общественныхъ организацій, то, закрытая глава на фактическую невозможность своего распоряженія, оно все-таки постановило: „возложить составленіе избирательныхъ списковъ на органы волостного и городского мѣстныхъ самоуправленій, избранные на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія“. Въ этотъ день снященной до тѣхъ поръ для всѣхъ идея Учредительнаго Собранія нанесена была первый тяжелый ударъ.

Манифестація 18-го іюня.

Такъ готовились руководители совѣтскаго большинства къ общественной манифестаціи, долженствовавшей возстановить ихъ популярность и силу. Увы, въ самомъ

процессъ подготовки они еще разъ обнаружили свое бессиліе. Центральная коммисія совѣтовъ р. и с. д. по организаціи манифестаціи 18 іюня предлагала „подсчитать силы“ революціонной демократіи все противъ того же гипотетическаго общаго врага, „контр-революціи“. А для сохраненія единства она рекомендовала очень оригинальное средство: „каждая партія пойдеть со своими лозунгами“. Къ этому времени „Правда“ уже перепечатала то воззваніе, которое была принуждена снять въ ночь на 10 іюня, и большевики громко объявляли, что они пойдутъ со всѣми своими лозунгами, уже напечатанными раньше, ибо демонстрація 10 іюня была не отиѣнена, а только отложена— и притомъ не постановленіемъ съѣзда, а постановленіемъ большевистскаго Ц. К. Тщетно старался организаціонный комитетъ с.-д. партій въ своемъ воззваніи направить единую мысль демократіи въ подготовленное Церетели русло: „О времени созыва Учр. Собранія уже объявлено... Пусть же Учред. Собраніе будетъ нашей путеводной звѣздой... „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе“ должно красоваться на всѣхъ знаменахъ 18 іюня“. Увы, тутъ же воззваніе должно было провозгласить и нѣмѣ интернаціоналистическіе лозунги: „непримиримая борьба империалистамъ всѣхъ странъ“; „да здравствуетъ всеобщій миръ“ по русской формулѣ; „да здравствуетъ интернаціоналъ“. Къ восстановленію интернаціонала, къ восстановленію его на почвѣ борьбы съ войной, разорвавшей интернаціоналъ на части, должна (въ этотъ день) звать революціонная социалистическая Россія пролетаріатъ всѣхъ странъ“. Капитулируя, такимъ образомъ, передъ Циммервальдомъ, воззваніе, въ сущности, капитулировало и передъ лозунгомъ большевиковъ: вся власть совѣтамъ. „Совѣты р. и с.-д.“, говорило воззваніе, „съ самаго начала революціи ставили эти задачи; добиваясь ихъ разрѣшенія, они подчинили теперь своей волѣ временное правительство. Они заставили его заговорить болѣе яснымъ и рѣшительнымъ языкомъ съ союзной дипломатіей. Подъ ихъ давленіемъ врем. правительство разрываетъ съ свекорыстными интересами акулъ капитализма, начинать переходить къ рѣшительному вышательству въ экономическую жизнь въ интересахъ немущей массы населенія..., вступило на путь усиленнаго обложенія имущихъ классовъ..., спѣшно обсуждаеть... систему органовъ въ центрѣ и на мѣстахъ для ослабленія экономической разрухи, для устраненія недостатка продуктовъ, для равномернаго распредѣленія предметовъ потребленія, для контроля надъ производствомъ, транспортомъ, торговлей, банками. Это—совѣты р. и с. д. проводятъ въ жизнь свою волю: это ихъ волю начинаютъ творить теперь временное правительство. И будетъ творить ее или исчезнетъ, будетъ замѣнено другимъ волей и рѣшеніемъ совѣтовъ. Пусть же вокругъ объединенныхъ совѣтовъ сплотится вся революціонная демократія... Идите и пишите на вашихъ знаменахъ... Полное довѣріе и полная поддержка объединеннымъ во всероссійскую организацію совѣтамъ р. с. и кр. д.“.

Итакъ, вотъ къ чему приводила изнѣисная „въ 24 часа“ тактика И. Г. Церетели. Своими уступками онъ хотѣлъ снискать благосклонность къ временному правительству тѣхъ, кто кричали, что нѣтъ „все равно, что временное правительство“, и что Церетели купленъ буржуавіей за 10 милліоновъ. Но на языкѣ демагогическихъ лозунговъ съ Ленинымъ соперничать было трудно. Манифестація, задуманная для побѣды временнаго правительства, должна была закончиться новымъ и болѣе яркимъ пораженіемъ его. ибо оно добивалось побѣды—цѣной отказа отъ самого себя. Эту слабую сторону

только что приведенного воззвания и всей затѣи Церетели съ надглым цинизмомъ и издѣвательствомъ выставила напоказъ и на потѣху своей публики та же „Правда“. Въ воскресенье 18 июня, заявляла она, „предстоитъ большая политическая демонстрація, назначенная съѣздомъ въ видѣ уступки настроеніямъ питерскихъ рабочихъ и солдатъ. Наша партія идетъ на эту демонстрацію, съ открытымъ забраломъ. Наши лозунги: долой десять министровъ капиталистовъ, вся власть совѣтамъ р. и с. д. Это говоримъ мы; это скажете съ нами, мы увѣрены, громадное большинство петроградскихъ рабочихъ и петроградскаго гарнизона. Ну, а вы, господа? Что скажете вы по этому важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ? Вы выдвигаете лозунги: „полное довѣріе“, но... только полное довѣріе совѣтамъ, а не временному правительству. А куда же дѣвалось „полное довѣріе врем. правительству“, господа? Этого лозунга не найти ни въ „Рабочей Газетѣ“, ни въ „Извѣстіяхъ“, ни въ „Дѣлѣ Народѣ“... Почему припишете у васъ (меньшевиковъ и с.р.) языкъ къ гортани, когда надо сказать прямо и отчетливо: довѣріе коалиціонному правительству? Тутъ есть политическая причина... Въ широчайшихъ кругахъ петербургскихъ рабочихъ и солдатъ коалиціонное министерство въ мѣсяцъ-полтора скомпрометировало себя безнадежно. Несостоявшаяся демонстрація 10 июня продемонстрировала вамъ это съ полной очевидностью. Наиболее чуткіе изъ васъ не могутъ не замѣтить того, что идти теперь къ петроградскимъ рабочимъ и солдатамъ съ лозунгомъ: „довѣріе врем. правительству“—значитъ вызвать недоовѣріе къ себѣ самимъ. Пусть Н. С. Чхеидзе скажетъ публично о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ съ послѣдняго митинга на Путиловскомъ заводѣ, и тогда сразу всѣ поймутъ, почему меньшевики и народники слизили свой коренной лозунгъ: довѣріе коалиціонному министерству“.

Исходъ „мирной манифестаціи 18 июня у могилъ жертвъ революціи на Марсовомъ полѣ“ вполне подтвердилъ, что у врем. правительства нѣтъ сторонниковъ, которые хотѣли бы защищать его открыто. Два-три робкихъ плаката съ надписью „довѣріе временному правительству“ (одинъ изъ нихъ былъ выставленъ казаками) вызвали столкновение на улицахъ и были растерзаны большевиками. Но не оказалось надѣло и сторонниковъ съѣзда совѣтовъ. Большевицкіе лозунги и знамена въ процессіи, большевицкіе агитаторы на импровизированныхъ митингахъ преобладали. Организованная совѣтами манифестація превратилась въ ту самую большевицкую демонстрацію, которой удалось избѣжать 10 июня. Правда, эту демонстрацію удалось сдѣлать „мирной“, согласно принятымъ постановленіямъ съѣзда (съ участіемъ фракціи большевиковъ) и петроградскаго гарнизона. Вооруженной явилась лишь кучка анархистовъ, большей частью подростковъ, человѣкъ до 80-ти.

Но и большевики не одержали въ этотъ день побѣды. Улицы столицы не представляли 18 июня ничего подобнаго тому, что онѣ представляли 23-го марта, въ день похоронъ жертвъ революціи, когда все населеніе, безъ различія классовъ и партій, слилось въ единодушномъ порывѣ радости по поводу перваго торжества революціонной побѣды. Не было даже и того одушевленія, которое проявилось въ день первомайскаго пролетарскаго праздника (18 апрѣля). Заготовленныхъ знаменъ оказалось слишкомъ много для назначеннаго часа манифестантовъ. Жадкія группы проходили съ большими промежутками, перво настроенныя, разбѣгавшіяся при первомъ рѣзкомъ звуцѣ, при первомъ тревожномъ крикѣ. Обыватель или сидѣлъ дома, или стоялъ въ сторонѣ, на тротуарахъ, выжмая своимъ угрюмымъ молчаніемъ необобрѣніе манифестантамъ. Своей манифестаціей

большевикам понасади не только безоніе правительства и совѣта, не и свою собственную волюнтарность. Въ ихъ собственныхъ рядахъ не замѣчалось дхушевленія: демонстранты точно выполняли казенную повинность. Къ четыремъ часамъ дня все кончилось, и день прошелъ бы безъ приключеній, если-бы толпы анархистовъ-коммунистовъ съ вооруженными солдатами не явились къ одиночной тюрьмѣ („Крестикъ“) и не освободили оттуда семерыхъ арестантовъ (въ томъ числѣ извѣстнаго поручика Хаустова, обвиняемаго въ германскомъ шпионствѣ Мюллера, Микеладзе, провокатора Стрѣльченко и нѣсколькихъ уголовныхъ).

Правительство приняло вызовъ. Ночью, съ вѣдома сѣзда совѣтовъ и по распоряженію главнокомандующаго Половцева, казаки и солдаты окружили главный штабъ анархистовъ, дачу Дурново, и послѣ отказа выдать освобожденныхъ арестантовъ, заняли помѣщеніе, арестовавъ при этомъ 60 человекъ. Во время ихъ ареста застрѣлился анархистъ съ уголовнымъ прошлымъ Асенинъ, и его смерть вызвала рой слуховъ о проведенныхъ казаками насильствъ и „погромѣ“. Въ тотъ же день нѣзъ пересыльной тюрьмы бѣжали 468 уголовныхъ арестантовъ и нѣзъ арестнаго дома при тюрьмѣ 60 арестантовъ: тутъ, видимо, была какая-то связь съ замыслами анархистовъ. Сѣзду, подавляющему большинствомъ голосовъ, „призналъ вполне правильными рѣшительныя дѣйствія правительства въ этомъ случаѣ“ и „впредь считалъ его обязанностью, обеспечивая полную свободу идеѣйной пропагандѣ, всѣми мѣрами государственной власти охранять революціонный порядокъ отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и групп“.

Наступленіе 18 іюня и его неудача.

Этотъ маленький реваншъ не мѣнялъ общаго положенія дѣла. Этотъ моментъ можно было бы считать началомъ агоніи перваго коалиціоннаго правительства, если бы на его долю не выпалъ крупный успѣхъ, какъ бы оправдывавшій его существованіе въ глазахъ всѣхъ тѣхъ круговъ, которые воздержались отъ участія въ демонстраціи 18 іюня, не рѣшаясь или не желая болѣе поддерживать правительство активно. Въ тотъ самый день, когда красныя знамена съ большевистскими лозунгами, вродѣ „война до полной побѣды—надъ буржуазіей“, развѣивались на улицахъ столицы, на далекомъ фронтѣ русскія войска перешли, наконецъ, въ давно ожидавшееся наступленіе. Военный министръ и временное правительство торжественно мѣстжали объ этомъ населеніе, призывалъ его „отрѣшиться отъ всего разъединяющаго“ и общимъ усиліемъ „спасти революцію и отечество отъ смертельной опасности“. Великія задачи переустройства жизни на новыхъ началахъ свободы, равенства и братства“, объявлялъ Керенскій,... „могутъ быть выполнены лишь въ томъ случаѣ, если борьбой на фронтѣ будетъ обеспечено существованіе и свобода Россіи“. И, предлагая „вручить отъ имени свободнаго народа полкамъ, участвовавшимъ въ бою 18 іюня, красныя знамена революціи“, военный министръ сѣшилъ засвидѣтельствовать: „что бы ни было дальше, сегодняшний день положилъ предѣлъ злостнымъ и клеветническимъ нападкамъ на организацію русской арміи, построенную на демократическихъ началахъ... Пренебрегая небольшими группами малодушныхъ въ немногихъ полкахъ и оставляя ихъ съ презрѣніемъ въ тылу, свободные русскіе воины утверждаютъ своимъ наступленіемъ новую, основанную на чувствѣ гражданскаго долга дисциплину“.

Русское общество хотѣло вѣрить этому и радостно хватилось за первые признаки того, что въ русской революціи наступилъ, наконецъ, переломъ къ лучшему. Безъ всякихъ приглашеній, улицы столицы наполнялись съ утра 19 іюня новыми толпами манифестантовъ, и по настроенію, и по составу мало похожими на манифестантовъ 18 іюня. Радостный подъѣздъ толпы, портреты Керенскаго, рѣчи Плеханова, дружественная демонстрація передъ союзными посольствами, зеленая знамена партіи народной свободы рядомъ съ красными—и даже національный трехцвѣтный флагъ, плакаты съ надписями „доверіе временному правительству“, „за наступленіе“ „во имя нашихъ союзниковъ“,—все это сливалось въ импровизированную картину неподдельнаго національнаго торжества. На минуту казалось, что возвращаются первые дни революціи, съ ихъ единодушнымъ всенароднымъ порывомъ. Слова о революціонномъ энтузіазмѣ, способномъ удесятерить народную мощь, казалось, оправдываются; хотѣлось вѣрить...

Люди, ближе посвященные въ состояніе нашего военнаго дѣла, внади, что возможность наступленія подготавливается не „уговариваніями“ Керенскаго и армейскихъ комитетовъ, а подготовкой и новымъ формированіемъ ударныхъ частей, еще не проникшихся началами новой „демократизаціи“. Въ ударныхъ частяхъ, какъ показала скорѣй статистика жертвъ наступленія, громадную роль сыграло офицерство, шедшее впередъ солдатъ и исполнявшее обязанности рядовыхъ. Весь расчетъ былъ основанъ на томъ, что первые успѣхи этихъ ударныхъ частей, которые представлялись несомнѣнными, увлекутъ за собой и солдатскую массу. Но это было только расчетъ,—и весьма проблематическій. А. Ф. Керенскій замѣтилъ, отдавая 23 мая совѣту р. и с. д. отчетъ о своей побѣдѣ по фронту, что какъ разъ въ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣлъ наибольшій видимый успѣхъ, тотчасъ же „чья-то невидимая рука“ немедленно разрушала впечатлѣніе его выступленій. Въ невидимыхъ рукахъ недостатка, конечно, не было; но Керенскій ошибался, объясняя дѣйствіе этой причины—комплотомъ противъ себя лично. Просто, дѣйствіе его рѣчей не могло переимѣнить общей психологіи солдатской массы, явно неблагоприятной всякому усилію воли, необходимому для выполненія задачи, прямой смыслъ которой усердно затенялся въ глазахъ этой массы проповѣдниками „демократическаго мира“,—въ томъ числѣ и самимъ Керенскимъ. Не могли пройти безслѣдно увѣренія по адресу этой массы, „что на очереди не наступленіе, а созданіе возможности наступленія“—для лучшаго хода мирныхъ переговоровъ, которымъ имѣли союзные капиталисты („Извѣстія“ 17 мая). Когда наступленіе, все-таки, началось дѣйствительно, то та же печать принялась утверждать, что оно вовсе не имѣетъ въ виду „шовинистическихъ“ цѣлей побѣды, и что „необходимо связать фактъ наступленія съ дальѣйшимъ развитіемъ кампаніи борьбы за миръ“. („Рабочая Газета“ 29 іюня). При этихъ условіяхъ, вопросъ о превращеніи первоначальныхъ тактическихъ успѣховъ ударныхъ частей въ стратегическій успѣхъ всего наступленія, дѣйствительно, являлся самымъ кореннымъ и труднымъ вопросомъ. Военные авторитеты хорошо понимали, что тутъ нельзя ограничиться однимъ „презрѣніемъ“ къ „трусамъ“, которые слишкомъ высоко цѣнятъ свою „драгоценную жизнь“ (рѣчь Керенскаго 28 іюня на западномъ фронтѣ), и что необходимы болѣе дѣйствительныя, карательныя и понуздательныя мѣры. Къ такимъ мѣрамъ и принужденъ былъ перейти военный министръ подъ давленіемъ очевидной военной необходимости. Еще 26 мая пришлось отдать распоряженіе о расформированіи четырехъ полковъ, отказавшихся выступить и арестовавшихъ

своих офицеров. 31 мая издан приказ о дезертирах, не явившихся до 15 мая; временное правительство лишило их избирательных прав, а также и „права на получение земли при земельной реформе“, а семьи их—права на получение пайка. То же грозило и лицам, „кои самовольно оставили свои части послѣ 15 мая или оставили их впредь“. Приказами 19 июня прекращены были отпуска военнослужащих—даже и на полевые работы,—ибо злоупотребление ими приводило къ тому, что во многих полках оставался чуть не половинный состав. 1 июня опубликовано было общее распоряжение правительства о „немедленном расформированіи частей войск, опозоривших себя забвением долга передъ свободной родиной и революціей“ и о „неуклонном привлеченіи къ суду всѣхъ виновныхъ“ въ „тячайшихъ воинскихъ преступленіяхъ: неповиновеніи, доходящемъ до сопротивленія и явнаго восстанія, самовольномъ оставленіи позицій или мѣстъ расположенія, отказѣ отъ исполненія боевыхъ приказовъ и отъ иного участія въ бою, а также и подстрекательствамъ къ этимъ преступленіямъ“. Приказъ напоминать, что виновные во всемъ этомъ караются каторгой, съ тѣмъ же послѣдствіемъ, что и для дезертировъ. Несмотря на эту мѣру, случаи неповиновенія не прекратились. Передъ самымъ наступленіемъ была опубликована свѣдка данныхъ о явленіяхъ развала въ арміи за 28 мая—3 июня. На ю.-з фронтѣ двѣ сибирскія дивизіи (12 и 13) отказались исполнить боевой приказъ и не хотѣли расформироваться: пришлось начать противъ нихъ форменныя военныя дѣйствія конницей и артиллеріей, и только послѣ того, какъ стрѣлки были окружены и обстрѣляны изъ пушекъ, они согласились сдаться и разоружиться. На румынскомъ фронтѣ одна рота отказалась укрѣплять вторую линию окоповъ. Тамъ же полки 103 дивизіи отказались идти въ резервъ, опасаясь, что ихъ ведутъ на новую позицію, и телеграфировали Керенскому просьбу оставить ихъ на мѣстѣ. Тамъ же шесть ротъ седьмого стрѣлковаго полка не подчинились приказу министра и отказались провозвести выборы въ дисциплинарные суды. Шесть ротъ 10 туркестанскаго полка отказались отъ работъ на тыловыхъ дорогахъ.

Можно было при такомъ положеніи поставить вопросъ: возможно-ли и своевременно-ли, вообще, начинать наступленіе и не лучше ли ограничиться удержаніемъ существующаго фронта? Увы, этотъ вопросъ пришлось рѣшать не на основаніи военныхъ, а на основаніи политическихъ соображеній,—и въ этомъ отношеніи правъ былъ В. М. Черновъ, что тутъ политика вышла изъ стратегіи. Мы уже говорили, что для руководящей группы министровъ, перешедшихъ изъ перваго состава правительства во второй, наступленіе являлось моральнымъ обязательствомъ передъ союзниками и оправданіемъ произведенной ими перемѣны. Не даромъ Альберъ Тома, по возвращеніи въ Парижъ, произведенной ими перемѣны. Не даромъ Альберъ Тома, по возвращеніи въ Парижъ, указывалъ на предстоящее наступленіе русской арміи, какъ на главное основаніе и доказательство необходимости созданія коалиціоннаго кабинета. Исполнителемъ этой, по существу политической, задачи былъ назначенъ уже 24 мая генералъ Брусловъ, сибирскій ген. Алексѣевъ на посту верховнаго главнокомандующаго. Это былъ какъ разъ подходящий человѣкъ для исполненія порученной ему роли. Не даромъ А. Ф. Керенскій, вступивъ въ должность военнаго министра, опубликовалъ приказъ, которымъ запрещался уходъ въ отставку команднаго состава. И не даромъ онъ же передъ съѣздомъ р. и с. д. ставилъ себя въ заслугу, что, послѣ произведенныхъ имъ перемѣнъ, командный составъ находится въ полномъ распоряженіи „революціонной демократіи“. Приказъ о невыходѣ въ отставку нѣмѣлъ дѣйствія закрыть двери тѣмъ генераламъ, кото-

рые громко заявляли о своем намерении уйти, если Керенский опубликует „арава солдата“. Ген. Гурко пополнился разжалованіемъ въ низшую должность за нежеланіе нести отвѣтственность за роковой шагъ, завершившій собою распадъ арміи. Другіе были уступчивѣе. Ген. Брусиловъ по собственной инициативѣ сталъ проводить „демократическія“ начала во вѣренныхъ ему арміяхъ; онъ быстро усвоилъ фразеологию „революціонной демократіи“, и для военно-техническаго осуществленія политическихъ задачъ былъ несравненно удобнѣе прямого и честнаго, не скрывавшаго своего отрицательнаго отношенія къ новымъ лозунгамъ, ген. Алексѣева. Въмѣсто широкой научной подготовки, широкаго ума, чрезвычайной осторожности и бережливости Алексѣева по отношенію къ вѣренной ему арміи, Брусиловъ принесъ на свой новый постъ качества отважнаго кавалерійскаго генерала, не стѣсненнаго высшимъ военнымъ образованіемъ, но зато чрезвычайно рѣшительнаго. Выполненіе ближайшей задачи на фронтѣ, на которомъ должно было начаться наступленіе, въ Галицію, взялъ на себя ген. Корниловъ, утѣшавшій, какъ ни кто, внушать вѣру въ себя своимъ подчиненнымъ и неуклонно проводить разъ установленный планъ. При значительномъ опустѣніи всего вообще фронта нашихъ противниковъ, при особой слабости австрійской арміи, при возможности прикрыть, во время наступленія, свой лѣвый флангъ мало-приступными горами, выборъ сравнительно ограниченнаго Галиційскаго фронта для произведенія съ наименьшими силами наибольшаго политическаго впечатлѣнія былъ вполне понятенъ и удаченъ. Рядъ блестящихъ успѣховъ въ самомъ же началѣ задуманной операціи оправдалъ этотъ выборъ. Сразу были прорваны три ряда вооруженныхъ укрѣпленій противника. Послѣ короткой остановки, 23 іюня, наступленіе возобновилось. Начался знаменитый Корниловскій обходъ въ тѣхъ же предѣлахъ Карпатъ, гдѣ ген. Корниловъ былъ взятъ въ 1916 г. въ плѣнъ. 27 іюня взятъ былъ городъ Галичъ. 28 іюня противникъ былъ выбитъ изъ города Калуша, съ 18 по 30 іюня взято въ плѣнъ до 36.000 солдатъ и 834 офицера.

Однако, попытки заставить армію поддержать наступленіе въ Галицію наступленіемъ на другихъ частяхъ фронта оказались безсильными.

Тѣсно А. Ф. Керенскій заговорилъ теперь новымъ языкомъ, приглашая западныхъ фронтъ послѣдовать примѣру юго-западнаго. „Въ моихъ рукахъ достаточно власти“, заявлялъ инстинктивно, „чтобы прекратить въ корни предательскія явленія“. „Командующій фронтомъ и я приказываемъ вамъ, чтобы въ моментъ активныхъ операцій все безчестное, трусливое и все позорящее было выброшено вонъ“. „Я приказываю къ моему призыву убрать тѣхъ, которые желаютъ идти назадъ. Я опубликую ихъ имена, чтобы каждый гражданинъ зналъ измѣнниковъ и предателей народа“. „Позоръ есть наказаніе, худшее смерти“. „Не для словъ и убѣждений пріѣхалъ я сюда. Убѣждать—поздно“.

Ничто не дѣйствовало; мнѣе всего сентенціи, вродѣ: „никогда нація трусовъ не возбуждала уваженія“. Керенскаго еще слушали и даже хлопали ему. Н. Д. Соколова, на томъ же фронтѣ и въ тѣ же дни (21 іюня) жестоко избилъ. Отъ имени петроградскаго совѣта р. и с. д. онъ убѣждалъ солдатъ „исполнить свой долгъ“.—„Какой долгъ? идти въ наступленіе“, прервалъ оратора.—„Да, выступить противъ врага“. Въ себя отъ ярости, подбуждалъ къ нему солдатъ съ крикомъ: „хорошо же: пойдемъ выѣсть. А чтобы пуля не прошибла, вотъ тебѣ каска“. И, снявъ съ себя каску, онъ ударилъ ею Соколова по головѣ съ такой силой, что делегатъ совѣта упалъ, какъ подкошенный. Это послужило сигналомъ къ дикой сценѣ, въ которой были избиты и спутники Н. Д. Со-

колова. „Смерть имъ, повѣсить ихъ“, продолжали кричать солдаты, когда полковой комитетъ, подъ видомъ ареста, отнялъ у толпы ея жертвы. Въ другомъ полку подвергся истязаніямъ ген. Л., приказавшій выступить на позицію. Агитаторы распространяли въ арміи слухи, что свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго наступленія въ Галиціи есть простая „провокація“. Этого не думали въ Германіи. Тамъ въ русское наступленіе повѣрили, — и это немедленно же отразилось на настроеніи рейхстага, на канцлерскомъ кризисѣ и на обществѣ имп. Вильгельма давъ послѣ войны всеобщее избирательное право въ Пруссіи. Но опасенія нашихъ непріятелей, что они не дооцѣнили значенія русской революціи, были непродолжительны. 3-го іюля русскія войска принуждены были оставить гор. Ка-лушъ и отойти съ лѣваго берега р. Днѣпра на правый. Въ тотъ же день въ Петро-градѣ произошли событія, положившія конецъ существованію коалиціоннаго правительства.

8. Агонія первой коалиціи.

Затрудненія коалиціоннаго правительства.—Конфликтъ по украинскому вопросу.—Выходъ министровъ К.-д.—Войска противъ А. А. Мануйлова.—Подготовка вооруженнаго восстанія.—Восстаніе 3—5 іюля.—Восстаніе изолировано и побѣждено.

Затрудненія коалиціоннаго правительства.

Значеніе дня 18 іюня въ этомъ отношеніи было правильно оцѣнено лѣвой печатью. Меньшевики с.-д., устами „Рабочей Газеты“, признавали „ошибку своего расчета—демонстрировать единство революціонной демократіи“, выставивъ лозунгъ: „противъ контръ-революціи“ и умолчавъ о лозунгѣ: „за правительство“. Они соглашались, что, въ итогѣ, демонстрировалось лишь „видимое единство революціоннаго Петрограда“, въ смыслѣ объединенія съ большевиками, а по отношенію къ правительству „манифестація 18 іюня превратилась въ манифестацію недовѣрія“. „Новая Жизнь“ еще опредѣленнѣе утверждала, что демонстраціей 18 іюня вновь поставлена на очередь „проблема власти“. „Столичная демократія дала свой отрицательный вотумъ существующему правительству. Къ такому вотуму присоединиться не обязательно. Тѣхъ выводовъ, которые мы видимъ на знаменахъ большевиковъ, можно и не дѣлать. Но нельзя не сдѣлать иного вывода: данная политическая комбинація окончательно потеряла свою устойчивость, и положеніе должно быть разрѣшено въ томъ или иномъ направленіи“.

Наступленіе арміи, при очевидной проблематичности его исхода, напѣлило въ этомъ отношеніи очень мало и очень не надолго. Признаки возрастающей слабости временнаго правительства быстро увеличиваются въ числѣ и силѣ въ послѣдніи двѣ недѣли іюня. Въ Петроградѣ надъ судебной властью открыто надвигаются арестованные на дачѣ Дурново анархисты. Назвавъ свои имена самовольной комиссіи, — избранной петроградскими заводами и утвержденной исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ, они отказываются сдѣлать то же самое для следователя, а комиссія заявляетъ, что не можетъ передать списка именъ прокурору безъ согласія обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Въ числѣ арестованныхъ оказывается популярный въ Бронштадтѣ матросъ Желѣзняковъ, и этого достаточно, чтобы вызвать новыя бури въ Бронштадтѣ. „Товарищъ“ Рощалъ съ коллегами является делегатомъ отъ Бронштахта и ведетъ безуспѣшные переговоры съ министромъ юстиціи о выдачѣ матросовъ. Тѣмъ временемъ является новая группа авар-

инстов до 200 человек, связанных с шведскими и американскими авантюристами и поставивших задачей объединить все бунтарские элементы Петрограда для организованных выступлений. Она вновь занимает дачу Дурново, собирает оружие, вырывает вещества, съезные припасы и разсылает агитаторов по заводам и казармам. Министр юстиции больше не реагирует. Правительство занято более важными вопросами. С небывалой остротой выступают на очередь национальные вопросы, и самое радикальное их решение находит поддержку у съезда советов, — правда, в специальной секции съезда, где заинтересованные группы сами же являются и судьями в собственном деле. Общая резолюция секции по национальному вопросу, принятая 17 июня, требует... „в интересах... сплочения трудовой демократии всех национальностей революционной России“ „немедленного выступления на путь децентрализации управления“ и „немедленного“ же признания правительством „за всеми народами России права на самоопределение — вплоть до отделения, — осуществляемого путем соглашения по всенародному Учредительному Собранию“. Правда, резолюция высказывается в то же время „против попыток разрешения национального вопроса до Учредительного Собрания, иными порядком, путем обособления от России отдельных ее частей“. Но стоило через несколько дней приехать в Петроград финляндским социаль-демократам, и съезд, в нарушение только-что приведенного правила, требует от правительства „немедленного“ признания за сеймом всех тех прав, „за исключением лишьшей политики и военного законодательства и управления, — которые признает за сеймом и внесенный комиссией сейма экспромптом законопроект, заимствованный прежний правительственный проект о правах сената (см. выше). Переговориться с „братскими социалистическими партиями“ Финляндии о валютном займе в 350.000 марок идет специальная комиссия от съезда советов (Гегечкори, Анисимов и Завиде) — и возвращается без всяких результатов, послы частных переговоров, которые произносятся на русскую делегацию „тягостное впечатление“. Усложняется положение и на Украине. Проект послать туда делегацию с информационными целями падает, в виду отказа всех кандидатов в делегаты: Мякотина, Водовозова, Ольденбурга, Вернадского. Тогда отправляются в Киев министры: Церетели, Терещенко, Некрасов, к которым присоединяется по пути сам Беренский (28 мая). После новых „частных“ переговоров с частными же национальными организациями они передают оставшимся в Петроград товарищам по кабинету (30 июня) по прямому проводу сообщение о состоявшемся соглашении относительно крупного государственного акта, имеющего быть опубликованным немедленно. Министры-делегаты рассматривают при этом свое соглашение, как своего рода триумф дипломатического искусства, и именно поэтому настаивают на скорейшем оформлении официального документа, или объявления. Но на этот раз министры — члены партии народной свободы — не соглашаются примириться с новым *fait accompli*. Они требуют обсуждения вопроса в общем собрании министров; по возвращении министерской делегации из Киева.

Конфликт по украинскому вопросу.

В течение всего дня 30 июня соглашение обсуждалось в Киеве в нескольких закрытых заседаниях Центральной Рады и, несмотря на противодействие украинских с.р. и генерального военного комитета, не соглашавшегося на ограничения в деле

создания национального войска, было принято большинством 100 человек против 70, при значительном числе воздержавшихся. Было условлено, что на правительственный акт Рады ответить своим актом, текст которого был тут же выработан. В этом акте генеральный секретариат признавался ответственным за переход центральной власти, а переход Радой, и по этому пункту украинские деятели не пошли ни на какие уступки, так как эта черта была равносильна признанию самой Рады носительницей высшей власти на Украине. Когда, после переговоров по прямому проводу с Петроградом, выяснилось, что предполагаемые акты не могут быть опубликованы немедленно, а должны быть еще санкционированы полным составом кабинета, то противники соглашения заговорили о полной неудаче соглашения. Однако, в ночном заседании исполнительных комитетов общественных организаций (советы р. и с. д., коалиционного совета студенчества и представителей политических партий) Церетели, Керенский и Терещенко в ряд речей посвящали закрывать основные начала состоявшегося соглашения, не дожидаясь результатов петроградского обсуждения. Той же ночью на первое июля они вызвали Винниченко на заседание Рады и уговорились с ним окончательно относительно деталей соглашения.

Таким образом, когда министры вернулись через ставку, после полудня 2-го июля, в Петроград, „совершившийся факт“ был уже создан. На заседании у князя Львова выработанное в Киев постановление правительства было оглашено, причем было заявлено, что оно не подлежит никакому обсуждению и должно быть принято без всяких изъятий. Такая постановка вопроса не оставила никакого выхода для министров партии народной свободы. Они шли против изготовленного текста ряд принципиальных возражений. Несмотря на свою дипломатичность и внутреннюю противоречивость, предложенный акт впервые санкционировал всю сущность претензий, вавленских Радой в ее „универсал“ и в „декларации“ главного секретариата. Создавался краевой орган с совершенно неопределенной территорией и компетенцией, причем неопределенность эта явно шла на пользу дальнейшего развития и укрепления украинской личности, вовсе не встречавшей первоначально безусловной поддержки в крае. Как и в случае с Финляндией, этим несомненно предпринималась воля Учредительного Собрания относительно будущего устройства России, вопреки всяким формальным уверениям в обратном. Наконец, уступкой Украине создавался прецедент, которым не могли не воспользоваться другие народности России для создания, явочным порядком, областных автономий вне всякого общегосударственного плана и с такой компетенцией, которая могла идти вразряд с интересами государственного единства. Взяв на себя ответственность за все это, при том условии, что руководящая группа в правительстве уже открыто игнорировала мнѣния одной из составных частей министерской коалиции, значило согласиться на полное самоуничтожение.

На голосование было поставлено лично предварительный вопрос: принимать ли текст соглашения, выработанный Церетели и Терещенко в Киев, без всяких изъятий. За это голосовали все министры-социалисты, к которым присоединились председатель кн. Львов и обер-прокурор В. Н. Львов. Против голосовали министры партии народной свободы (А. И. Шингарев, А. А. Мануйлов, кн. Д. И. Шаховской и управляющий министерством торговли и промышленности В. А. Степанов), к которым присоединялся государственный контролер Н. В. Голеньев, Н. В. Некрасов за-

жилъ, что принимаетъ на себя моральную ответственность за участие въ киевскихъ рѣшеніяхъ, но воздерживается отъ голосованія, считая для себя обязательной солидарность съ партией. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ, однако, предпочелъ отдѣлить свою дальнейшую судьбу отъ судьбы министровъ к.-д., пославъ въ ц. к. партіи народной свободы заявленіе о своемъ выхождѣ изъ партіи. Выходъ этотъ явился, въ сущности, неизбежнымъ логическимъ послѣдствіемъ всего поведенія Н. В. Некрасова за время революціи, — поведенія, которое уже вызвало осужденіе многихъ членовъ майскаго партійнаго съѣзда, лишь не настоянію ц. к. перевыбравшихъ его въ члены центрального органа.

Выходъ министровъ к.-д.

Отъ имени остальныхъ министровъ к.-д. А. И. Шингаревъ объявилъ въ первый часъ ночи на 3-ье іюля о ихъ выхождѣ изъ состава правительства. Онъ мотивировалъ это рѣшеніе не однимъ только голосованіемъ по украинскому вопросу, но и тѣмъ общимъ соображеніемъ, что министры к.-д., оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, вынуждены нести ответственность за цѣлый рядъ актовъ правительства, для нихъ неприемлемыхъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался и ц. к. партіи народной свободы въ своемъ заявленіи о мотивахъ „отозванія своихъ представителей изъ состава временнаго правительства“. Партія „видѣла единственный способъ спасти завоеванную свободу и отразить вѣншнй врага“, говорилось здѣсь, „въ созданіи объединеннаго національнаго правительства, опирающагося на широкіе слои населенія“. Она соглашалась оставить своихъ представителей въ коалиціонномъ правительствѣ „въ надеждѣ, что этимъ путемъ создается власть, охотворенная желаніемъ найти равнодѣйствующую всѣмъ представленнымъ въ странѣ теченій и осуществить единую національную волю“. Ц. к. призываетъ теперь, что „эта цѣль не была достигнута: основная идея коалиціи не была осуществлена“ и не дала странѣ „единой авторитетной власти“. Такая власть могла бы быть достигнута лишь „путемъ извѣстныхъ соглашеній, направленныхъ къ осуществленію обще-національныхъ задачъ“. Ц. к. констатируетъ, что коалиціонное правительство пошло инымъ путемъ: „путемъ перевѣса большинства надъ меньшинствомъ“. „По цѣлому ряду вопросовъ вѣншней и внутренней политики, существенно затрагивавшихъ начала единства и силы власти (см. мандатъ партіи, данный ей представителями 5 мая), члены партіи к.-д. оставались въ меньшинствѣ.“ Украинскій вопросъ являлся лишь „послѣднимъ и особенно яркимъ“ случаемъ такого майоризированія министровъ к.-д. руководимой группой правительства. Ц. к. излагалъ далѣе свои возраженія по существу соглашенія съ Радой. Вообще признавая „необходимость разработки областной автономіи Украины для внесенія въ Учредит. Собраніе“, онъ считалъ недопустимымъ „немедленное созданіе мѣстной власти, ответственной передъ мѣстной же общественной организаціей и призванной функционировать съ неопредѣленными полномочіями и на неопредѣленной территоріи“, а также и заблаговременное выраженіе правительствомъ сочувствія проекту областной автономіи, содержаніе котораго остается правительству неизвѣстнымъ. То и другое является „въ высшей степени опаснымъ прецедентомъ, подрывающимъ, вопреки данной правительствомъ присягѣ, полномочіе Учредительнаго Собранія и основныя черты будущаго государственнаго устройства Россіи.“ По отношенію къ будущему правительству партія „желаетъ вѣрить“, что оно окажетъ содѣйствіе начавшемуся

на фронтѣ наступленію и будеть стремиться найти путь къ нормальному устроению внутренней жизни". На этихъ условіяхъ, т. е. въ „заботахъ о благѣ Россіи и въ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ“, партія обязана „всѣмъ поддержать новое временное правительство“.

Борьба противъ А. А. Мануйлова.

Что украинское соглашеніе было лишь послѣдней каплей, переполнявшей чашу долготерпѣнія министровъ к.-д. и ц. к. партій, видно изъ того, что внѣшній поводъ для кризиса къ тому же времени созрѣлъ еще и въ другомъ мѣстѣ. Противъ министровъ к.-д., вообще, велась ихъ противниками кампанія въ одиночку. На очереди въ данный моментъ стоялъ А. А. Мануйловъ. За нимъ намѣчался, какъ объектъ для открытаго нападенія, А. И. Шивгаревъ. Лѣвая печать даже упрекала к.-д. въ „политиканствѣ“ за то, что они будто бы не захотѣли принимать борьбы въ вопросѣ объ уходѣ А. А. Мануйлова и потому постѣдшили поставить кабинетный вопросъ на украинскомъ соглашеніи. Дѣйствительно, борьба противъ министра просвѣщенія была доведена до послѣдняго фазиса: до объявленія ему „демократическаго“ недовѣрія и разрыва дипломатическихъ сношеній. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія имѣлся свой органъ „демократическаго“ представительства и контроля, который игралъ ту же роль, какую играли соотвѣственные органы, созданные „революціонной демократіей“ при другихъ вѣдѣствахъ: роль фактора разрушенія вѣдѣства изнутри и радикальной перестройки всего дѣла народнаго просвѣщенія на новыхъ началахъ и новыми методами. „Государственный комитетъ“—такъ называлъ себя этотъ органъ—состоялъ изъ представителей отъ всероссійскаго учительскаго союза, совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, временнаго комитета Г. Думъ, совѣта всероссійскихъ кооперативныхъ сѣздовъ, земскаго союза, академическаго союза и всероссійскаго совѣта крестьянскихъ депутатовъ. Обвиненіе противъ А. А. Мануйлова, формулированное членомъ этого комитета г. Пинкевичемъ въ „Новой Жизни“, заключалось въ томъ, что министръ игнорируетъ работу комитета, предпочитая ей работу вѣдѣства. Съ начала іюня комитетомъ переданы въ министерство „въ совершенно законченномъ видѣ“ семь законопроектовъ, а между тѣмъ министръ „не провелъ черезъ временное правительство ни одного изъ нихъ, усиленнымъ темпомъ (проводитъ законопроекты и циркуляры, выработанные въ нѣдрахъ министерства“. Конечно, это произошло вовсе не вслѣдствіе злой воли министра и не вслѣдствіе его отрицательнаго отношенія къ демократическимъ началамъ. Въ засѣданіи государственнаго комитета 1 іюля А. А. Мануйловъ объявилъ, что, формально, задержка не за нимъ, а за временнымъ правительствомъ, по горло занятымъ другими дѣлами, а, принципиально, комитетъ не прибавилъ ничего новаго къ принципамъ 1905 г. въ учебномъ дѣлѣ, которые раздѣляетъ и министръ. „Законопроекты“, упомянутые г. Пинкевичемъ, носили обычныя характерныя черты скорѣе литературнаго, чѣмъ законодательнаго творчества В. И. Чарюускаго, наиболѣе вліятельнаго члена комитета. Это были строгія, но отвлеченныя теоретическія схемы, безъ всякой технической разработки и безъ возможности непосредственнаго практическаго примѣненія. Основной идеей законопроектовъ комитета была передача всего дѣла народнаго просвѣщенія въ руки демократическихъ мѣстныхъ органовъ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ и городскихъ комитетовъ, построен-

ных по образцу „государственного комитета“. Все это было намечено лишь в очень общих чертах, — и все это предполагалось провести уже в начале 1917—18 учебного года, что было, очевидно, делом невозможным и грозило полным хаосом и разстройством учебного дела. Министерство должно было приложить свой штемпель къ законопроектамъ комитета, а затѣмъ предполагалось созвать 10—20 августа „особое государственное совѣщаніе“, въ составѣ свыше 1000 человекъ, своего рода парламентъ, для обсуждения способовъ практическаго осуществленія новыхъ формъ организаціи народнаго образованія, въ условіяхъ временныхъ законодательныхъ и оргъ, установленныхъ работою гос. комитета и министерства. Это была опять попытка предварить и сдѣлать излишней работу Учред. Собранія.

Естественно, что министр народнаго просвѣщенія не могъ превратить свое вѣдомство въ „исполнительный органъ комитета“, не могъ допустить непосредственнаго представительства, помимо себя, при временномъ правительствѣ, не могъ разгонять состава служащихъ въ угоду комитету и не могъ согласиться на созывъ парламента народнаго просвѣщенія, долженствовавшего взять въ свои руки законодательную работу и пополнить пробѣлы комитетскихъ законопроектовъ. Все это А. А. Мануйловъ объяснилъ въ засѣданіи комитета и кочилъ свои объясненія заявленіемъ, что „совмѣстная работа министерства и комитета возможна лишь тогда, когда комитетъ ставитъ на правильную точку зрѣнія, что министр и министерство тоже имѣютъ право принимать участіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія“. На это государственный комитетъ отвѣтилъ резолюціей, что „дальнѣйшая совѣтская работа комитета съ министерствомъ не можетъ быть плодотворна при настоящихъ условіяхъ“, и прервалъ свои занятія на двѣ недѣли. Товарищъ министра, трудовикъ Преображенскій, немедленно подалъ въ отставку въ виду этого „вогума недоумія“, и министру предоставлялось сдѣлать то же самое. Поводъ для министерскаго кризиса былъ, такимъ образомъ, дѣйствительно, налицо и помимо украинскаго соглашенія, — и онъ былъ, въ сущности, тотъ же самый: желаніе использовать коалицію для того, чтобы подѣл фирмой вести партійно-соціалистическую работу.

Подготовка вооруженнаго восстанія.

Совершенно въ сторонѣ отъ министерскихъ преній, приведшихъ къ кризису въ ночномъ засѣданіи 2—3 іюля, происходила подпольная работа большевиковъ и анархистовъ, результаты которой обнаружались для большой публики въ одно время съ министерскимъ кризисомъ. Естественно, что въ представленіи общественнаго мнѣнія уходъ к.-д. и большевистское восстаніе въ Петроградѣ оказались находящимися въ какой-то связи, а политическіе противники к.-д., въ томъ числѣ и бунтовщики, воспользовались этимъ представленіемъ, чтобы представить самое восстаніе 3—5 іюля, какъ вызванное, будто бы, кризисомъ „министровъ-капиталистовъ“.

На самомъ дѣлѣ, восстаніе, на этотъ разъ вооруженное, готовилось заблаговременно. И вѣрнымъ поводомъ для него долженъ былъ служить не министерскій кризисъ, а мотивъ, гораздо болѣе удобный для демагогической агитаціи среди солдатъ: расформированіе полковъ, отказавшихся идти въ наступленіе. Заблаговременно намѣченъ былъ и руководящій органъ вооруженной демонстраціи, долженствовавшей перейти въ восстаніе: рабочая секція совѣта р. и с. д. „Правда“ и „Солдатская Правда“ еще въ концѣ іюня

напечатали проект борьбы съ „контр-революціей“, на принятіи котораго предполагалось наставить въ нарочно созванномъ для этого экстренномъ засѣданіи рабочей секціи. 30 іюня появилось въ „Правдѣ“ объявленіе о назначеніи этого засѣданія на 1-ое іюля, причѣмъ всѣ большевики и „объединенцы“ приглашались явиться въ это засѣданіе обязательно, подъ угрозой заштыи ихъ другими большевиками. 2-го іюля, однако, „Правда“ объявляла, что засѣданіе рабочей секціи перенесено на 3 іюля. Въ этотъ вечеръ, дѣйствительно, совершено было завоеваніе рабочей секціи большевиками. Всѣ лидеры, Зиновьевъ, Каменевъ, Троцкій, были заложны. Голосами большевиковъ измѣненъ былъ порядокъ повѣстки, и на первое мѣсто былъ поставленъ вопросъ о „контр-революціи“. Когда, такимъ образомъ, декораціи были разставлены, поднялся занавѣсъ и начался спектакль. Въ нарочно устроенномъ перерывѣ передъ началомъ пьесы стало извѣстно, что, вопреки запрещенію вооруженныхъ выступленій, къ Таврическому дворцу идутъ первый пулеметный и гренадерскій полки. „Разъ выступила масса“, заявилъ торжествующій Каменевъ, „намъ остается только придать выступленію организованный характеръ“. Онъ внесъ предложеніе избрать комиссію 25-ти, которая бы вывела въ свои руки руководство выступленіемъ. Анархистъ Влейхманъ заявилъ: „мѣсто временному правительству въ Петропавловской крѣпости“. Тщетно возражали затѣнутые праслохъ меньшевики; тщетно подосѣбшій Чхеидзе возражалъ противъ избранія комиссіи, ссылаясь на то, что избранный съѣздомъ центральный комитетъ совѣтовъ какъ разъ обсуждаетъ вопросъ о правительственномъ кризисѣ. Тщетно, наконецъ, меньшевики и с.-р. прибѣгаютъ къ послѣднему средству и покидаютъ залъ передъ голосованіемъ предложенной большевиками резолюціи, желая сорвать кворумъ. Большевиками принимается резолюція: „въ виду кризиса власти, рабочая секція настаиваетъ на томъ, чтобы всероссійскій совѣтъ р. с. и крестьянскихъ д. взялъ въ свои руки всю власть. Надѣясь на нѣтъ... полную поддержку со стороны солдатской секціи, рабочая секція выбираетъ бюро изъ 25 членовъ, которому поручаетъ дѣйствовать отъ имени рабочей секціи въ контактъ съ петроградскимъ и всероссійскимъ исполнительными комитетами; всѣ же остальные члены уходятъ въ районы, извѣщаютъ рабочихъ и солдатъ объ этомъ рѣшеніи и, оставаясь въ постоянной связи съ комиссіей, стремятся придать движенію мирный и организованный характеръ“. Такимъ образомъ, въ моментъ появленія первой вооруженной силы, очевидно, по заранѣе условленному соглашенію, создавался главный штабъ возстанія и пронодались нити къ периферіи. На слѣдующій день, 4 іюля, солдатская секція и 5 іюля совѣтъ въ цѣломъ должны были санкціонировать рѣшеніе рабочей секціи.

Внѣ Таврическаго дворца, на улицахъ, митинговые ораторы развивали планъ большевиковъ совершенно открыто. Они обѣщали слушателямъ, что придутъ вооруженные кромшадцы, которые, выйдя съ первымъ пулеметнымъ полкомъ и гвардейскими: Московскимъ, Гренадерскимъ и Павловскимъ, должны захватить власть и передать ее въ руки совѣтовъ р. и с. д. Еще днемъ 3-го іюля исполнительный комитетъ получилъ извѣстіе, что первый пулеметный полкъ разослалъ агитаторовъ къ частямъ гарнизона, чтобы склонить ихъ къ вооруженному выступленію, и что нѣкоторые полки дали на это свое согласіе. Бюро центрального комитета с.-р. и с.-д. и бюро исполнительнаго комитета крестьянскихъ депутатовъ немедленно разослали въ полки по телеграфу воззваніе, въ которомъ напоминалось, что вооруженныя выступленія безъ призыва главнокомандующаго

запрещены, что нарушители будут объявлены изменниками и врагами революции и что расформирование полков—повод для выступления—произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказу „избранного нами военного министра, товарища А. Ф. Керенского“. Правительству стало известно о готовящемся вооруженном восстании еще 2-го июля вечером: тогда же было сообщено об этом штабу петроградского военного округа и министру юстиции Переверзеву, который сдѣлал срочный доклад правительству.

Восстание 3—5 июля.

Это не помѣшало, какъ мы видѣли, большевикамъ начать съ вечера 3-го июля осуществленіе задуманнаго плана. Намѣченныя войсковыя части, первый пулеметный и гренадерскій полки (последній въ составѣ всего 800 чол.), выступили изъ казармъ ровно безъ четверти девять. Ровно въ девять вооруженный автомобиль требовалъ выступленія Семеновскаго полка, но тотъ заявилъ, что выступить только по приказанію своего комитета. За часть—два до этого двинулись въ центральныя части города рабочіе забастовавшихъ заводовъ—Деснера, Нобеля, Нарвіайнена, Путиловскаго. Въ началѣ десятаго всѣ эти толпы пришли къ Таврическому двору и загрохотали прилегающія улицы. Попытки Чхеидзе убѣдить ихъ разойтись остались безплодны: они знали, зачѣмъ пришли, и встрѣтили шумными аплодисментами призывы Троцкаго о передачѣ всей власти советамъ. Была попытка арестовать Керенскаго. Въ 8 часовъ вечера шесть автомобилей съ пулеметами прибыли для этого на варшавскій вокзалъ. Но военный министръ ихъ предупредилъ: въ 7 ч. 40 мин. онъ уѣхалъ въ дѣйствующую армію. Около 10 ч. появился автомобиль у квартиры кн. Львова и потребовалъ выдачи всѣхъ засѣдавшихъ тамъ министровъ. Дѣло ограничилось, однако, захватомъ автомобиля Церетели.

Въ Таврическомъ дворцѣ уперно несли службу, что арестованы всѣ министры. Только прибылъ Церетели и Чернова разувѣрилъ публику. Министры приняли участіе въ соединенномъ засѣданіи ц. к. совѣтовъ и исп. к. совѣта крест. д., которое началось въ полночь на 4 июля. За подписью Чхеидзе послана была телефонограмма во всѣ полки съ предложеніемъ прислать делегатовъ отъ каждой части. Делегаты начали прибывать. Но снаружи къ дворцу продолжали приходить новыя толпы рабочихъ, настроенныхъ болѣе революціонно. Предложеніе Чхеидзе всѣмъ присутствующимъ—взять на себя моральную отвѣтственность за проведеніе до конца всѣхъ постановленій собранія и уйти изъ засѣданія тѣмъ, кто не хочетъ дѣлать такого обязательства—было принято всѣми, кромѣ 21 большевика и с.-р. интернаціоналиста. Выйдя изъ зала, эта группа скоро вернулась съ протестомъ противъ нарушенія правъ меньшинства и продолжала участвовать въ преніяхъ. Большинство ораторовъ рѣшительно высказывалось противъ выступленія. Нѣкоторые требовали объявленія военного положенія. Требованіе вѣковаго Склярова, одѣтаго въ форму солдата пулеметнаго полка, о передачѣ власти петроградскому совету р. и с. д. кончилось обнаруженіемъ самованства его и арестомъ оратора. Кругомъ дворца, въ саду, подъ охраной вооруженныхъ солдатъ, всю ночь шли митинги и развѣшались знамена и плакаты съ требованіемъ: „вся власть советамъ“. Члены агитаціонной коммисіи петроградскаго совета освѣдомлялись на мѣстахъ, на заводахъ и въ казармахъ о настроеніи.

Наступило 4-е июля. Правительство, теперь уже вполне освѣдомленное, нѣло достаточно времени, чтобы ирготовиться къ защитѣ и пресѣчь дальѣйшіе безпорядки.

Въ действительности, правительство проявило те же бездѣйствіе и обнаружило такое же безсиліе, какія, въсколько нѣсколько спустя, привели къ побѣдѣ большевиковъ. Иная, лившаяся въ подполье въ штабъ петроградскаго военного округа, гдѣ предполагалось за-
сѣданіе министровъ, не состоявшееся вечеромъ, „имѣли случай наблюдать явленія, не
могущія быть названными иначе, какъ „кризисъ власти“... Нѣкоторые члены времен-
наго правительства и исполнительный комитетъ находились фактически въ плѣну, въ
Таврическомъ дворцѣ, окруженномъ вооруженными демонстраціями, причемъ изъ испол-
нительнаго комитета просили по телефону прислать вырчку и справлялись, послана ли
артиллерія. Члены врем. правительства, М. И. Терещенко и Н. В. Некрасовъ, ушли изъ
штаба, ни съ кѣмъ не простившись, еще до прихода вызваннаго главнокомандующаго
войсками (они вернулись въ штабъ послѣ полуночи, когда Тавричскій дворецъ былъ
уже освобожденъ). Составителямъ протокола стало извѣстно, что нѣтъ точныхъ
свідѣній о настроеніи воинскихъ частей, и не могло правительство учесть соотношеній
силъ. *)

Но въ лучшемъ положеніи было и социалистическое большинство совѣтовъ. Въ пять
часовъ утра соединенное засѣданіе въ Таврич. дворцѣ приняло революцію, въ которой
исполнительные органы совѣта „съ негодованіемъ отвергли всякую попытку давить на
нихъ волю“ и приравнивали къ „предательству“ дѣянія вооруженныхъ людей, пролив-
шихъ кровь на улицахъ столицы, и ихъ вдохновителей. Резолюція „протестовала про-
тивъ этихъ зловѣщихъ признаковъ разложенія, подпавшаго подъ всякую народную
власть, не исключая и власти будущаго Учредительнаго Собранія“, и „требовала, разъ
навсегда, прекращенія подобныхъ, возморящихъ революціонный Петроградъ, выступленій“.
Дальше резолюція представители совѣтовъ пойти не могли. Когда среди дня подошли къ
Таврическому дворцу кровшадскіе матросы и пытались силой проникнуть внутрь
дворца, и когда навстрѣчу имъ вышелъ Черновъ, его съ трудомъ выслушали, прерывали
рѣзкими вопросами и возгласами, хотѣли обыскать, затѣяли схватки, посадили въ авто-
мобиль и объявили заложникомъ. Въ залѣ засѣданія при вѣсти объ арестѣ Чернова на-
чалась паника. Раньше, чѣмъ избранная тутъ же делегація для освобожденія Чернова
исполнила порученіе, министры освободили большевикъ Троцкій и при дружескихъ апло-
дисментахъ провелъ его въ залъ засѣданій. Быть можетъ, участники засѣданія смутно
чувствовали, чей триумфъ означаетъ эта унизительная сцена. Послѣ нея въ засѣданіе
были допущены 90 представителей 64 фабрикъ и заводовъ, которые выражали свое воз-
мущеніе возмущеніемъ исполнительныхъ органовъ совѣтовъ, обличали министровъ-социали-
стовъ, которые „вошли съ соглашеніемъ съ буржуазіей“, требовали контроля надъ про-
мышленностью и передачу всей власти совѣтамъ. Послѣ того, какъ Чхендзе удалился, на-
конецъ, изъ засѣданія постороннихъ, Церетели выступилъ съ предложеніемъ собрать въ
теченіе двухъ недѣль новый всероссійскій съѣздъ совѣтовъ—при томъ въ Москвѣ, „чтобы
безответственные лица не мѣшали работать“,—а до съѣзда оставить власть въ рукахъ
министровъ-социалистовъ, чтобы показать, что уходъ к.-д. не испугалъ буржуазію. Данъ
отъ имени своихъ единомышленниковъ вѣзвѣтъ, что они несогласны на передачу власти
соціалистамъ. „Пусть возьмутъ власть тѣ, кто вызвалъ событія 3-го іюля“. Эти испугав-

*) Протоколъ этотъ, объясняющій появленіе письма Алексинскаго и Паниратова (см.
ниже), появился въ газетахъ 9-го іюля.

мыя рѣчи свидѣлствуютъ о напечесномъ настроеніи собранія, питавшаго тревожными слухами извѣст. То въ залъ въбѣгаетъ солдатъ и, прерывая оратора (Стеклова), кричитъ, что на Марсовомъ полѣ казаки расстрѣливаютъ народъ. То съ хоръ кричатъ, что у Таврическаго дворца казаки расстрѣливаютъ солдатъ (въ дѣйствительности проходило обратное). То въ залъ является солдатъ съ винтовкой и отъ „имени революціонной арміи“ требуетъ Церетели: иначе придутъ вооруженные солдаты и выведутъ его силой. То доносится слухи, что передъ дворцомъ кричатъ: „надо убить министровъ-соціалистствъ“, „уничтожить буржуазію, какъ наѣкомыхъ“ и т. д.

Весь день, до вечера, городъ былъ въ рукахъ возставшихъ, и если бы возставшіе серьезно рассчитывали на побѣду, если бы они составили соответственный тактический планъ дѣйствій, если бы они были готовы политической программой, день 4-го іюля могъ бы закончиться ихъ торжествомъ. Но они лишь дѣлали первую пробу и еще не знали, до какой степени слабо и беззащитно правительство. Оказавшись, неожиданно для себя, господами положенія, они бѣстолково метались по улицамъ и не знали что дѣлать дальше. Въ этотъ день имъ больше нечего было сказать. Пришедшіе въ Петроградъ пропашадцы заявляли, что не знаютъ, зачѣмъ ихъ вызвали и почему заставляютъ голыми руками скитаться по улицамъ. Въ разныхъ частяхъ Петрограда, особенно на людныхъ перекресткахъ, собиралась беспорядочная толпа, затѣмъ раздавались шальная выстрѣлы, въ нихъ слѣдовала пулеметная и ружейная перестрѣлка, и толпа въ напикъ шарахалась въ сторону, оставляя на мѣстѣ случайныя жертвы любопытства.

Естественіе извѣрованіе и побѣжденіе.

Наконецъ, растерявшіяся власть начала приходить въ себя. Кн. Львовъ съ нѣкоторыми членами врем. правительства находились въ штабѣ главнокомандующаго войсками округа, откуда и дѣлались распоряженія. Днемъ 4-го іюля, „исполняя приказъ временнаго правительства“, ген. Половцевъ, предложилъ воинскимъ частямъ приступить немедленно къ востановленію порядка на улицахъ. Не дожидаясь этого приказа, первые явились на выручку беззащитнаго тогда штаба и правительства—нивалды. Въѣхавъ съ юнкерами и добровольцами въ публички они овладѣли нѣсколькими броневыми автомобилями. Въ 7 ч. вечера на Дворцовой площади собрались юнкера Владимірскаго военного училища, 9-й кавалерійскій полкъ и первый казачій полкъ. Правительство вызвало еще нѣ Павловска конную гвардейскую артиллерію и двѣ сотни (1-я и 4-я) донскихъ казачьихъ полковъ, четыре роты измайловцевъ и двѣ роты семеновцевъ. „Немедленно по прибытіи войскъ и по полученіи крайне тревожныхъ извѣстій отъ членовъ врем. правительства, находившихся въ Таврическомъ дворцѣ, часть войскъ была направлена для освобожденія исполнительнаго комитета, окружнаго въ Таврическомъ дворцѣ. По пути прикрывавшіе артиллерію казаки подверглись около Троицкаго моста перекрестному и пулеметному огню; среди нихъ были довольно значительныя потери. Артиллерія, давъ залпъ, разомъ очистила себѣ дорогу, и толпы у Таврическаго дворца разбѣгались.“ (Правительственное сообщеніе). Для разоруженія автомобилей и вооруженныхъ людей, прибывшія на Дворцовую площадь войска были распределены по районамъ. Въ каждый районъ были направлены сотни казаковъ, взводъ 9-го кавалерійскаго полка и взводъ преображенцевъ. Всѣ захваченные автомобили и арестованные лица направлялись въ

главный штабъ, гдѣ уже засѣдала слѣдственная коммиссія и допрашивала задержанныхъ. По центральнымъ улицамъ съ вечера ходили военные патрули. »

„До прибытія войскъ“, говорится въ официальномъ сообщеніи, „вооруженной толпой подъ руководствомъ неизвѣстныхъ лицъ была сдѣлана неудачная попытка захватить контръ-развѣдочное бюро на Воскресенской набережной“. Очевидно, „неизвѣстныя лица“ хорошо знали, какого рода свѣдѣнія хранятся въ контръ-развѣдкѣ по поводу большевистскихъ вождей. И ихъ опасенія, что этотъ матеріалъ станетъ извѣстенъ, были не напрасны. Въ теченіе того же 4 іюля членъ второй Гос. Думы Алексинскій и шиллессельбуржецъ Панкратовъ сообщили правительству, что у нихъ нѣтъ документовъ, „изъ которыхъ русскіе граждане увидятъ, откуда и какая опасность грозитъ русской свободѣ“. Документы эти немедленно были сообщены Преображенскому полку, ближайшему къ штабу, — и круто измѣнили его настроеніе въ сторону защиты правительства. Министръ юстиціи Перенеревъ согласился не препятствовать напечатанію писемъ. Въ виду трудности немедленнаго напечатанія нѣкихъ документовъ, было сдѣлано короткое изложеніе главнѣйшихъ фактовъ и передано въ бюро журналистовъ. Слухи о содержавшихся тамъ разоблаченіяхъ сильно повлияли на переломъ настроенія воинскихъ частей. Вотъ эти разоблаченія — въ томъ видѣ, какъ они появились въ газетахъ на слѣдующій день, 5 іюля.

„Протоколъ отъ 16 мая 1917 года, № 3719. Начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго препроводилъ военному министру протоколъ допроса отъ 28 апрѣля с. г. прапорщика 16 Сибирскаго стрѣлковаго полка Ерголенко. Изъ показаній, данныхъ имъ начальнику развѣдывательнаго отдѣленія штаба верховнаго главнокомандующаго, устанавливается слѣдующее. Онъ переброшенъ 25 апрѣля с. г. къ намъ на фронтъ 6-ой арміи для агитаціи въ пользу скорѣйшаго заключенія сепаратнаго мира съ Германіей. Порученіе это Ерголенко принялъ по настоянію товарищей. Офицеры германскаго генеральнаго штаба, Шидцкій и Люберсъ, ему сообщили, что такого же рода агитацію ведутъ въ Россіи агенты германскаго генеральнаго штаба и предсѣдатель украинской секціи „союза освобожденія Украины“, А. Скорошъ-Юатуховскій и Ленинъ. Дѣлову поручено стремиться всѣми силами къ подрыву довѣрія русскаго народа къ временному правительству. Деньги на агитацію получаютъ черезъ Свѣтсона, служащаго въ Стокгольмѣ при германскомъ посольствѣ. Деньги и инструкція посылаются черезъ добренскихъ лицъ. Согласно только что поступившимъ свѣдѣніямъ, таковыми добренскими лицами являются въ Стокгольмѣ большевикъ Яковъ Фюрстенбергъ, извѣстный болѣе подъ фамиліей Ганецкій, и Парвусъ, д-ръ Гельбаръ, большевикъ прис. пов. Мих. Юр. Козловскій, родственника Ганецкаго Суменсонъ, занимающагося совместно съ Ганецкимъ спекуляціей, и другіе. Козловскій является главнымъ получателемъ нѣмецкихъ денегъ, переводимыхъ изъ Берлина черезъ „Дисконто-Гезельшафтъ“, въ Стокгольмѣ „Ниа-Банкъ“, откуда на Сибирскій банкъ въ Петроградѣ. Военной цензурой установленъ непрерывный обѣихъ телеграммами политическаго и денежнаго характера между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольмъ — Петроградъ)*.

Опубликованіе этихъ данныхъ, очевидно, отнимало у контръ-развѣдки возможность идти дальше по раскрытымъ слѣдамъ и дѣлало необходимымъ немедленный арестъ Суменсонъ, Козловскаго и другихъ, а также обыскъ въ домѣ Кшесинской. Но до напечатанія разоблаченій произвести эти дѣйствія было невозможно, а не напечатаніемъ

заграничные сообщники Ленина получили полную возможность замести слѣды. Вотъ почему Некрасовъ и Терещенко, вернувшись въ штабъ и узнавъ о готовящемся разоблаченіи, „подняли бурю негодованія“. Некрасовъ даже „сталъ кричать“ на чиновъ миѣнстерства юстиціи, „говоря, что онъ ихъ арестуетъ и считаетъ такое опубликованіе—предательствомъ“ (цитированный выше протоколъ). Кн. Львовъ послѣ того немедленно останавливалъ печатаніе сообщенія, уже набраннаго нѣкоторыми газетами. Но оно все таки появилось въ одной уличной петроградской газеткѣ, очень распространенной среди народа, и, какъ мы видѣли, сдѣлало свое дѣло.

Въ Таврическомъ дворцѣ разоблаченіе было передано исполнительному комитету и произвело громадное впечатлѣніе. Зиновьевъ и Козловскій, очевидно, уже узнавши о разоблаченіи, ходили блѣдые и взволнованные. Въ ночномъ засѣданіи комитетовъ большевики сидѣли чрезвычайно смущенные и безмолвствовали. Нерѣшительнымъ голосомъ Муначарскій прочелъ ихъ проектъ резолюціи о передачѣ власти совѣтамъ, и за нее высказалось только 40 человекъ противъ 400, голосовавшихъ за резолюцію с.-р. и меньшевиковъ. Этотъ результатъ, впрочемъ, вполне соответствовалъ измѣнившейся картинѣ въ кудуарахъ и кругомъ дворца. Передъ появившимися около 9-ти ч. вечера правительственными войсками, многотысячная вооруженная толпа, плотно окружавшая дворецъ, немедленно разбѣжалась. Ночью пришли измайловцы, семеновцы, литовцы, и, обращаясь къ послѣднимъ, Скобелевъ закончилъ свою рѣчь словами: „когда мы видимъ здѣсь наши штаны, готовые поддерживать революціонную демократію, мы спокойны за будущее русской революціи.“

Резолюція исполнительныхъ комитетовъ признавала, что уходъ к.-д. „ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться поводомъ для лишенія правительства поддержки революціонной демократіи“ и что онъ „дастъ демократіи основаніе для пересмотра своего отношенія къ организаціи правительственной власти“. Но для такого пересмотра необходимо „собраніе полного состава исполнительныхъ комитетовъ... съ представительствомъ съ ихъ стороны“, особенно теперь, послѣ „попытки навязать волю меньшинства вооруженнымъ выступленіемъ.“ „Въ виду этого собраніе постановляетъ собрать черезъ дѣйствительное полное собраніе и передать ему „рѣшеніе вопроса объ организаціи новой власти.“ До этого момента „вся полнота власти должна оставаться въ рукахъ теперешняго правительства.“ Только полное собраніе исполнительныхъ комитетовъ можетъ рѣшить и передать „всей власти въ руки совѣтовъ“, если того захочетъ „революціонная демократія“.

Уладивъ главный вопросъ, собраніе перешло къ обсужденію обвиненій противъ Ленина и др. Тутъ побѣдившее большинство оказалось по прежнему нерѣшительнымъ. Оно, видимо, все еще стояло принципиально на точкѣ зрѣнія „дейной пропаганды“ большевиковъ и, „впредь до окончанія работъ комиссіи (назначенной „по просьбѣ представителей большевистской фракціи“), предлагало воздержаться отъ распространенія позорящихъ обвиненій и выраженія своего отношенія къ нимъ“, „считая всякаго рода выступленія по этому поводу недопустимыми.“ Подъ эту категорію совѣщаніе подвело, очевидно, и „выступленіе министра юстиціи, ибо въ томъ же ночномъ засѣданіи оно разрѣшило правительству принять отставку П. Н. Перевирова, поданную еще недѣлей раньше. Съ своей стороны, большевики усердно принялись обѣлять себя и сводить свою роль въ восстаніи 3—5 іюля къ провозглашенію лозунга „мирной и организованной“ демонстра-

ции. Но молчаливому согласию, вина за провоцирование восстания была возложена, как за это намекала уже приведенная резолюция, на выходъ к.-д. изъ министерства*).

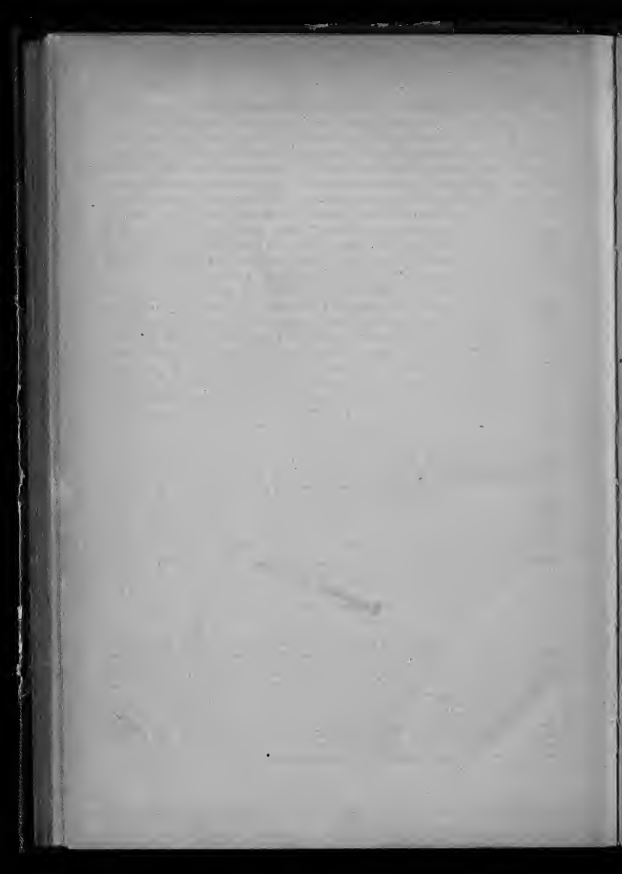
Даже „День“ утверждалъ, что „кадеты могутъ быть довольны“, ибо „ихъ планъ провоцированія максималистской стихіи Петрограда удался на славу“, и что черезъ „большевистскую диктатуру“ „кадетскіе политики“ рассчитываютъ „продолжить путь къ конечному торжеству идей партіи народной свободы.“ Конечно, только въ полемическомъ задорѣ могли быть выставлены подобныя обвиненія. Изъ двухъ путей развитія революціи, стихійнаго и сознательнаго, партія народной свободы всегда стояла и боролась за послѣдній. Путь къ „большевистской диктатурѣ“ лежалъ именно черезъ тѣ ошибки и заблужденія утопическаго социализма, которыя эта партія тѣтено пыталась предупредить и разсѣять, выдвигая противъ тактики „ущубления“ революціи свою тактику сохраненія добытыхъ революціей результатовъ путемъ созданія твердой власти.

5-го іюля порядокъ въ Петроградѣ былъ окончательно восстановленъ. Большая часть полковъ, участвовавшая въ наступленіи, принесла штабу повинную и обещала впредь выступать на улицу лишь по законнымъ приказамъ. Кронштадтскіе матросы, во главѣ съ Рогоземъ и Раскольниковымъ, захватили Метронавловскую крѣпость, освободили ее ночью съ 5-го на 6-ое іюля, носивъ долгихъ переговоровъ съ делегатами съѣзда, Каменевымъ, Зиновьевымъ и Либерамъ. Около 10-ти часовъ вечера 5-го іюля кришна изъ Кронштадта три миноносца и, оставившись у Николаевского моста, послали въ Таврической дворецъ требованіе передать всю власть съѣзду. Делегаты могли лишь констатировать, что они опоздали и что восстаніе произошло. То же самое повсталировали и анархистскія прокламаціи, разбрасывавшіяся съ автомобилями 5-го іюля: въ нихъ говорилось, что выступленіе солдатъ и рабочихъ 4-го іюля показало силу революціи, но не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Для окончательнаго завоеванія власти анархисты предлагали новое выступленіе. Но это предложеніе уже не дѣйствовало. Новыя вѣрныя правительству части войскъ, входившія въ теченіе дня и слѣдующей ночи въ столицу. Бое-гдѣ появлявшіеся автомобили съ вооруженными солдатами и штатскими захватывались правительственными патрулями. Петроградъ мало по малу принималъ обычный видъ. Къ вечеру на Невскомъ появились толпы гуляющихъ, заработали кинематографы.

Конечъ восстанія закрѣпилъ крушеніе коалиціоннаго правительства. Но онъ не погасилъ съ кризисомъ власти. Напротивъ, онъ только открылъ этотъ кризисъ съ небывалой до того времени глубиной и серьезностью.

Известіе К. Д. Демкина

*) Къ даннымъ, приведеннымъ въ текстъ и доказывающимъ совершенно неависимость отъ выхода к.-д. подготовку восстанія большевиками, прибавимъ еще любопытный документъ, найденный у солдата, явившагося для захвата типографіи „Новаго Времени.“ Мандатъ. Снимъ упоминанаго товарища Гурьевъ, Пакомовъ и Никоновъ отправятся въ Ораненбаумъ для объявленія постановленія о вооруженномъ выступленіи трехъ батальоновъ перваго пулеметнаго полка завтра, 3-го іюля, для сверженія временнаго правительства и восстановленія власти совѣта р. и с. д. и чтобы поддержать наши выступленія. Такъ формулировалась задача восстанія 2-го іюля; его внѣшнимъ поводомъ было выбрано расформированіе гроднагскаго полка. И на знаменахъ демонстрантовъ 3-го іюля значилось еще традиционное „Долой десять министровъ—капиталистовъ.“ Только уже 4-го іюля Луначарскій приспособилъ этотъ лозунгъ къ министерскому кризису, провозгласивъ съ балкона дворца Кшесинской низверженіе „шести министровъ-буржуа.“

Книгоиздательство „ЛѢТОПИСЬ“.

Кіевъ, Рейтарская 29. Тел. 55-83.
Для телеграммъ: Кіевъ Лѣтопись.

Отдѣлъ общественно-политическій.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. Проф. С. Н. Булгаковъ. На пиру боговъ. Цѣна 5 руб.

«Давно уже не приходилось держать въ рукахъ книги, помѣченной послѣдними годами и могущей быть названной «благородной».

«Вся книга полна интересныхъ и своеобразныхъ мыслей по поводу разыгравшихся событій и общественныхъ теченій, разсматриваемыхъ вдумчивымъ, философскимъ умомъ, умѣющимъ въ повседневности улавливать воздѣйствія не только временныхъ, но и болѣе глубокихъ, изначальныхъ силъ».

(Евгеній Кузьминъ. „Голосъ Кіева“).

«Брошюра С. Булгакова читается съ захватывающимъ интересомъ. Здѣсь столько вылилось чувствъ и мыслей изъ волнующейся и реагирующей русской души, столько затронуто сторонъ этой души, столько высказано мнѣній, гаданій, предположеній, что ее хочется читать снова и снова...».

(Еп. Сергій Лавровъ. „Слово“).

2. С. И. Родзевичъ. Тургеневъ. Юбилейное изданіе. Цѣна 10 р.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ:

3. Проф. П. И. Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ.

4. Проф. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія.

5. Проф. С. К. Гогель. Отчего болѣетъ Россія и какъ ей возродиться.

6. Проф. Л. Н. Яснопольскій. Возможность девальвации и кто отъ нея пострадаетъ.

7. А. К. Елачичъ. Элементарная исторія Украины XVI—XX в. в.

Проспекты и каталоги высылаются немедленно по требованію.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Кіевъ, Крещатикъ 29.

Цѣна выпуска 15 ру.

Цѣна по подпискѣ
за 4 выпуска 30 руб.

6

